

ОДИН ЧЕЛОВЕК.
ДВЕ СУДЬБЫ.

ДЕНИС ШАБАЛОВ

**БЕЗ ПРАВА
НА
ОШИБКУ**

Денис Шабалов

Без права на ошибку

«Издательские решения»

Шабалов Д. В.

Без права на ошибку / Д. В. Шабалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907651-9

«Без права на ошибку». Четвертая, завершающая книга цикла «Конституция апокалипсиса». Прямое продолжение книг «Право на силу», «Право на жизнь» и «Право на месть». И в то же время — книга-приквел. Книга-фундамент, раскрывающая нам ПОЛНУЮ историю Добрынина и Зоолога, дающая ответы на все вопросы. То, что до поры до времени было скрыто от читателя — и то, что пришла пора раскрыть. «Без права на ошибку». Обязательна к прочтению всем, кто внимательно следит за историей Даниила Добрынина.

ISBN 978-5-44-907651-9

© Шабалов Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово автора	6
ПРОЛОГ	9
Глава 1. БЛУЖДАЮЩИЙ КРАЙ	10
Глава 2. ВОЛЯ К ЖИЗНИ	25
Глава 3. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ	44
Глава 4. ОСТРОВ РЖАВОГО ГЕНЕРАЛА	61
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Без права на ошибку

Денис Шабалов

© Денис Шабалов, 2018

ISBN 978-5-4490-7651-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово автора

Здравствуйте, дорогие друзья.

Вы держите в руках «Без права на ошибку» – четвертую книгу серии «ПРАВО на...», продолжение книг «Право на силу», «Право на жизнь» и «Право на месть», заключительную книгу, в которой я постарался действительно расставить все точки над «i» и рассказать всю историю Добрынина-Зоолога.

В противовес третьей книге, четвертая писалась не больше года – хотя при этом, по объему она превосходит ее больше чем в полтора раза. Что тут скажешь... Мотивация – серьезная сила! А мотивация была. Прежде всего, пожалуй, мотивация была из-за злости. Злость – да, злость лучший мотиватор. Очень уж сильно разозлило меня отношение редакции и самого товарища Г. к писателям. Как к литературным рабам. Пишите ребята, работайте... а мы вам в итоге кинем кость со стола. Грызите... Но и конечно же была мотивация благодаря именно вам, тем, кто помог выпустить книгу!

И поэтому, прежде всего, в самом-самом начале я хотел бы произнести слова благодарности.

Благодарности!!!

Хочу прежде всего поблагодарить тех читателей, кто участвовал в нашей кампании. Мы сделали это. Собрали средства на выпуск книги в типографии. Сами. Мы обошлись без жадной лапы издательства. Все получилось, мы доказали, что это вполне возможно! Правда, прибавилось и работы. Но, как говорится: кто не работает – тот не ест и ходит без штанов ☺

Хочу поблагодарить вас, ребята и девчата, за то, что все вы, те, кто участвовал в кампании – оказались серьезными, ответственными, честными людьми. Это очень ценно в наше время. Ибо все мы прекрасно знаем, что халявщиков сейчас с избытком и книга все же рано или поздно просочится в сеть. Тем не менее вы не стали дожидаться этого и качать с торрентов, а помогли мне в выпуске.

В общем – еще раз огромное спасибо всем читателям и фанатам моих книг, принявшим участие в сборе средств! Это стало огромным подспорьем, целым куском в той самой мотивации, о которой я говорил выше. Оно и понятно – когда работа достойно оплачивается, работать – хочется!

Теперь частности.

Хочу поблагодарить Сергея Тихоненко. От него получал консультации практически в онлайн-режиме по БТР, БМП танкам и прочей военной технике. Тонкости, частности, такие, которые нельзя найти в интернете. Серега – спасибо тебе, друже! Надеюсь, поработаем еще! ☺

Хочу поблагодарить Виталия Семенова. Он стал прообразом Дедушки Витта в книге ☺ Онлайн-консультации по снайпингу. Все эти МОА, угловые минуты, баллистика, оборудование и прочее – он знает, как облупленные. Спасибо огромное, Виталь! Поработаем! ☺

Хочу поблагодарить Джанибека Газиза (Рыскалиева). Подробнейшие и развернутые консультации по Казахстану вообще и Атырау в частности. Все главы про Казахстан написаны благодаря ему. Трубопровод – это тоже его заслуга! Спасибо, Джанибек!

Также хочу поблагодарить Николая Савина. Тоже консультации по Казахстану. Он довольно подробно расписал и Атырау, и его инфраструктуру, и местность вокруг, и состояние дорог, и пр., пр., пр. Спасибо, Николай!

Хочу поблагодарить Антона Лысова. Подробные консультации по Ульяновску. Антон написал целый, не побоюсь этого слова, очерк! Со схемами. С описанием мест. Со ссылками на интернет-ресурсы. С любопытными статейками – хотя бы про ту же злосчастную базу НАТО. Спасибо, Антон!

Хочу поблагодарить Актив группы «Право на...»! И в частности Дмитрия Юданова и Аленку Черемискину. Дмитрия – за собранный Актив. За помощь в оповещении, за администраторство в группе. Аленку – за мощнейшие ролики и стихи, которые время от времени радуют нас в группе. Спасибо ОГРОМНОЕ, ребята!

Отдельно хочу поблагодарить Сергея Воробьева. За серьезный взнос в общее дело. Фактически, на нем большая часть оплаты работы над аудиокнигой. Спасибо, Сергей! Кстати – прообраз Ювелира в книге ☺ И это... Извини, в общем... Там дальше сам прочитаешь ☺ Но – ты был не против! ☺

Хочу поблагодарить Мясникова Дмитрия Александровича. За взнос в общее дело! Фактически половина оплаты художнику за обложку – на нем. Спасибо большое, Дмитрий!

Хочу поблагодарить Александра Кифера. Так же – за взнос в общее дело. Вторая половина оплаты обложки – именно его. Спасибо, Александр!

И хочу особенно поблагодарить Юку! Без нее этой книги точно не было бы!

Про группу ВКонтакте

Читателей, которые приобрели книгу на сайте Литрес, Ридеро и прочих, хотел бы пригласить в нашу группу ВКонтакте. Называется она «Право на...», но очень возможно, что название скоро сменится. Дело в том, что я собираюсь начать работу над собственной, большой, интересной, проработанной Вселенной – и есть планы сделать эту группу центральной, на которую будут завязано и «**Право**», и новая Вселенная. Да и все последующие книги, ибо останавливаться на достигнутом я не собираюсь.

Найти группу можно будет по адресу, который дан ниже. В ней вы сможете пообщаться, задать вопросы и получить ответы по книгам, почитать интересные материалы, узнать новости. Администрация группы не сидит на месте, устраивает конкурсы, где можно выиграть книгу и другие призы, пинает Автора и заставляет его устраивать онлайн-вечера общения с читателем. В общем – шустрит как может, работая на благо серии и для вашего интереса.

Адрес: https://vk.com/konst_apocalypse

Добро пожаловать!

Про дальнейшую работу

Что сподвигло меня выпускать книгу именно таким образом? Те, кто внимательно следят за новостями – знают. Кому интересно – добро пожаловать в группу ВКонтакте. Но как бы то ни было, я собираюсь продолжать дальнейшую работу именно в этом ключе. Что ни говори, а плюсов здесь гораздо больше. Плюсы хотя бы те, что именно я, как автор, определяю, каким будет текст, какой будет обложка, каким будет сюжетная линия и ее повороты. Не опираясь на редактора, который может и порезать, имея свое мнение, что лучше для издательства; не гадая, что же состряпает художник редакции, и удовлетворит ли меня обложка книги; не стараясь втиснуться в рамки требований издательства и основателя серии. Фактически – мы имеем некий интерактив: писатель – читатель. Кроме того, работая в таком ключе, я не могу позволить себе гнать второсортный материал. Это сразу же отразится на желании читателя приобрести и читать мои книги. А вот этого я позволить себе никак не могу! И конечно же, большой плюс – это финансовый вопрос. Выпуская книгу таким образом, я получаю достаточно, чтоб сконцентрироваться на дальнейшей работе над своими произведениями. В общем – и прочее-прочее-прочее. Перечислять можно долго.

Из минусов же разве только то, что приходится работать больше. В разы. Но, повторюсь: кто не работает – тот ходит голодный и без штанов.

Таким образом, как я уже и говорил, дальше я буду работать так же. По подписке. Это, кстати, все больше и больше входит в практику современных писателей. Написание, вычитка, редакция – сбор средств на типографию и гонорар – печать книги – рассылка книги читателям, сделавшим заказ (с автографом, конечно же!).

А дальнейшие планы конечно же есть. Серия «**Право**» закончена. Дальше я начинаю работать над своим миром и, собственно говоря, работа уже идет, первая книга пишется и определенное количество текста уже готово. И уже даже первая книга говорит о том, что это произведение будет куда масштабнее серии «**Право**». И надеюсь, что интереснее, ведь, как вы понимаете, мной накоплен довольно большой опыт в написании ☺ Впрочем – увидим и увидим довольно скоро. Уже есть контуры мира. Есть многие частности. Есть и интрига... Вы меня знаете☺ А в самом конце этой книги есть и небольшой отрывочек, буквально три-четыре абзаца, с которым уже можно познакомиться. Вся информация по новой серии будет выкладываться там же, в группе https://vk.com/konst_apocalypse Ориентировочная готовность первой книги серии – январь 2019 года. И как я уже говорил, все книги будут распространяться таким же образом, по предзаказу.

Ну и так. Не буду больше трюндеть и отвлекать вас от основного. Впереди почти миллион знаков текста. Интереснейшей информации. Надеюсь, что, перевернув первую страницу, вы не сможете отлипнуть от книги до самой последней. Очень надеюсь, что не обманул ваших ожиданий! И надеюсь, что, прочитав, вы черкнете хотя бы небольшой отзыв в группе. Жду этого с нетерпением!

Увлекательнейшего чтения!

С уважением – Шабалов Денис.

Май 2018 г.

ПРОЛОГ

«...Что, съели, суки?!.. Думали – всё, кончился Паутиков с одним-то патроном? Скукожился, как лох педальный, и помирать под куст лег?.. Нет, вре-е-ешь... Не такой он человек. Он вас всех еще переживет! Переживет – и веселую жизнь устроит! Воздуховоды что... это вам для затравки. Я еще вернусь. И тогда вы шавками драными вззоете! На коленях будете ползать, в ногах валяться! Через год, через пять лет – но я обязательно вернусь! Ждите!..

Ладно, пусть пока. Не вышло меня вздернуть. Сами-то не смогли, очко звенит. Наружу выкинули... А вот хрен! По всему портрету! Транспорт есть, «бэха» есть – еще побарахтаемся!

Так что теперь?.. Куда пойти, куда податься, кого б найти, кому б... кхе... кхе... не, эт не про меня... Так куда? Куда, куда... На восток, полюбому. Чем дальше в глушь – тем чище. Лучше в Сибирь, за Урал. Там и города есть, и тайга бескрайняя. Вышел за город – все, пропал человек, хрен найдешь. Схрон сделаю, оружие надыбаю... Чё мне, слабо терпилу грабануть?.. Не слабо. Жить-то всем хочется...

Или во!.. Южнее надо! Брател на границе с Казахстаном служит! Туда все ж перспективнее будет. Сейчас народ в семейки собираться начнет. В группы. В стаи сбиваться и соседа рвать. Грызня пойдет, борьба за выживание... Одиночкой теперь не вариант. И тот же гарнизон пограничный – он все козыри имеет. Оружие – раз. Техника – два. Топливо – три. Жрачка, люди... А что порядки военные – так и чо?.. Плавали, знаем. Служили, вернее. И еще послужим, если понадобится. Наша служба и опасна, и трудна... и на первый взгляд... э-э-э... как там... а, похер... и на первый взгляд на-на, на-на, на-на... Э, бля, не тупи, Колян, это ж про мен-тов... А брател-то в погранцах. Городок небольшой, гарнизон маленький – про них и забыли, наверно, в суматохе. Вряд ли подняли и кинули куда... Да и куда кидать, если все разом медным тазом... Не, полюбому он там. Ну а даже если и нет – однохерственно там чище, чем в городишке. Эк, бля, отбомбились туда, нехило... Если б не демрон, да не «бэха» из аптеки – все, склеил бы ласты моментом. Ну и «буханка» помогла, на колесах куда быстрее из заражения выползает... правда, херово чё-то в груди, моторчик жмет, да кишки наизнанку выворачивает... но это ничего, это еще терпимо... Прорвемся. Эх, держись... Держись, говорю, Колян! Бля буду, прорвемся!»

Глава 1. БЛУЖДАЮЩИЙ КРАЙ

Марш-бросок начался в высоком темпе. Первый час Добрынин пер, как лось на водопой – ломил сквозь кустарник, пытаясь повредить как можно больше веток, пробивался сквозь высокую траву на полянках, оставляя за собой широкий умятый коридор, ударом бронированного кулака ломая иногда мелкие деревца, благо, новоприобретенный доспех позволял еще и не такие фокусы... Шрек со Счетчиком ушлёпали вниз по реке, он же сам рванул вверх по ближнему берегу, не переходя вброд – нужно было оставить след, по которому и пойдет возможная погоня.

План вырисовывался такой: сделав крюк километров двадцать, уйти на юг, закруглить на восток, затем на север – и вернуться к месту базирования каравана. Убить двух зайцев: и след в сторону увести, и средства к существованию добыть. Вся снаряга в лагере осталась. Там рационы питания и вода, боеприпас и медицина, фильтры. С собой у него лишь самое необходимое, оружие и боезапас. Да и как иначе? Не гадал не думал, не ожидал удара в спину. Путь до дому рисовался долгим, и без жизненно необходимого снаряжения не протянешь. Ладно еще тут, на севере, где местность в основном чиста... но по мере того, как он будет спускаться южнее, расти будет и радиационный фон.

Сразу же озаботился и тем, как погоню придержать. Раньше нужного не должны сообразить, что он петлей пошел. Времени ему на караван требовалось немного, но лучше в этом деле иметь запас. Хотя бы минут сорок. Поэтому копать некогда, копать позже будем, а пока – сообразить что-то на скорую руку. Лесных ловушек в стиле вьетнамских партизан или Джона Рэмбо выставить он не успеет, но уж пару-тройку растяжек наострить можно.

Пробежав с километр, приостановился на пару минут. Первую растяжку – сигналку, спаренную с гранатой Ф-1, примостил у самой земли. Вторую такую же – шагах в десяти до первой, но выше, на уровне груди. Лесочка тонкая, зеленая, глазу почти незаметная... Собачка вперед бежит и у человека все внимание на нее. Четвероногий друг нижнюю растяжку сорвет, а охотник уже на верхнюю налетит. Или в обратном порядке.

Выставил растяжки – и ходу теперь! Ходу!

Хреннее всего было то, что никаких средств позиционирования у него сейчас при себе не было. Даже компаса завалящего. А значит, существует большая вероятность затеряться в бескрайней тайге, как песчинка. Пока он кружит рядом с комбинатом – Данил по старинке продолжал называть это место именно так, привык за время путешествия – заплутать невозможно: рев техники, выстрелы и взрывы в тихом лесу слышно далеко, а если и уйдешь за пределы слышимости, так влезть только на дерево и сразу всю картину увидишь. Где дым – туда и держи. А вот в долгой дороге держать направление по одному только солнышку затруднительно. Нет, компас нужен. А еще нужна карта, та самая, на которой он пройденный путь отмечал. Там она, в кунге под номером один лежит, дожидается...

Первые километров семь он одолел на одном дыхании – работала злоба, ненависть и кипящий в крови адреналин. Потом понемногу стал выдыхаться. Хотя и бежал налегке, без рюкзака за плечами, да в волшебном комбесе – но места тут дремучие, тайга. Через кустарник ломить тоже силы нужны. То через дерево прыгнешь, то сквозь бурелом пробираешься, то в овражек спустишься-поднимись... А если в овражке, к примеру, малинник – так и вовсе беда, минут десять уйдет, пока продерешься.

Часа через два пришлось сделать вторую остановку: темп взял высокий, да и организм отвык от настоящих нагрузок за недели в кунге. Не загнать бы себя. Ну да ничего, день-два и втянется. Шпарить будет, хрен остановишь. Но не сейчас. Не сразу.

Выбрал здоровенный, в четыре обхвата, дуб. Влез почти на самую макушку. Собственно, как и ожидал, сразу же определился с местоположением. К югу от комбината, семь-восемь

километров, не меньше. За два часа по дремучей тайге – приличное расстояние. Десять минут на отдых и пора закруглять к востоку.

Здесь же, на дереве, удобно расположившись на толстом изогнутом суку, скоренько провел инвентаризацию. Шесть снаряженных магазинов к винторезу, пара пачек россыпью, металлическая коробочка с сотней «Шершней»; два магазина к «Перначу»; тридцать патронов к дробовику; четыре эфки, девять подствольных гранат – термобарические, осколочные, зажигательные. Ножи. Не много, но не так уж и мало. Вполне достаточно для визита в лагерь. Из остального – противогаз, дозиметр, бинокль, гидратор, полный воды, бэха, аварийный рацион. Все. Небогатый запас, который нужно пополнить из закромов каравана.

Вновь распахивая все по подсумкам, Данил расстегнул фиксаторы и снял шлем. Дозиметр сидел в подсумке тихо, как мышка в норке, голоса не подавал – и это значило, что окружающий фон здоровью не повредит. Дернул с разгруза загубник гидратора, приложился, высосал три больших глотка – и, не без сожаления закрыв клапан, пихнул обратно. Воду следовало экономить – по крайней мере до той поры, пока не разживется в лагере. Плохо соли нет. С потом выходит, пополнить нечем. А водно-солевой баланс для организма важен. Тут выход: либо в караване добыть, либо, на худой конец, чистый солонец в тайге найти. Земли набрать, на привале выпарить... Так ведь опять-таки котелок нужен. Куда ни кинь, а к лагерю нужно вернуться и по максимуму оттуда позаимствовать.

Сзади, приглушенная расстоянием, хлопнула растяжка, следом, почти без перерыва, – вторая. И тут же над кронами деревьев вспухли и начали взбираться все выше и выше в небо две ярко-красных ракеты. Обе отработали. Добрынин прикинул расстояние – километров пять. Теперь минут десять на суматоху, на оказание помощи раненым и посеченным. Только потом дальше тронутся, но теперь уже осторожнее пойдут. А он отрываться начнет и к каравану как раз с необходимым запасом времени прибудет. Тут уже не двадцать минут и даже не тридцать – не меньше часа в запасе.

От дуба взял резко на восток. Местность, вначале ровная, вскоре начала довольно шустро забирать все больше и больше вверх, в гору. Понемногу менялся и лес – меньше травы и подлеска, меньше лиственных деревьев, больше крупного кустарника и сосен. Бежать стало легче – сосна растет на песке, который не нравится подлеску и Данил наддал, понимая, что оторваться нужно как можно дальше. Качественно оторваться, чтоб в разгар плясок у каравана не получить пинок по заднице от подоспевших преследователей. В нем сейчас боролись два прямо противоположных желания: ломить вперед, быстрее добраться до лагеря и устроить кипишь, – и остаться на месте, подготовить засаду, понаблюдать, увидеть, что представляет собой погоня. С его-то подготовкой, да работая из неприметного укрытия бесшумной винтовкой – гарантированно ухлопает в таком лесу человек пять за раз. Дальше снова рывок и новая засада... Чисто Спартак в бою с самнитами. Так, глядишь, и отработает всю группу. В одном только загвоздка: пока он тут будет стрельбой по целям развлекаться кто-нибудь додумается в лагерь сообщить. И тогда не видать ему хабара как своих ушей.

Пока пер вперед по бурелому – как-то не обращал внимания на свой боевой трофей, не до того было. Но теперь, вырвавшись на открытый участок и прибавив ходу, Данил сразу же почувствовал, как сильно помогает ему комбинезон. Ощущение было такое, словно толстая ткань уника снимала с мышц часть усилия, брала на себя львиную долю работы, резко увеличивая мощностные показатели. Приноравливаясь к скафандру, он пару раз легко подпрыгнул, затем, ускорившись, сильно толкнулся вверх – и без труда перелетел через завалившееся на пути дерево. Метра два высотой, не меньше! Запнулся было, сбившись с темпа, – но комбез помог и тут, ускоряя движение ног и выравнивая стремительный бег. Однако... Данил ошалело покрутил головой. Пожалуй, на первых порах поосторожнее надо, пока мозг не соразмерит мощность усилия с отдачей на выходе...

Спустя полчаса бега в ускоренном темпе, когда начало сбиваться дыхание и тело принялось наливать первой, еще не свинцовой, тяжестью, он вновь сделал привал. К этому времени рельеф опять изменился, местность теперь поднималась с севера на юг, а Добрынин вот уже некоторое время бежал на восток, перпендикулярно подъему, словно обегая поднимающуюся вправо от него гору. Слева сквозь кроны деревьев время от времени проглядывало безбрежное таежное море – и вдали, не менее чем в десяти километрах, тонкой прерывающейся линией виднелся бетонный периметр комбината посреди здоровенной проплешины. Там все еще шел бой – наверняка выкуривали остатки защитников, чистили застройку и подземные коммуникации.

Охотники остались далеко – Добрынин надеялся, что теперь у него в запасе не меньше двух часов. Все ж скорость он после первого привала развил высокую, рвал галопом, а преследователи, небезосновательно опасаясь повторных сюрпризов, вынуждены были проверяться и терять на этом время. А то и вовсе повернули назад, осознав бесполезность преследования.

Немного переведя дух, он опять погнался вперед, забирая теперь уже к северо-западу, чтобы оставить периметр комбината справа и выйти на лагерь. Отсюда почти все время шел спуск: сначала резкий, потом все более и более отлогий, и последние пару километров он двигался практически по ровной местности. Чтобы не сбиться с курса, вновь пришлось лезть на дерево. Комбинат виднелся впереди и правее, направление выбрано правильно, ориентировочное положение лагеря – десять километров к западу.

И все же он чуть было не промахнулся. Оно и немудрено – летом в лесу распознать укрытую масксетями технику сложновато. Однако вышел удачно, местность узнал – на днях ходил тут несколько раз в разведку к комбинату, потому и запомнил. До места совсем ничего, каких-то полкилометра и с этого момента требовалась осторожность. Вывалиться из кустов прямо под нос караулу – такое ему совсем не улыбалось.

Минут двадцать ушло только на то, чтоб подобраться поближе к лагерю. Расположение постов он не знал, количество задействованного народа тоже. Однако что-то подсказывало – немного. Люди сейчас гораздо нужнее в другом месте.

Шагов за пятьдесят, когда сквозь деревья стали проглядывать квадратные контуры кунгов на пригорке, Добрынин остановился. Улегся у толстого дерева, прижался к стволу, надеясь хоть немного слиться чернотой костюма с серой древесной корой, замер, выискивая посты. Для наблюдателей со стороны лес сейчас весь в тених и солнечных бликах, и черное пятно между корней разглядеть сложновато... Однако – возможно. Особенно если оно, это пятно, движется в зеленке. Заметка на будущее – нужно с этим что-то делать. Масксеть на комбез накрутить, или наподобие, чтоб в пестром зеленом лесу черным пятном не маячить.

Первого караульного он углядел минут через десять. Тот лежал под кунгом, в тени у самого колеса, и, если б не шевельнулся, так и остался бы незамеченным. Но, видать, не судьба. Допустил ошибку – пеняй на себя. Но и то ж... Бойцов понять можно. Во-первых, зудит все внутри: товарищи там комбинат штурмуют, заняты делом, а ты изволь в охране сидеть. Во-вторых – и дисциплина слегка упала: кого тут караулить, посреди таежной глуши, если все события у комбината разворачиваются, а значит и все действующие лица там. Расслабились! Кто ж знал, что беглый сталкер из ловушки вырвался и решил перед обратной дорогой в гости заглянуть...

Шлеп. Тихий кашель винтореза и боец ткнулся головой в траву. Добрынин, держа ствол неподвижно, повел взглядом вправо-влево, ожидая кипиша, но вокруг стояла все та же умиротворяющая тишина. И все ж расслабляться не стоит. Если у них переключка организована, в любой момент может сосед с проверкой заявиться.

Закинув винтовку за спину, он вытащил «Пернач» и, распластавшись по земле, словно огромная черная ящерица, опираясь лишь на локти и колени, пополз к крайнему кунгу. Нырнул под днище, попятился глубже, под задние мосты, укрываясь между колес, утянул за собой

бренные останки. Наскоро обшарил, собрал все в кучку. Четыре гранаты, дым, пяток магазинов для калаша и сам автомат, радиостанция, макар с запасным магазином, фонарик. Средней руки хабар, но не в его положении привередничать. Все в дело сгодится. Вот хоть те же патроны от ПМ – для «Пернач» как раз подойдут.

Радиостанция вдруг квакнула нечленораздельно... Добрынин замер, лихорадочно сообщая. Проверяются. Ответа, ясное дело, не будет – и спустя очень малое время придут с визитом. И наверняка не в одиночку.

Пристроив тело так, чтоб с первого взгляда казалось, будто боец прикорнул, устамши, и взворошив землю, прикопать натекшую кровь, Добрынин метнулся к кабине. Забрался внутрь, притворил дверь, улегся спиной на сиденья, выглядывая из-за приборной панели на улицу и держа винтовку наготове. Давайте, голубчики, подтягивайте... вас тут уже ожидают.

Надо отдать должное – работала охрана четко. Минуты не прошло, как из-за соседнего тягача, шагах в семидесяти, появилось трое. Один тут же занял позицию на контроле, у кунга, ближе не пошел. Двое, разобрав сектора, поводя стволами, медленно пошли вперед. Данил, дождавшись, когда они поравняются с кабиной, приподнялся на сиденьях и выстрелом из ВСС свалил дальнего страхующего. Выпустив из рук винтовку, подтянул ноги чуть не к подбородку – и, вкладывая в удар всю свою силу, помноженную на мышечные усилители скафандра, саданул обеими ногами в дверь. Не привык еще к комбезу, а потому эффект получился просто поразительным – петли не выдержали удара, и дверь, вылетев словно из пушки, смела обоих охранников, как пушинки. Добрынин выбрался из кабины, критически оглядывая результат... Подходяще. Оба валяются на земле в расслабленных позах, у ближнего на скуле наливаются здоровенная, краснеющая прямо на глазах, гематома, у дальнего – вообще висок в крови. Отбежался, касатик. Но в этом деле нужно чтоб наверняка. Особо не торопясь, он забрал с сиденья ВСС, достал нож и двумя контрольными ударами закрепил результат. Еще минус три. Знать бы точно, сколько их тут...

Следующую пару он пропустил. Бездарно, как школьник. Но... как это там... и на старуху бывает проруха?.. Уселся около усопших воинов, принялся обшаривать разгрузки. Раздолбай раздолбаем: винтовка на земле, пистолет в кобуре, ножи в ножнах... Отвлекаясь, полностью выпустил из внимания заднюю полусферу. Когда за спиной хрустнул сучок – его словно ледяной водой обдало! Крутнулся на месте, уходя в нижнюю позицию – и вовремя! Над головой со свистом вспорола воздух лопатка – противник явно целил в слабозащищенную шею, зная уязвимые места скафандра. И ведь попал бы, промедли Добрынин хотя бы мгновение!

Чтоб хватануть картину, оценивая положение, достаточно было доли секунды. Двое. Один снова на замахе, лопатка отточена, аж блеснула на солнце краем... Второй немного левее, чтоб не вывести на линию огня напарника, калаш наизготовку, палец на крючке! На промах товарища среагировал сразу же, дунул длинной очередью на полмагазина, чтоб наверняка!..

Такого испуга, Данил, пожалуй, не испытывал ни разу в жизни. Мгновение, какая-то десятая секунды – а он уже и с жизнью простился, и отходную прочитал. Шутка ли, в упор из автомата, да с пяти шагов... Это же смерть! Даже если пробития нет – запреградный импульс ребра в кашу соберет! Однако все разговоры о возможностях уника этой очередью и подтвердились – ни сколь-нибудь сильного удара в нагрудные пластины, ни тем более пробоины или импульса он не получил. Боевой скафандр свел на нет всю очередь, рикошетами отправив пули в разные стороны. Добрынин почувствовал лишь множественные мягкие толчки в грудь, свидетельствующие о попаданиях. В ответ на испуг организм врубил такую дозу адреналина, что его словно вышибло из нормального течения времени в мир замедленного кино. Ствол автомата вновь начал подниматься, но так медленно, что, казалось, Данил мог бы за это время подойти неспешным прогулочным шагом и отвесить стрелку увесистого пенделя!

Вместе с ударом адреналина пришла и ярость. Ведь мог же и завалить, сука, тварь ублюдочная! Добрынин, от бешенства едва не теряя контроль над телом, прыгнул из полуприседа,

вынося правую ногу вперед – и впечатал копыто ботинка в грудь стрелка, вминая грудную клетку. Того унесло назад, к тягачу; мощь удара была столь высока, что мертвое уже тело вбило в щель, намертво заклинив между кабиной и кунгом. Ногу на землю, упор, доворот туловища – и снова удар ногой, второму, в голову, медленно опускающему лопатку туда, где Данил стоял полсекунды назад. Удар пришелся в затылочную часть шлема, ломая шейные позвонки и закручивая тело пропеллером до ближайших кустов.

Два удара – два трупа.

Добрынин встал как вкопанный, крутя головой по сторонам, и ожидая появления следующей партии. Тело требовало еще, лошадиная доза гормонов пенила кровь, настойчиво выпрашивая движения, продолжения этой бешеной пляски рук и ног...

Тишина. Ну что, кто тут еще, уроды?! Есть желающие?! Или последние закончились?..

Он задыхался медленно и равномерно, умирняя бунтующий организм... Раз... два... три... четыре... Ярость уходила, утекая капля за каплей... Да, похоже, это было и все. В пять минут обойдя весь лагерь, он не обнаружил больше ни одного человека. Поразмыслив, пришел к выводу, что оно так и правильно. Шестеро на охранении, остальные в бою. Нечего тут куче народа делать. Лагерь расположен скрытно, компактно, и найти его в этих дебрях куда как непросто, разве только заранее знать. А искать – кому? Комбинатовским? До того ли им сейчас...

Кунг номер один, ставший уже почти родным за время путешествия, стоял там же, где оставили его накануне. Внутри бардак – собирались хоть и не в спешке, но явно не заморачивались порядком и укладкой. Вернемся – уложимся! Знал бы, в каком качестве вернется – заранее бы все подготовил! Лямку баула на плечо и в тайгу! Эх, да что говорить... Разве пошел бы вообще, если б знал?..

Сколько у него времени? Не больше двадцати минут. Пока к лагерю подбирался, да пока с охраной возился – минут сорок точно прошло, а то и больше. Время, добытое во время крюка по тайге, стремительно утекало. Так хотелось обшарить стоящие рядом кунги, но этого он позволить себе уже не мог. Придется оперировать тем, что найдется здесь.

Данил лихорадочно заметался, стараясь не упустить из внимания ничего, что понадобится ему в долгом пути домой.

Первым делом – рюкзак. Собственный баул не подойдет, неудобен для долгой переноски! Не стал рюкзак из Убежища брать, думал – отвезут-привезут, как барина... Нужен новый. Большой, прочный, литров на сто. Кажется, у Профессора видел, в рундуке под полкой... Есть! Здоровенный пятнистый рюкзакище. Кордура¹, куча разнокалиберных кармашков, моллейные стропы, толстый пояс для облегчения переноски... На верхнем клапане вышита цифра: «150». Сто пятьдесят литров! Подходяще!

Боезапас – первым делом. Вывернув наизнанку свой баул и высыпав его содержимое на пол, Данил принялся кидать в рюкзак коробки с патронами, гранаты ручные и подствольные, думы... По ходу дела пополнил и соответствующие карманы разгруза – за время вылазки поиздержался малость. Задумался на секунду над двумя пятидесятыми монками – плюс четыре кило веса, – но уложил и их. Вероятнее всего, они отработают в первые же сутки-двое, так что тащить недолго.

Дальше – медицина, фильтры, противогаз... Батарейки для дозиметра... Немного покопавшись, нашел и второй дозиметр – там же, под полкой у Профессора. Какой, однако, запасливый старикан... Карта, компас, карандаши – не менее важны, а то и поболее! Банок десять тушенки, армейские галеты, бомжпакеты с сухой вермишелью, мелкие пакетики с каким-то яблочным концентратом, повидло... Мало – ну да ничего, поэкономим. Воду! Воду не забыть! Залил три бутылки по полтора, рассовал по объемистым боковым карманам. Пока хватит,

¹ Прочная ткань для изготовления рюкзаков, подсумков и прочего военного или туристического снаряжения.

а дальше придется пользоваться фильтрами из армейского комплекта. Благо, их немало, места не занимают, но при этом долгоиграющие, каждого хватает на десять литров. Мыло, пара комплектов сменного белья, носки. Своих носков две пары всего – Добрынин, снова нырнув в рундук, добыл еще пять. Тут же нашел и белоснежную простыню – пойдет на портянки или полотенце. Что тут еще в наличии?.. Как оказалось, рундук Профессора содержал немалое количество нужных в долгом путешествии вещей! Спальник. Хороший, теплый! На компрессионном мешке стоит диапазон температур – от нуля до минус пятнадцати. Сгодится! Большой непромокаемый тент из легкой ткани. Берем. Скатка с маскировочным комбинезоном. Туда же её. Демрон... Нет, демрон у него свой, этот нахер... Радиостанции! Вот что в хозяйстве понадобится! Маленькие, компактные, в комплекте – запасные аккумуляторы и зарядники... Радиостанции Братства были предметом особой зависти Добрынина, помнившего, как в рейдах сталкерам Убежища приходилось ломать горб с армейскими бандурами... А потому не смог устоять, загрузил целый десяток. Не себе – так на обмен по дороге. С той же целью уложил и блок сигарет. Либо на обмен, либо самому понадобятся. И мелочи: ремкомплект для одежды, иголки-нитки-заплатки, паракорд, лески-грузила-крючки, спички, розжиг, прочую мелкую белиберду... Забил рюкзак до верхнего клапана, закрыл, сверху кое-как притянул ляжками дробовик. Осмотрел критичным взором свое творение. Понятно, кидал как попало, не укладывая плотненько, по всей науке... Этим займется на ближайшем привале, когда будет уже за пределами лагеря. Что ж... Пожалуй, он готов к долгой прогулке. Неизвестно, что там будет в конце, неизвестно, как пойдет оно в начале, но будем надеяться на лучшее.

Выбрался из кунга, наострив напоследок прощальную растяжку... и размеренной рысцой тронулся по солнышку. На юг.

Тайга, словно огромный зеленый океан, равнодушно приняла его в свои объятия.

На привал он встал часа через четыре. Думал, успеет до темноты пройти километров пятнадцать, но нет, еле десяток одолел. Силы были на исходе. Долгий-долгий день, начавшийся на рассвете, наконец-то заканчивался. И случилось за этот день столько – непонятно было, как еще на ногах держится. Организм смертельно устал от физических перегрузок, мозги – от эмоциональных. Последние три километра Добрынин шел на одном только адреналине, все же теша себя мыслью, что одолеет еще шесть-семь... Но всему есть предел – наступил предел и его выносливости.

В быстро опускающихся на лес сумерках он все же сумел отыскать подходящую ложбинку – такую, чтоб самому скрыться от чужих глаз, но при этом иметь хоть какой-то круговой обзор. Усталость, с каждой секундой наливающая тело неподъемной тяжестью, смогла отключить даже инстинкт самосохранения, который вяло пытался бормотать что-то об охране, преследователях и необходимости просидеть всю ночь на дереве в дозоре. Сил еще хватило на то, чтобы поработать с полчаса, опутав подходы растяжками и сигнальными ракетами – и после этого он, вытянувшись плашмя на дне ложбинки, просто отрубился.

Вероятнее всего, Хасан посчитал невозможным отправить погоню в ночь. Оно понятно – в тишине ночного леса любое движение слышно очень далеко, а Добрынин наверняка уже был оценен им, как чрезвычайно опасный противник. Может и на слух шкурки попортить. А что еще более вероятно – майору нужно было время, чтобы выдернуть из зачистки опытных бойцов, сколотить хорошую группу, дать ей отдохнуть и переснарядиться... Как бы то ни было, ночь прошла спокойно. Не прошла – мелькнула, будто ее и не было. Как вытянулся на земле, так и пролежал всю ночь в ступоре, как колода. Даже не двинулся ни разу.

Очнулся он, когда солнце уже довольно высоко вскарабкалось по небосклону. Мог бы и еще проспать – иные богатыри в старину по трое суток кряду после славных свершений в отрубе валялись, – но поганая птица не дала. Уселся на шлем какой-то мелкий пакостник – и ну клювом долбить. Раз, другой, третий... а на четвертый Данил уже и в себя пришел. Смах-

нул воробья, сел с протяжным стоном, чувствуя себя затекшим от неподвижности бревном и ощущая, как тянет мышцы по всему телу. Глянул на часы – мать твою наперекосяк!.. Девять утра! Давно уж пора первый десяток километров наматывать, а он тут валяется, как хомяк в спячке!

– Саня, подъем! – прохрипел Данил, нащупывая дрыхнувшего рядом друга. – Заспали, валить пора...

Рука цапнула пустоту. Сашки рядом не было...

Судорожно выдохнув от рванувшегося из глубины души отчаяния, до скрипа сжав челюсти и запретив себе даже и думать о погибшем товарище, он принялся в темпе собираться. Все же пришлось тормознуться еще на полчаса – растяжки снять, доснарядиться, уложить рюкзак. Путь впереди долгий, двигаться придется максимально быстро. А плохо уложенный рюкзак – это такой геморрой... Он и гремит-шуршит-звякает; и раздут так, что боками за ветки-кусты цепляется, тормозит путника; и усталости от такого рюкзака организму – и особенно спине – в разы больше... Хотя на этот последний аспект внимания можно не обращать: больше половины веса рюкзака принимал на себя экзоскелет, разгружая и плечи, и спину, и ноги. И Данил уже успел убедиться, что с боевым скафандром переноска рюкзака из каждодневного мучения превращается в легкую прогулку пусть и с объемным, но почти не чувствующимся грузом за плечами.

Перевернув рюкзак вверх дном, он высыпал содержимое на травку. В укладке секрет такой: самое тяжелое должно находиться примерно в середине спины и как можно ближе к телу. Чуть менее тяжелое – тут же, но от спины чуть дальше. Это физиология и анатомия: чем дальше центр тяжести от туловища – тем быстрее это самое туловище устанет. А уж совсем уставшее туловище противник может взять голыми руками. В нашем случае самое тяжелое – это, конечно же, боезапас. Обоих видов боезапас – и для оружия, и для самого усталого туловища. Патроны, гранаты, дымы, консервы, вода. Доснарядить магазины, забить подсумки гранатами и дымами, подготовить второй комплект боезапаса, чтоб глубоко не лезть, когда припрет, – а остальное в рюкзак, как раз в середину. Воду... одну бутылку сразу же вылил в гидратор, две другие примостил в боковые карманы. Сюда же и чуть менее тяжелое: консервы, демрон, радиостанции. В идеале, в этой части рюкзака за все время пути желательно рыться как можно меньше. Разве что за консервами нырять. Остальное, дай бог, не понадобится.

Далее. Ниже всего укладывается что-то легкое и объемное. Спальник, тент, сменная одежда, носки, простыня. Мыльнорыльное завернул в искомую простыню, решив пока использовать ее как полотенце. Фильтры... Поразмыслив немного, разместил тут же. Быстрого доступа к ним не нужно, менять можно и на привале. Противогаз же сунул в наружный карман – как раз для быстрого доступа. Сюда же, к нижнему клапану, присобачил тесемку от рюкзака – шлем подвязывать, когда он без надобности. Верхний клапан – компас, карта, дозиметр, батарейки и остальные мелочи, вроде ремкомплекта для одежды или огневых припасов.

Скатку с маскировочным комбинезоном Данил распотрошил сразу же. Черное пятно, движущееся в зеленом лесу, заметно на достаточной дистанции. Вот как только просветы меж деревьями позволяют – вот так и видно. И это безобразие необходимо устранить. В случае со скафандром это было предельно просто – он просто закрепил маскировку на внешнем скелете, сделав его и маскхалат единым целым. Наклонился пару раз, попрыгал, достал-запихнул магазины из подсумков, гранаты... Остался доволен – ничего не мешает, не тянет, не путается. Пожалуй, так и оставим. Снимать разве что для помывки и обслуживания, а все остальное время самое ему тут место.

Закончив упаковку, Добрынин с удовлетворением отметил, что рюкзак сдулся раза в полтора. Даже лямки утягивающие свободно свисают. Значит, найдется еще место для ранца жизнеобеспечения. Ранец плоский, втиснулся в основное отделение без проблем – его Данил решил пока не выкидывать. Дед, помнится, говорил: в хозяйстве паровоз пригодится. Паровоз

не паровоз, но выбрасывать хоть что-то мало-мальски ценное Добрынин и не мыслил. В его положении не только паровоз, иголочка из ремкомплекта на вес золота.

Закинув ставший гораздо более компактным и маневренным рюкзак за спину и перехватив поудобнее винтовку, Добрынин, двинулся вперед. Направление пока выбрал строго на юг. О засаде до поры не волновался, а вот погоня... Наверняка Хасан уже выслал по его душу охотников, и они уже висят на хвосте. Причем можно голову прозакладывать – охотнички упорные, принимая во внимание славные дела и свершения беглого сталкера. Группу Профессора и его самого завалил? Завалил. Секреты узнал? Узнал. Ценнейший боевой скафандр унес? Унес. А еще – дополнительный бонус в виде доброго десятка бойцов Братства и некоторое количество техники. Такое не прощается. Не говоря уж о том, что приказ Верховного до сих пор не выполнен. Поэтому пошевеливаться майор начнет скоренько. Пожалуй, стоит иметь ввиду фору в час-полтора по времени и после этого можно считать, что игра в догонялки началась.

Заросли тут были дай боже. Временами, продираясь сквозь кустарник, Данил вынужден был трещать на всю ивановскую. Пришлось взять немного западнее, к редколесью, туда, где сквозь стволы просвечивало голубое небо. Сейчас снова важна была скорость. А здесь подлеска в разы меньше и получилось даже ускориться до легкой рыси. Старым добрым волчьим скоком, как был учен: двести шагов бегом – сто шагом. Если знать свой организм и правильно рассчитать соотношение, двигаться можно день напролет. И за день сделать километров пятьдесят, если не больше.

Как всегда, когда ногам не требовалось участие головы, мозг тут же принялся обсасывать насущные вопросы. Пункт первый в процессе выполнения. Пункт второй – отыскать дом деда Шамана. Все бы хорошо, судя по карте тут рукой подать, каких-то километров сорок – но это если не учитывать Непутевый Тоннель и местность. Как там дед-то говорил?.. Блуждающий Край? Не хотелось бы заблудить недели на две и потерять кучу времени. Хотя... и здесь мысли Добрынина понеслись вскачь от идеи, сверкнувшей молнией в его голове. А почему, собственно, не воспользоваться Тоннелем?! Он, может, и называется Непутевым, но к цели вывел очень даже исправно. Рискнуть?.. Не будет долгих месяцев блужданий по неведомым землям, устраняются различные дорожные проблемы, устраняется сама возможность *не дойти*... И взамен он получает одну единственную проблему: снова пройти эту аномалию. Если оценить и сравнить риски обеих вариантов – так на так и выходит. Да, оно того стоит. Значит – Тоннель.

Но вот вопрос – где??? Как они оказались в Тоннеле он не помнил. Спал, очнулся – уже внутри. А вот как выходили – это место запомнил отчетливо. От высоченной сопки, возвышающейся над местностью словно утес над морем, в склоне которой торчало жерло тоннеля, и где с обрыва он любовался огнями комбината среди тайги, километров двадцать. Шли все время на север, по раздолбанной лесной дороге, до тех пор, пока не стали лагерем. Он, вставая на обратный маршрут, забрал немного восточнее. Значит теперь всего и делов – уклоняясь к западу, выйти на дорогу и вдоль нее уже к сопке... Мимо он никак не пройдет, если будет держать все время на запад, то рано или поздно пересечет эту самую дорогу. Лучше, конечно, как можно раньше. Правда, рискованно это... Путем легкого и непринужденного анализа Хасан очень быстро предугадает этот шаг. Людей у него много, может группы и на дорогу, и к сопке посадить. Далее следует засада и взятие беглеца за жабры. Но, собственно, у самого беглого сталкера других вариантов почти и нет. Либо по тайге плестись черепахой – либо нащупать дорогу и по ней уже ускориться. И сильно ускориться! По дорожке совсем хорошо пойдет, там и десяток километров за час можно делать. А коль будут сомнения в подготовленной засаде – проверяться будем. В частности, по наличию свежих следов протектора. Вряд ли бойцы Братства в полной боевой двадцать километров побегут, у них на то куча техники есть.

Как решил – так и сделал. Уклонившись к западу, Добрынин весь следующий час бежал вперед, плутая меж стволов и обходя островки разросшегося кустарника. Большую скорость не разовьешь, но, по его прикидкам, он делал никак не меньше шести-семи километров. Мимо

мелькали полянки, заросшие шикарным, разлапистым, словно зонтик, папортником, участки лесовала, такого, что хрен проредится даже кабан, овражки, лужайки, холмики... Словом, пейзаж не баловал разнообразием, лес, он и есть лес. Дикая тайга во всей ее красе и грозности. И что примечательно – чистая, не обгаженная радиацией и токсинами. Может и было когда в этих краях, но сейчас чисто. Дозиметр за все время даже и не пискнул! Дед, будучи заядлым охотником еще до Начала, не раз рассказывал маленькому Даньке интересные охотничьи истории – и через все его рассказы тянулась нить тоски о загубленной человеком природе. Мечтал дед еще хотя бы раз выбраться со своим верным ружьем по уточке или зайчику... Да где ж?! На кого? На выроdkов разве, да на собак... А вот тут, пожалуйста, – дикие дебри, почти не протравленные радиацией. Уже не раз Добрынин замечал следы живности: овальные катышки звериного помета на траве, птичье перо или клочок шерсти на дереве... Есть она, дичина, е-е-есть! Значит, побережем еще консервы, не впроголодь путешествовать будем!

Час прошел, второй все ближе к половине. Первый десяток километров наверняка позади, следующий на подходе. Уже минут двадцать Добрынин вытягивал шею, словно гусак, едва лишь видел впереди намечающееся редколесье, но всякий раз лишь разочарованно морщился. Дороги все не было. А ведь пора бы уже! Ладно. Если дороги нет – будем искать сопку. Уж ее никак не пропустишь, она тут одна такая, торчит над тайгой, словно маяк. Метров на пятьсот поднимается, все окрест до горизонта видно. А если так – значит, и ее ото всюду заметишь, нужно лишь над кронами деревьев подняться. Определить направление и держать на нее. Он принялся осматриваться на бегу, ища взглядом дерево, способное поднять на достаточную высоту и не сломаться при этом под его полтора центнерами, но такового не нашел. Ладно, время терпит. Еще найдется.

Тайга постепенно менялась. Подлесок мельчал, непроходимые заросли все больше уступали редкому кустарнику, все меньше попадалось навстречу лиственных, все больше – сосен. Местность пошла буграми, вверх-вниз, почва с чернозема начала переходить в песчаную. На очередном холме, поднимающемся над местностью на добрый десяток метров, Данил решил, наконец, сделать привал. Двадцать километров точно отмахал, можно позволить себе легкий передых. Опять же и осмотреться пора, найти уже эту самую сопку! Остановился, скинул рюкзак под здоровенную сосну из тех, что называются корабельными. Задрал голову – с такого ракурса сосна упиралась чуть ли не в облака. Метров семьдесят точно. И над кронами соседних деревьев прилично возвышается. Сосна-акселерат, опередившая сверстников почти в два раза. Пожалуй, выдержит, если до самого верха не лезть...

Минут двадцать он потратил на то, чтоб вскарабкаться. Ствол гладкий и лишь с середины начинал топорщиться ветками. Ползти пришлось медленно, обхватив его и прижавшись, как к родному, продвигаясь коротенькими рывками, словно гусеница. Зато когда поднялся до середины – тут уже легче пошло. Раз сук, два сук... подтянуться... руку сюда, ногу – к основанию, чтоб не обломить. Вниз лететь не пять метров и даже не десять. И как комбез воспримет пятьдесят метров высоты – хрен его знает. Потом как-нибудь испытаем. Когда уже припрет и деваться будет некуда.

Наконец, когда ствол начал уже угрожающе поскрипывать, Добрынин остановился. До вершины совсем немного не долез, да и не надо больше. И так все окрест видно.

А пейзаж вокруг открывался потрясающий! До самого горизонта – поросшие лесом невысокие холмы, словно бугры на шкуре неведомого доисторического чудовища. Сопки, пади, распадочки... Зеленое море тайги. Тут и там виднеются желтовато-бурые утесы, сероватые пятна каменных осыпей, ярко-зеленые проплешины равнин... И надо всем этим – синее-синее небо без единого облачка. Красота неопиcуемая!.. Вот только сопки, которая должна бы подниматься над тайгой на добрые полкилометра – не было! Ну нет и все, словно корова языком!.. Добрынин, холодея, продолжал шарить взглядом по расстилающимся перед ним невообразимым просторам, но проклятая сопка исчезла без следа. Значит, что же... все-таки Блуждаю-

щий Край?.. Не могла же высоченная гора просто так испариться! Вот там она должна быть, на юге, торчать над местностью, как стог сена посреди поля. Однако ж хрен! Пусто. До горизонта – все те же лесистые холмы, и лишь там, где земля почти смыкается с небом, виднеется поблескивающая на солнце лента – река.

Ладно. Нету сопки – и черт с ней. Это еще не значит, что Блуждающий Край. Может, проделки Тоннеля. А что... запросто. Появился, выпустил колонну, дал осмотреться с высоты, да исчез. И утес прихватил. Больше у Добрынина сейчас объяснений не было.

А что на западе? Это направление интересовало его сейчас почти так же, как и юг. На западе и юго-западе должен лежать тракт, по которому шел караван. Бывшая дорога между Печорой и Интой. А также – железнодорожная ветка, где двигался бронепоезд. Раз уж тут такие дела с местностью творятся, может, плюнуть на южное направление? Повернуть на запад, добраться до тракта, и уже вдоль него, обходя по возможности поселки и выходя к жилью только чтобы пополнить припасы, двинуть? Тоже ничего себе план, ничуть не хуже первоначального.

Добрынин еще раз огляделся, пытаясь запомнить однообразную местность... Со всех сторон – дикое древнее безлюдье. Миллионы лет и сотни километров однообразного пейзажа. Суровая тайга, способная проглотить многих и многих подобных ему людишек. И он. Один. Песчинка. Капля в море! Только сейчас, глядя с высоты на раскинувшиеся до горизонта просторы, Данил реально осознал, *что* ему предстоит. Задумался лишь на мгновение... вернее, даже не задумался, *представил* – и едва успел задавить поднимающуюся из глубины души глухую безнадежность. И здесь даже не в том дело, что перед ним сотни километров дремучей тайги, выживанию он обучен в полной мере. Все дело в расстоянии и во времени, за которое он его преодолет. Сколько понадобится? Месяц? Два? А то и все четыре. Продержится ли Убежище столько времени... Будем надеяться. Это все, что ему сейчас оставалось.

А что позади? Он переместился вокруг ствола, осторожно пробуя ногой каждый сук, перед тем как перенести на него всю массу тела. Сзади, на самом горизонте, продолжал дымить комбинат. Очередной бонус в копилку Братства, прирастают ребята ресурсами и территориями. Вытащил бинокль, принялся разглядывать свой путь – и почти сразу наткнулся на белое пятнышко в начале маршрута. Мелькнуло раз-другой среди зелени – и исчезло под кронами деревьев. Собака?! Данил принялся шарить по кронам деревьев, пытаясь снова выхватить пятнышко, но тайга молчала.

Ладно. Будем исходить из худшего варианта. Собака. Отыщется в запасе у Хасана псина, хорошо держащая след? Вполне. И наверняка с ней какой-нибудь шибко грамотный собаковод-затейник, который не только бобиков знает, но и следы ведает. Проще говоря – таежный следопыт. И если собачку сбить со следа можно, она только на запах ориентируется, то следопыта сбить ой как непросто. След – он ведь не просто отпечаток на земле. Это и кустик *не так* заломленный, и травка примятая, и содранная кора на дереве. И все эти приметы четко путь указывают. А бывают и вовсе мастера своего дела! Дед рассказывал, что встречал таежников, которые месячный след видели, мужской от женского отличали, или след усталого человека – от человека бодрого. Профессионалы, едрить их в корень!..

Значит, погоня. Данил пихнул бинокль в подсумок, облапил дерево и заскользил вниз. Спустился за пару минут, сунулся в рюкзак за сигаретами. Вытащил сразу четыре пачки, вскрыл одну за другой, поотрывал фильтры, размолот беленькие цилиндрики бронированными пальцами, пытаясь размять табак в труху. Содержимое трех пачек разбросал по большой площади, четвертой присыпал путь отхода. Это, конечно, не кайенская смесь – ее всю Счетчику, прощаясь, отсыпал, – но должно хватить. А уж о следопыте – Добрынин уже начал думать о нем, как о реальном, имеющемся в составе отряда – позаботимся отдельно. Можно еще растяжки поставить, но не сейчас, позже.

Снова легким бегом двинулся вперед, плутая меж стволов и обходя островки разросшегося кустарника. Теперь – на запад и юго-запад. Курс взял правильный, безошибочный. Сбиться невозможно, даже если и заплутаешь, обязательно упруешься в тракт. И уже вдоль тракта можно к старику-шаману пройти. Если местность опять в кубик Рубика играть не желает...

Он старался запоминать хотя бы крупные ориентиры, такие, которые можно увидеть с высоты. Огромную поляну, сплошь покрытую меленькими желтыми цветочками, затем – еще одну такую же. Высокий голый холм со здоровенным дубом на вершине, пустившим в землю мощные узлы корней. Внезапную рощицу березок, наверняка выглядящих сверху пестрым светло-серым пятном. Следом за ним этим же маршрутом пойдет погоня, и очень желательно хотя бы приблизительно понимать, где она может оказаться в тот или иной момент времени. С тем, чтобы знать примерное расстояние до нее, а значит и время подхода до засады.

То, что засада рано или поздно понадобится, сомнений у него не было. И иллюзий в том, что погоня рано или поздно отстанет, он не питал. Табачок это так, для затравочки. Сойдет со следа одна собачка – другую доставят. Опять же следопыт... Ребята в Братстве упорные, приказ у них наверняка четкий. Натворил он много, гнать будут до последнего. Придется утратить пацанам сюрприз. И единственное, что для этого нужно, – подходящее место. Пока ничего примечательного Данил не обнаружил – обычный лес не давал возможности успешно воевать одному против кучи. Причем не просто воевать, а так, чтоб гарантированно уничтожить противника. Но рано или поздно местечко такое появится. И вот тогда... Всех. До единого. Так, чтобы даже весточки послать не успели. Тут двойная польза. Во-первых, время нужно, чтоб заново погоню организовать. А за то время он уже ой как далеко будет. Уничтожение погони – это почти гарантированный отрыв. А во-вторых, сразу мощный удар по моральной составляющей. Один человек без следа уничтожил группу – да тут, какими бы дисциплинированными не были бойцы Братства, обязательно яички подожмутся. Поостерегутся в следующий раз связываться. Приказ приказом, а жить-то хочется.

Следующие три часа прошли все так же однообразно – Добрынин бежал. Теперь уже не волчим скоком, а просто бежал вперед без остановок. Организм вработался, вышел на постоянный уровень повышенных физических кондиций. Ровно работало сердце, легкие дышали легко и свободно... Конечно, большая заслуга в этом – скафандра. Попробуй-ка пробеги три часа с таким баулом за спиной!.. На первом десятке изматывает. И все же – вечно так бежать невозможно. Солнце перевалило зенит и уже нужен был отдых. Причем, отдых основательный, с праздником животика в виде банки тушенки, сухаря и чая с повидлом, с долгой лежкой, после которой можно с новыми силами скакать козликком до самого вечера. А во время лежки – понаблюдать. И постараться засечь. Полян по пути попадалось множество, большинство из них он проскакивал поперек, по открытому месту. Соответственно, так же пойдут и преследователи – прямиком по следу, повторяя его маршрут. А значит, есть реальная возможность увидеть группу товарищей, разглядеть, кто и что, сколько людей и собак, какое вооружение... И от этого уже плясать.

Еще полчаса бега – и вот левее показалась крутая каменная осыпь, уводящая вверх, к высокой сопке и утесу с обрывом на три стороны – пожалуй, повыше, чем та сосна будет. Самое то что надо! Данил уклонился к цели, принялся карабкаться прямо посредине осыпи, по здоровенным серым валунам. Можно было бы обойти – чуть правее склон оказался более пологим – но камни хреново держат след. Плюс пять-десять минут ко времени унюхивания...

Забравшись на плоскую вершину, словно клоками шерсти заросшую крупным кустарником, скинул рюкзак, оружие и снарягу, быстренько развел небольшой костерок в ямке, вскрыл банку тушенки и поставил ее на огонь. Достал котелок, набулькал водички на стакан чая, кинул щепоть заварки и сахар, придвинул к костерку... Пять минут на разогрев – за это время и осмотреться можно.

Выдвинувшись почти на края обрыва, Данил вытащил бинокль. Сначала какое-то время изучал западное направление, пытаясь определить наиболее оптимальный курс. Тайга впереди была уже другой. Меньше зарослей, больше открытых пространств. А километрах в десяти и подавно – огромное болото до горизонта, скопище кочек. Кое-где поблескивает на солнце и открытая вода, но в основном все затянуто зеленью, ряской.

Болото – это не просто хорошо. Это замечательно! Добрынин оторвался от бинокля и принялся задумчиво разглядывать подошвы своих ботинок, вертя ступней вправо-влево. Подошвы толстые, широкие, раздваиваются впереди, в разрезе – прочная перепонка. Словно копыта у лося. А уж по площади наверняка раза в два больше. Снегоступы, одним словом. В таких чоботах по мягкому болотному грунту одно удовольствие шлепать. Сталкер-болотоход, ёпт... Значит, оптимальный курс – переть напрямую. По кочкам, по кочкам, по маленьким пенечкам. Расстояние срежем, а главное – засаду милое дело устроить. Встретить на узкой тропе, справа и слева топь, трясина. Пространства для маневра нет, шаг влево, шаг вправо – смерть, причем такая, что лучше уж под пулю. Так и сделаем, с этим определились. Если б еще и Сашку сюда – вдвоем бы они враз охотничков расчикали. Но нету больше Сашки. Теперь придется все делать одному.

Пока смотрел – закипела тушенка. Да и вода в котелке окрасилась темно-коричневым, закрутилась ароматным парком. Чувствуя в животе нетерпеливые голодные спазмы, Данил снял шлем, уселся на крупный камень поодаль под кустом, почти на самом краю утеса, принялся вкушать. Кусок сухаря, размякший в ароматном мясном бульоне, и крупный шмат мяса после дневной гонки показались пищей богов! Разделался с обедом в пять минут, достал из рюкзака железную кружку, плеснул чайку – сладкого, ароматного... пир на природе, да и только! Жаль, что запасы резко ограничены, и вскрывать НЗ придется только в таких вот случаях, когда времени для охоты нет. А в иное время – извольте перейти на охоту и собиравательство подножного корма, как доисторический предок. Палка-копалка, палка-ковырялка, палка-бурундуков убивалка...

Еще пять минут позволил себе посидеть на камушке, расслабившись, надуваясь коричневой ароматной жидкостью – а потом все. Уложил рюкзак, упаковался в снарягу, приготовился к мгновенному отходу. Следы заметать не стал – какой смысл? Любой следопыт всю его жизнедеятельность здесь как на бумаге прочтет. Да и хрен с ним, пусть читает. Что он тут увидит? Короткую дневную стоянку бодрого, неунывающего человека, энергичного, умеющего двигаться по тайге и настроенного дойти до самого дома. Если жертва полна сил и не паникует, не мечется, словно хорек по курятнику, у каждого охотника поневоле закрадываются мысли: а не бросить ли это дело к чертовой матери?.. Пусть себе шлепает! Впереди даже не сотни – тысячи километров! Авось и сгинет где-нибудь по дороге...

Нет. Не та погоня, чтобы так просто бросить. Этим нужно чувствительно звиздюлей выписать, да и тогда еще вопрос, отстанут ли.

«Юкон» давал достаточное приближение, чтобы рассмотреть проделанный путь в подробностях. Теперь Добрынин смотрел назад – и будто карту читал, узнавая местность, по которой отмахал уже третий десяток километров. Вон там, на самом горизонте, все началось – там, вешкой, все еще дымил разбитый и зачищенный комбинат, хотя дым был уже не такой жирный и не столь трагично, как раньше, уползал вверх, словно пытаясь воззвать небо к справедливости. Догорает. Вон редколесье, где удалось ускориться – деревца будто волосенки на башке плешивого великана. Вон она, сосна – высоко над тайгой поднимается. Вон... Он вдруг дернулся, фиксируя биноклем два белых пятнышка на зеленом фоне. Они, родимые! Ползут, твари! Если б не мельтешение двух белых собачонок – хрена б он заметил вереницу людей в пятнистых комбезах, пересекающих одну из огромных проплешин, попавшихся ему на пути! Ну вот и всё, точки расставлены. Погоня. Добрынин повертел рифленое колесико, пытаясь навести резкость. Принялся считать. Раз, два, три... семь... десять... восемнадцать...

Двадцать. Двадцать человек в полном боевом – а и в чем же еще им быть, охотясь на такого же, как и они сами, убийца, – и один в какой-то серой хламиде, вокруг которого и скачут собачонки. Следопыт! Чингачгук, с-с-сука, Мудрый Змей...

Двадцать человек. Двадцать! Опытных, матерых, что называется, нацеленных на результат. Конечно же отлично вооруженных и экипированных для дальней дороги. И он. Что он может им противопоставить? Умение? Не вопрос. Он умеет. Но двадцать человек! Это будет даже не бой. Так... забивание детеныша горыныча ссаными тряпками под задорную боевую музыку. Пусть этот детеныш и смертельно опасен, но расклад двадцать к одному не дает ему вообще никаких шансов!

Данил еще раз взгляделся в зеленую цепочку, пытаясь хотя бы частично разобрать вооружение или снарягу, но не преуспел. Хотя дураку ясно, преследователи вооружены именно для борьбы с таким тяжелобронированным рыцарем, как Добрынин. Вроде бы виднеется у троих что-то такое длинное наперевес, наподобие АСВК или «Баррета». У остальных – короткое в руках, по виду обычный автомат типа АК, с такого расстояния подробностей не разглядеть. Но не факт, далеко не факт, что это простой калаш. Хасан не дурак. Понятно – вооружены ребята чем-то похлеще, чем семечки пять-сорок пять. Вполне может быть и крупнокалиберный коротыш – тот же АШ-12², с которым даже в уникае шутки плохи... И даже не «может быть» – наверняка что-то подобное! Ибо какой смысл пускать загонщиков на дичь и не иметь при этом средств поражения этой самой дичи? Одно только радует – черных монструозных демонов среди фигурок не было. А ведь могли бы и оказаться. Пусти одного такого по следу – и, можно сказать, дело сделано. В режиме полной энергозагрузки он из Добрынина, скорее всего, котлету сделает.

Что же делать... что делать?.. Данил задумался на минутку, продолжая отслеживать передвижение колонны. Вот пересекли половину проплешины. Вот уже почти всю. Вдруг – остановились, рассыпались в стороны, забирая под контроль сектора, демонстрируя отменную выучку. Почему остановка?.. Ах да... там же ручей на опушке... Сам Данил пересек его вброд, в пять шагов – и сразу в лес... Но вот собачки – собачки, понятное дело, потерялись. Замельтешили по берегу туда-сюда, пытаясь снова унюхать след беглеца... Серая Хламида подхватил одну из них на руки, окунулся по пояс, перетаскивая через преграду. Опустил на землю уже на другом берегу – и собачонка, белым пятнышком покрутившись по берегу с четверть минуты, стремглав кинулась в лес.

Добрынин удовлетворенно хмыкнул. Все как он и думал. Ответ напрашивался сам собой. Если нет возможности уничтожить группу – нужно убрать поводыря. Без него группа слепа. Это, конечно, не совсем то, чего он хотел, но иного выхода не получалось. Следопыт – первичная цель. И по всему выходило, что этого Чингачгука нужно убирать как можно скорее. Наладить его в Места Вечной Охоты, или куда они там улетают после того, как пуля развалит башку? Иначе не вытанцовывается. Иначе этот чертов Мудрый Змей так и будет на загровке висеть. И ведь догонят рано или поздно – и по закону подлости в самый неподходящий момент. Беглец по неизведанной тропе идет, путь нащупывает, а погоня – по проложенной им дороге. Остановился, замедлился – уже минус. Пока он стоит – они расстояние сокращают. А если в тупик зашел, так что нет пути дальше и возвращаться придется?.. А они уже на его маршруте сидят... Тогда совсем жопа! Вот и получается, что засада – дело ближайших суток. Только тогда расстояние между ними начнет увеличиваться, когда ведущего у группы не будет.

² АШ-12 – крупнокалиберный штурмовой автомат, созданный для нужд подразделений спецназначения ФСБ России вместе со снайперской винтовкой ВССК. Построен по схеме булл-пап. Для стрельбы применяется крупнокалиберный патрон 12,7×55 мм с несколькими типами пуль: бронебойной с выступающим сердечником, оболочечной, двухпульной с тандемным размещением пуль и т. д. Бронебойные пули патрона ПС-12Б способны пробить большинство существующих бронежилетов; так же опасны и для легкобронированной техники.

Он сдвинулся под кусток, уходя в тень – хотя солнышко и светило в спину, все ж не хотелось бликануть окуляром, посылая ребятам братский солнечный привет. Прикинул расстояние – километров пятнадцать. Значит, даже неспешно двигаясь по проторенному им пути, у его дневки они будут часа через четыре, может, пять. Времени-то достаточно, чтобы даже основательную засаду соорудить, но вот место уж больно неподходящее! Как гордый орел на вершине Кавказа, Добрынин сидел на краю... кхм, да... Мало того, что командир дуром на сопку группу не пустит, часть людей пойдет в обход – так еще и укрытий тут никаких, кроме кустарника. Нет, сопка – это верная смерть. А вот болото...

Он все еще лежал с прижатыми к глазам окулярами, когда за спиной, неподалеку, тишину разорвал раскатистый выстрел. Данил, словно нашкодивший кот от карающего тапка, в мгновение ока шарахнулся в сторону, выпуская из рук бинокль и подхватывая из кобуры пистолет. Притих за кустом, поводя стволом вправо-влево и пытаясь углядеть в зарослях перемещающиеся пятнистые фигуры... Это что же... в спину вышли? Еще одна группа??? Но как они его нашли?!.. Однако вокруг было пусто. По звуку вроде бы двенадцатый калибр, дробовик. Совсем рядом, даже сотни метров не будет. Зря всполошился. Стреляли явно не по нему – какой смысл из дробовика по скафандру, да еще и одиночным? Но кто тогда?

Сидеть и ждать у моря погоды было некогда. Выстрел перебудил округу – и как знать, может даже достиг ушей доблестных воинов Братства. Если так – отрезок времени, который Добрынин так ретиво пытался нарастить, стартовал в сторону столь же ретивого уменьшения. Проще говоря, погоня получила общее направление и теперь рвет сюда во все лопатки.

Данил нахлобучил шлем, подхватил рюкзак, пихнул в кобуру «Пернач», сдернул с перемычки дробовик, одним движением вскинул на спину рюкзак, щелкнул фастексами пояса и, обходя приблизительное место выстрела по широкой дуге, двинулся на осмотр. Вероятность того, что выстрел был именно по нему – ноль целых хрен десятых. А все же... инстинкт не позволял вот так вот просто встать и направиться посмотреть, что да как. Малая вероятность ошибиться всегда есть. Сделать крюк, зайти сзади – и заглянуть к стрелку в гости. Все же нужно выяснить, с кем это свел его случай посреди бескрайних таежных дебрей. Тайга, вроде, такая большая – но, оказывается, такая маленькая!.. Сядешь срать под куст – а из-под соседнего куста уже другая жопа белеет...

Петляя меж деревьев и стараясь двигаться максимально бесшумно, Добрынин по кругу обошел место, откуда был выстрел, и, зайдя с тыла, осторожно начал сближаться. Кустарник тут густел и рос какими-то клоками, словно раскидистые пучки морковной ботвы на грядке, а между пучками имелся прогал, где свободно проходил даже такой монстр, как Данил в скафандре. Это был какой-то лабиринт: один куст закрывал другой, за ним виднелся третий, слева наплывал четвертый, справа – пятый... и так далее, и далее, и далее. И в этом лабиринте, будь он более обширный и протяженный, вполне можно было бы и заблудиться.

Потратив минут двадцать и исходив все вдоль и поперек, Добрынин так никого и не нашел. Следов тоже не было, хотя их он наверняка просто не видел: на подстилке из подгнивших прошлогодних листьев разглядеть что-либо неопытному глазу не представлялось возможным. Ни крови, ни гильз – ничего. Кустарник тоже, вроде бы, весь цел. Кто стрелял... куда стрелял... Плюнув на это неблагоприятное занятие и досадуя, что впустую потратил полчаса времени, которые можно было бы употребить с гораздо большей пользой, Данил выматерился от души, помянув и самих стрелков, и их родичей до седьмого колена, и развернулся на выход из лабиринта. Шаг, другой, третий... Слева что-то хрустнуло – и он стремительно крутнулся вокруг себя бросая к плечу приклад дробовика.

Пусто.

Но только сзади, под самый шлем, в шею, туда, где защита комбеза была минимальна, уперлось что-то стальное, твердое, и голос – спокойный голос пожилого, но еще вполне имеющего силы и потому уверенного в себе человека, – произнес:

– А поворотись-ка, сынку. Руки в стороны. И скидавай шлем, дай на морду твою взглянуть...

И Добрынин, понимая, что бег по тайге, возможно, окончился, как следует и не начавшись, медленно разведя руки в стороны, обернулся назад.

Глава 2. ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Паук был страшен. Тощий, грязный, с колтуном спутанных седых волос до плеч, с клыками, достающими до подбородка, и горящими лютой ненавистью глазами. Он, ощерившись злобной ухмылкой, толкнул Добрынина в грудь – и Данил, опрокинувшись навзничь, так и остался лежать на земле, будто прикованный к ней какой-то неведомой силой. А сержант Паутиков, не особо и торопясь, уселся рядом – и, вцепившись зубищами в правую ногу своей жертвы, принялся неторопливо поедать ее, вырывая сочащиеся кровью куски мяса, с хрустом работая челюстями и надменно поглядывая на беспомощного сталкера.

Добрынин заорал от боли и ужаса, дернулся, что было сил, пытаясь освободиться, вырвать ногу из его лап... и выпал из беспамятства в реальность.

Нога болела. Болела жуткой пульсирующей болью, словно какой-то садист медленно и с наслаждением прокручивал ее через мясорубку. Это первое, что он ощутил. А второе – мерзкий, казалось, заполняющий все помещение, запах гнили и мочи. Гниль – понятно. Дух из пасти Хранителя мог убить наповал любого мало-мальски чувствительного к запахам человека. А вот моча?.. Он ощущал себя... Понятно. Ладно. Еще и не такое в беспамятстве бывает. Не страшно. Посторонних нет, корона не упадет.

Сколько он так валяется? Добрынин поднял левую руку, на которой красовались подаренные Фунтиковым перед самым штурмом Убежища блатные противоударные японские CASIO. Шестой час, вечер. А Клякс объявился утром. Неслабо полежал...

Он огляделся. Вокруг пусто, если не считать использованного патрона фальшфейера рядом, источающего слабый пороховой запах. Помог все-таки факел. Если б не он – пожалуй, что и конец. Хранитель появился неожиданно – просто выдвинулся своей черной громадой из окна – и атаковал. И если бы не сигнальный факел, который Добрынин здесь носил с собой постоянно, земной путь его был бы точно закончен. Одной из самых жутких концовок, какие только можно себе представить.

Однако – почему он ушел? Теряя сознание, Данил видел, как потух торчащий в теле Клякса факел... Наверняка он знать не мог, но догадка была. Хранитель напал со спины, ухватил за ногу, пытаясь втянуть в себя жертву... Добрынин успел среагировать – отскочив назад, дернул с пояса фальшфейер и ткнул огненным шаром в тело чудовища. И лишь в последнее мгновение понял, что оно больше не нападает, а отступает назад. Что стало причиной? Огонь ли?.. Или это Сережа Родионов увидел, с кем имеет дело? Признал своего воспитанника?.. Больше догадок у него не было, и даже эта слишком уж притянута за уши. Как бы то ни было, он жив. Жив, а не гниет в желудке Клякса...

Впрочем, сейчас лишь немногим легче. Данил помнил тощую, высохшую фигуру Хребта и то, что с ним сделал Хранитель. Черный гной из раны и черви, которые жрут человека изнутри. Его передернуло. Жуткая участь...

Он приподнялся – движение тотчас же отдалось в правой ступне толчком боли – и начал осматривать ногу издали, осторожно поворачивая то вправо, то влево. Весь ботинок покрывала липкая коричневая жижа, но он был цел. Похоже, Клякс просто сдавил ступню щупальцами, пытаясь втянуть человека в свою бездонную пасть, перекрутил ее, кроша мелкие косточки плюсны и пальцев, – но и только. Данил с облегчением выдохнул: что ж, уже легче. Куковать ему тут еще ой как долго. Срастется. Теперь только бы до своей лежки на первом этаже добраться, а там и медицина, и вода, и пайки с тушенкой. Ничего, отлежится. Заживет, как на собаке.

С чердака до первого этажа вроде бы и рукой подать – но это если ты здоров. А когда каждое движение отдается в ступне острой колющей болью, да такой, что в глазах темнеет; когда отрезок пожарной лестницы с чердака на второй этаж – как пропасть; когда идти и тем

более прыгать на одной ноге не получается, а можешь лишь ползти на четвереньках, бережно держа правую ступню на весу и останавливаясь время от времени, чтобы передохнуть, и унять колотящееся сердце, – даже короткая дорога превращается в настоящее испытание.

Добравшись до комнаты, где он оборудовал свое жилище, Данил, наконец, смог осмотреть ногу в подробностях. Вспорол ботинок, едва не теряя сознание, подтянул ступню поближе – и, отдуваясь, и временами скрежеща зубами от толчков крови, молотом бьющих в венах, принялся рассматривать поврежденную конечность.

Ничего хорошего он не увидел. От самых пальцев до лодыжки ступня казалась налитым кровью куском колбасы, этаким сплошным сине-фиолетовым синяком с тонкими красными прожилками. И она снова начала пухнуть, будто ботинок до поры до времени хоть как-то сдерживал этот процесс. Данил полил ее водой из фонтанчика, выломал из паркетного пола пару дощечек, наложил шину с обеих сторон, осторожно перебинтовал, всадил шприц с обезболивающим и противовоспалительным, бережно держа ногу на весу, дополз до своего матраса в углу.

Настроение было мрачнее самой тьмы.

К ночи стало хуже. Несмотря на укол, боль не унималась, а наоборот, начала понемногу усиливаться. Ступня горела, словно к ней приложили накаленный на огне камень, временами простреливая ногу аж до самого колена. Теперь она была иной. Острая боль ушла, уступив место тупой и ноющей, но эта боль была во сто крат хуже. Она накатывала волнами, временами усиливаясь, временами – утихая, но не отпуская совсем, не давая отвлечься. Она притаилась здесь, в ноге, все время напоминая о своем присутствии. Данил отдал бы все, чтобы она ушла хотя бы на пару минут – но боль продолжала грызть тупыми ноющими спазмами. Он уже не раз и не два открывал аптечку и долго-долго смотрел на бережно замотанную в тряпку баночку с желудочным соком заглота... Всего один укол избавил бы его от страданий на несколько часов, но запас этого необычайно редкого и ценного продукта был невелик, и использовать его для обезболивания перелома было бы фантастическим расточительством. Закрыв аптечку в последний раз, Данил запретил себе даже и думать об этом.

Ночь прошла без сна – уколы новокаина помогали лишь на короткое время. К утру, измучившись до крайности, Данил все же смог немного облегчить свое состояние, приподняв ногу выше и уместив ее на свернутый за ненадобностью уник. Боль стихла, и он тут же забылся в коротком душном бреду. Ему снова снился Паук, добравшийся до его правой ноги и пирующий теперь в свое удовольствие, а он, беспомощный, лежал на земле и снова ничего не мог поделать. Это был все тот же сон – или его вариация, – преследовавший его с самого детства! И вот теперь этот сон воплотился в реальность...

Весь следующий день он провалялся на матрасе, погруженный в мрачные размышления. Ситуация была отвратительной донельзя: помощи ждать неоткуда, рассчитывать можно только на себя. Но что он может, обладая лишь поверхностными знаниями по медицине? Он еще сумел бы худо-бедно оказать себе первую помощь: вытащить пулю, зашить рану, наложить шину на перелом... Но это и все. Диагностировать и лечить – уже выше его знаний, это уже квалифицированная медицинская помощь, без которой дело может обернуться совсем нехорошо...

Он то и дело рассматривал ногу. Он осторожно касался распухшей синюшной ступни, из которой толстыми безобразными сосисками враскоряку торчали пальцы, и все пытался убедить себя, что опухоль пошла на спад, что вот и боль, вроде как, меньше, и уже не так сильно дергает и пульсирует в распухшей ступне кровь... однако ночь показала, что он лишь пытался обмануть себя, и дело далеко не так хорошо, как ему хотелось бы.

В эту ночь ему все же пришлось открыть заветную бутылочку. Боль, казалось, достигла своего предела. Она уже не накатывала волнами и не колола острыми иглами – она ломала тупым изматывающим давлением, постоянно, монотонно, каждое последующее мгновение, секунда за секундой, минута за минутой, час за часом. Она была с ним постоянно, не давая рас-

слабиться, присутствовала не только в ступне, но и во всем организме, давила каждую мышцу, косточку и жилку, пробиралась в голову и сжимала мозг своими горячими безжалостными ладонями. Это было выше его сил и сильнее его воли.

Сок заглота помог. Всего один укол принес мгновенное облегчение, словно кто-то шелкнул невидимым выключателем, и Данил отрубился. Потерял сознание, не успев даже выпустить из руки шприц с остатками препарата.

Утром, едва очнувшись и чувствуя, как боль вновь выходит на свои позиции, он в который уже раз размотал повязку и осмотрел ступню. Она изменилась – и далеко не в лучшую сторону. На подъеме, ближе к пальцам, под кожей появилось несколько пузырей разного размера, наполненных темной жидкостью. Сами пальцы у кончиков и под ногтями начали чернеть, да и по всей ступне тоже проступили темные грязно-серые пятна поврежденной ткани. Синюшность подползла уже вплотную к суставу – а дальше, на лодыжке, ногу опоясывал краснеющий участок начинающегося воспаления. Не нужно было иметь медицинского образования, чтобы понимать – дело плохо.

Данил дрожащими от страшного предчувствия руками прокалил на огоньке сухого горячего иглу из ремонтного набора – и проткнул самый крупный из пузырей. И по виду выступившей наружу жидкости, темной и тягучей, а еще более по мерзкому гнилостному запаху, шибанувшему от нее, сразу стало понятно – гной. Кровь застаивалась в поврежденных тканях, не циркулировала по организму, не обогащалась кислородом, не фильтровалась от продуктов распада – и это напрямую вело к некрозу.

Это открытие оглушило его и на весь день выбило из колеи. До этого момента он гнал прочь страшные мысли, убеждал себя, что все будет хорошо, что нога заживет и он поправится. Это был блок, защитная реакция перед лицом смертельной опасности, – но любые, даже самые прочные блоки рушатся, если поставить человека перед фактом.

А факт был налицо. Гангрена.

Он не знал, как лечить гангрену, да и вряд ли в его аптечке были необходимые для этого средства. Боевая медицина, обезболивающее, противошоковое, адреналин... противомикробные, лоперамид, витамины, перекись, спирт и йод... средства обеззараживания воды, противорадиационные, антибиотики широкого спектра действия... но что из этого может помочь?! Данил не знал. Словно по какому-то наитию он начал принимать антибиотики, но очередной день, пришедший на смену бессонной ночи, показал, что пользы от них нет: пальцы почернели еще больше, нога начала сереть, а краснота поднялась уже на сантиметр выше лодыжки. Он тыкал пальцы кончиком ножа – но боли не было. Он вообще не чувствовал их, словно это были инородные предметы, торчащие из его организма, чужие и никак с ним не связанные.

Теперь у него было только два выхода: оставить все как есть и вскоре умереть от заражения крови, или удалить вышедший из строя кусок своего тела и попробовать выжить, жить дальше.

Но кем?! Кем жить?!!

Данил всегда был на сто процентов уверен в своем организме. Он не допускал даже и мысли, что в нем может что-то нарушиться, сломаться, разладиться... Многолетние тренировки сделали его тело идеальным боевым организмом, которому доступно то, что недоступно подавляющему большинству обычных людей. До пределов – и за пределами! Он всегда был на две, на три головы выше! Но теперь... Потеря ноги бросит его с вершин физических кондиций в самый низ, в пропасть, поставит даже ниже обычного человека! Потеря ноги – это его смерть как бойца, как воина. Он никогда уже не будет прежним! Пути назад нет! Теперь он – инвалид, как Димка Слепой, ковыляющий по Убежищу вдоль стеночки. И для него осознание этого факта, пожалуй, было еще страшнее, чем сама смерть.

Весь этот день он провел в какой-то прострации, временами погружаясь в зыбкое подобие сна, временами выныривая и вновь, в который уже раз, заставляя себя подниматься и осматри-

вать ногу. Все остальное время он лежал и тупо глядел в потолок. Он словно завис во времени – и ждал, надеясь, что организм справится сам. Это было самое настоящее бегство от реальности. Как в детстве – спрятаться, замереть, укрыться «в домике» под одеялом, авось страшное чудовище, бродящее снаружи, уйдет и все опять будет хорошо. Вдруг он проснется – а организм переборол заразу, опухоль пошла на спад и чернеющие участки ткани исчезли, рассосались сами собой?..

К вечеру состояние ухудшилось. К жутким болям прибавилась общая слабость, головная боль и озноб. Его трясло, попеременно бросая то в жар, то в холод, лоб, щеки и шея горели огнем, болели глаза, словно кто-то нажимал снаружи на закрытые веки пальцами. Комната плыла и покачивалась, время от времени исчезая в мутной кровавой пелене. Это уже были симптомы заражения крови. Организм боролся, пытаясь нейтрализовать действие продуктов разложения, но справиться с ними не мог. Интоксикация принимала необратимый характер – с каждой минутой в кровоток поступало все больше и больше яда, а иммунные силы организма были не безграничны.

Медлить дальше было нельзя.

Проглотив горсть таблеток, чтобы хоть немного взбодриться, сбить жар и прийти в себя, Данил, приостанавливая время от времени чтобы отдохнуть и восстановить хотя бы те остатки сил, что у него еще остались, принялся за работу. Достал и сложил горкой бинты. Рядом примостил жгут, набор игл с нитками и несколько пакетов с гемостатиком³. Достал четыре шприца, два из которых наполнил соком заглота, один – противошоковым, и еще один – боевым стимулятором. Налил водой из фонтанчика несколько бутылок и поставил их тут же. Вытащил ножи, вату, бутылочку со спиртом. Достал из рюкзака аптечный подсумок и положил у изголовья – он мог понадобиться в любой момент.

Он был готов... но все же медлил. Снова и снова он перекладывал бинты, жгут, спирт и шприцы, меняя их местами, крутил то так, то этак, оправдываясь тем, что пытается выложить предметы наиболее оптимально, чтобы они в каждый момент времени были под рукой. Однако он прекрасно понимал, что обманывает сам себя. Он боялся. Боялся до жути. И боялся он не самой операции, не физической боли, а того, что последует за ней. Ампутация словно перечеркивала всю его жизнь красной чертой: до – и после. До – полноценный, здоровый, полный сил и возможностей человек. После – инвалид с обрубком. Пусть и не абсолютно беспомощный, но бесконечно далекий не только от своих прежних кондиций, но и от физического совершенства обычного человека.

Наконец, сделав над собой усилие, Добрынин подтянул ногу поближе и уложил ее на жесткий валик, скрученный из попавшихся под руку тряпок. Дальше он действовал чисто механически – ему предстояло страшное, но он уже решился, отстранился, абстрагировался от происходящего, отбросив в сторону все лишние мысли и сожаления.

Он спасал свою жизнь.

Один за другим он вколол оба шприца с желудочным соком – один прямо в покрасневшую, но еще вполне чувствительную область, а второй повыше, в середину икры. Нога от стопы и до колена тут же задубела, совершенно потеряв чувствительность. Для пробы уколол ее несколько раз кончиком ножа и ничего не почувствовав, Добрынин удовлетворенно кивнул. Перед ним лежало полено, и это давало ему возможность сделать все без спешки, максимально аккуратно и с минимальными потерями. Стянув жгутом ногу чуть выше покрасневшей области, он сделал петлю, продел в нее дощечку из паркета и несколько раз крутанул вокруг своей оси, затягивая жгут. Отметил время – двадцать один-десять. Это время он написал на куске белой тряпки и крепко-накрепко привязал к жгуту. Поставил на таймере полтора

³ Гемостатик – вещество, ускоряющее свертываемость крови.

часа на обратный отсчет. Откупорив бутылочку со спиртом, тщательно обтер оба ножа, обработал руки и место около жгута. Закрыв и аккуратно отставил в сторону.

Все было готово.

Он взял в руки нож. Этот нож был с ним с самого детства, с того самого времени, как он добыл его в дедовой квартире и никогда уже с ним не расставался. Нож видел и испытал многое. Он прошел с ним жесточайшие тренировки полковника Родионова. Он сопровождал его в каждой вылазке по смертельно опасной, отравленной радиацией местности. Он был с ним на севере. Он с одинаковой легкостью резал монстров, людей и хлеб. Он не раз выручал его из беды – и сейчас, в который уже раз, ему вновь предстояло спасти своего хозяина.

Данил коснулся клинком кожи чуть ниже жгута, одной рукой удерживая нож за рукоять, а другой, замотанной бинтом, за лезвие – и, навалившись всем телом, вдавил его, словно гильотиной отсекая больное от здорового. С хрустом врезая мясо, клинок погрузился в плоть. В лицо брызнула тонкая длинная струйка, на предусмотрено подстеленное тряпье потекло как-то сразу и много. Темная, вязкая, тягучая кровь, гной, лимфа, другие неизвестные ему жидкости... Мгновенно и мощно, на всю комнату, шибануло смрадом гнили и разложения. Добрынин поморщился, но сосредоточенно продолжал работать. Он повел нож влево примерно до середины ноги, мерзко скрежеща лезвием о берцовую кость, затем вправо, так же до середины. Вытащил, перехватил – и, воткнув в икроножную мышцу с внутренней стороны, снова задев кость, подал клинок вниз, до лодыжки. Так же глубоко прорезал и с наружной стороны. Снова сменил хват и, рассекая сухожилие сзади, под икроножной, погрузил клинок до самой кости, соединяя разрез, делая его ступенькой – сверху повыше, а снизу – пониже, почти у самой лодыжки. Это было необходимо, чтобы задним лоскутом кожи и мяса прикрыть обрубок для образования культи. Теперь мышца была рассечена полностью и предстояло самое трудное – пилить кость.

Если бы в этот момент хоть кто-то смог заглянуть в эту полутемную комнату, он увидел бы зрелище, от которого жуть пробирала до самых костей: на матрасе в углу сидел человек и сосредоточенно резал здоровенным ножом собственную ногу. И то, *как* он это делал – четкими и точными движениями, целенаправленно, сосредоточенно – лишь повышало градус жути.

Будь у него обычный нож с простым гладким лезвием, задача усложнилась бы в несколько раз. Однако обоюдоострый клинок «Преторианца» имел с обеих сторон по два угловатых выступа, которые Данил и использовал как зубья пилы. С усилием нажав на мышцу, чтобы выпростать из мяса как можно больше длинны кости – она не должна торчать наружу после операции – он навалился всем весом на клинок и сделал несколько мощных движений вперед и назад. Нога и впрямь была как полено – ни боли, ни неприятных ощущений, ничего. Лишь только вибрация от клинка, передающаяся выше по ноге и доходящая до колена.

Сталь вгрызлась в кость, углубляясь все больше и больше – и, внезапно подавшись вперед, нож ткнулся в тряпки, а по дереву пола мягко шлепнуло. Стараясь не смотреть на этот отвратительный синюшный кусок, неестественный своей *отдельностью*, Данил вскрыл пакеты с гемостатиком, один за другим высыпал их на культю, наблюдая, как шипит и пенится белый порошок, превращаясь в плотное вещество, заполняющее обрубок и разбухающее, словно монтажная пена. Минута – и кровотечение, и без того слабое благодаря жгуту, остановилось совсем. Подождав двадцать минут и внимательно изучая все это время обрубок на предмет кровотечения, Добрынин осторожно, виток за витком, раскрутил узел и ослабил жгут, ожидая что кровь, нагнетаемая сердцем, хлынет наружу потоком. Однако опасения его оказались напрасны: избавившись от очага инфекции, организм уже принялся латать сам себя, зарастивая и мелкие капилляры и более крупные артерии – и по краям обрубка выступило лишь несколько капель крови. Счистив с обрубка гемостатик, Добрынин засыпал его стрептоцидом, накиннул лоскут кожи и мяса с икры, полностью закрывая культю, и прошил частыми стежками, притя-

гивая к ране. Замотал обрубком бинтами, потратив целых пять штук, и, откинувшись спиной к стенке, длинно-длинно выдохнул.

Ампутация закончилась.

И лишь теперь он почувствовал, насколько сильно было то нервное напряжение, что держало его все это время. Тело, словно освободившись от цепей воли, удерживающих его в бодрствующем и рабочем состоянии, разом сделалось вялым, потянуло в сон... Но только пронаблюдав еще час и убедившись, что истечь кровью ему не грозит, Данил позволил себе расслабиться и, завалившись боком на матрас, мгновенно отключился.

Последующие сутки показали, что с ампутацией он все-таки успел. Проснувшись рано утром от боли в обрубке, Добрынин вколлот обезболивающее и, прислушавшись к организму, убедился, что состояние его гораздо лучше, чем накануне. Жар почти прошел, озноб тоже. Да, он по-прежнему испытывал слабость и снова болела нога, однако боль стала совершенно иной. Теперь болело где-то выше, и не прежней, горячечной и не отпускающей ни на мгновение болью – а как-то тепло и вяло. Это была *здоровая* боль, боль выздоравливающего организма.

Но лишь сейчас, глядя на свою правую ногу, которая заканчивалась не ступней, а замотанным бинтами обрубком, Добрынин в полной мере осознал то, что с ним произошло. Он никогда больше не будет полноценным человеком. Он никогда больше не будет бойцом. Ему никогда больше не тащить на себе снарягу и автомат, никогда не надеть уник, не вступить в бой, не испытать этого восхитительного упоения сражением, не ощутить кружащего голову чувства победы. Теперь он калека, инвалид, вызывающий жалость окружающих, лишенный того, в чем он был настоящим профессионалом, того, что любил он больше всего в жизни. Теперь он обуза. Отработанный материал. И это не отмотать назад, не исправить до самой смерти.

После ампутации случилось самое страшное, что может произойти с человеком в подобной ситуации. Он замкнулся. Полностью погрузился в себя. Часами Данил лежал на матрасе и просто глядел вверх, на пятна облупившейся штукатурки, свисающие с потолка, на тещины в плитах, на арматуру, на дыры и ямы в стенах, оставшиеся после выпавших кирпичей... Это старое здание напоминало его самого – больное, никому не нужное, но для чего-то продолжающее упрямо цепляться за жизнь. Нет, он не плюнул на себя, не опустил – он мылся и чистил зубы, регулярно ухаживал за ногой, очищая рану и меняя повязки, стирал и кипятил бинты, заботясь о том, чтоб их всегда было в необходимом количестве, содержал в порядке одежду, снаряжение и оружие, питался вовремя, согласно составленному им ранее рациону... Но все это – бездумно, на автомате, по инерции. А выполнив все необходимые хозяйственные дела, он снова ложился на свое место, утыкался взглядом в потолок и слушал тишину.

Тишина детского сада была всепоглощающая. Она заполняла не только весь этот большой двухэтажный дом – но и его самого, и, казалось, весь мир, всю Вселенную. Он словно плавал в ней, висел, как тело висит в слоях воды тихого лесного озера в безветренную погоду. И – она была разная. Иногда она давила на уши – жестко, подавляюще, как многотонный заводской пресс или туша здорового куропата; иногда – звенела, словно напряженная в ожидании чего-то жуткого; иногда же, наоборот, успокаивала, баюкая, растворяя в своей безмятежности, уюте и спокойствии. Однако так было не всегда. Временами дом жил собственной жизнью. Резко и протяжно поскрипывали половицы, словно по ним перемещалось какое-то невидимое, но тяжелое создание; позвякивали окошки, будто что-то снаружи, за ними, настойчиво просилось внутрь, рвалось – но не находило прохода; в стенах время от времени что-то скреблось и шебуршало, по комнатам начинал гулять невесть откуда взявшийся сквозняк, а иногда – очень редко – Данилу слышались какие-то странные звуки за той самой белой дверью в холле, которая стояла запертой и тогда, когда они с Сашкой в первый раз влезли сюда – и сейчас. Все это напрягало его, но и встряхивало, вырывало из оцепенения, заставляя подтягивать к себе верный винторез или дробовик и сидеть, держа палец на спуске до тех пор, пока шумы не ути-

хали и комнаты детского сада вновь заполняла всеобъемлющая тишина. Добрынин не знал откуда это бралось, не понимал этих всплесков активности – но за все то время что он жил здесь, эти явления не причинили ему ни капли вреда. И он постепенно привык к ним, перестав обращать внимание.

Так продолжалось час за часом, день за днем, неделя за неделей.

А организм, между тем, восстанавливался. Полностью ушла температура, исчезли озноб и вялость, постепенно перестал болеть, кровить и гноиться обрубок, медленно покрываясь плотной рубцующейся тканью. Здесь давал знать о себе и строгий распорядок в лечении, которому Добрынин следовал неукоснительно, и питание, и, в гораздо большей степени, железобетонное здоровье его организма, жизненные резервы которого были достаточно велики, чтобы восстановиться даже после такого поражения. Но это было лишь верхний слой. Тело, благополучно преодолев кризис, продолжало жить. А вот дух... С ним обстояло гораздо хуже.

До этого момента Данил жил только одной целью. С этой целью он прошел путь в две тысячи километров, с этой целью он работал в Пензе, с этой целью пошел в детский сад, жил и ждал здесь назначенного срока. Эту цель он обдумывал и обсасывал с разных сторон, от нее отталкивался, строя дальнейшие планы... Но что делать теперь, когда цель недостижима? Что делать теперь, когда исчезла даже сама возможность движения к ней?.. Для того чтобы работать в нужном направлении, необходимо то, чего у него теперь нет – здоровое и сильное тело, тело со всеми конечностями, что изначально дала человеку природа! Как сможет он двигаться вперед, если даже по своей комнате передвигается либо ползком, либо на четвереньках, либо прыжками от стены к стене?!.. Это был тупик. И все чаще и чаще он смотрел на стоящий в углу у окна винторез. Всего один патрон – и его проблемы закончатся.

Однако другая часть его натуры – из самой глубины, с таких задворок сознания, о которых он даже и не подозревал – строго-настрога запрещала ему даже и думать о самоубийстве. Взять в руки винтовку и направить ствол на себя – это слабость. Слабость – и предательство. Это предательство не только самого себя – но и всех тех, кто зависел от него, кто, возможно, ждал его помощи. А значит – он во что бы то ни стало должен был подняться на ноги. Но как? Как сможет он теперь воевать, не будучи полноценным человеком? На костыле? С палочкой? На деревянной ходуле? Как?!!

Ответа на этот вопрос у него не было.

И все же... постепенно он отходил. Оживал. Отгаивал. Три месяца тоски, три месяца бездумного существования, три месяца жизни на грани отчаяния. Однако – всему есть предел. И если натура человека не предрасположена к меланхолии, то рано или поздно мозг устает копаться и искать ответы на теряющие первичную остроту вопросы – и начинает постепенно открываться навстречу жизни.

Такой момент наступил и у Добрынина.

Ему до черта надоело валяться на матрасе. За это время он до миллиметра изучил потолок комнаты и ее стены; он привел в порядок все свое хозяйство, упорядочил быт, распаковал баулы и разложил содержимое по комнате, каждой вещи определив свое место; он до блеска вычистил оружие, отремонтировал всю снарягу, вымыл и вычистил боевой скафандр. Но нельзя же заниматься хозяйством вечно. Изголодавшийся мозг искал новых дел и впечатлений – и такими впечатлениями для него стали окна.

Год закончился. Начался новый. Данил не мог следить за течением времени по окнам, в которых лето могло смениться зимой, а зима – осенью, но у него были подаренные Фунтиковым часы, которые и стали мерилем времени тут, в затерянной меж временных потоков аномалии. За стенами детского сада теперь была ранняя весна. Он не мог видеть весну *своего* времени – а если даже и видел, то не мог знать этого, не мог опознать тридцать третий год по картинке за окном, – но окна часто показывали другую весну, весну *до* Начала и весну *после*. Разница была лишь в одном: наличие разрухи и люди на улицах. Природа же... природа

была прежней. Светило солнце. Таял снег, обнажая разбитый асфальт, землю и обглоданные костяки – следы зимней жизнедеятельности обитателей города. Набухали на деревьях почки. С каждым днем появлялось все больше и больше птиц. И это обновление, этот очередной расцвет новой жизни за окном после стыллой морозной зимы, бодрил его, задевая какие-то струнки в самой глубине души, наполняло его надеждой и какими-то смутными и неясными предчувствиями...

Данил всегда был оптимистом, для него вопрос о стакане с водой всегда был однозначен. И – он не умел смиряться. Он никогда не плыл по течению, не желал проявлять покорность, не умел и не желал сдаваться. Даже сама мысль перестать бороться, грызть зубами проклятую жизнь была ему противна. В это жуткое беспросветное время, мыслями не раз возвращаясь в детство, он вспоминал о здоровяке Пиве – и каждый раз его фатализм, его политика смирения, заставляли натуру Добрынина беситься и бунтовать. Как можно удовлетвориться тем, что у тебя есть, и не желать большего? Как можно смириться со своим положением, перестать карабкаться вверх? Этого он не понимал. И теперь и Пиво, воспоминания о нем, и эта весна за стенами детского сада, пусть и постепенно, потихоньку, исподволь, но все же потянули его из болота тоски и отчаяния.

Самое страшное осталось позади. Оглядываясь назад, Данил с содроганием вспоминал эти мрачные месяцы, когда дальнейшая жизнь представлялась ему бессмысленной и ненужной. Но – взгляды меняются. Пройдя сквозь тьму, он по-другому стал смотреть на многие вещи. Да, прежним ему не быть. Однако... не он первый, и не он последний. На войне не только убивают. Война – щедрый поставщик калек и инвалидов. Люди возвращаются без рук и ног, а то и вовсе без половины черепа. И если смотреть именно под таким углом – может быть ему еще и повезло, ведь Клякс не успел сделать ничего больше. К тому же каждый человек рано или поздно все равно обречен состариться. И он сам – не исключение. И в процессе старения он так или иначе растеряет весь тот багаж, что есть у него – был у него! – как у воина. Что ж... Десятью годами раньше, десятью позже. Другое дело, что помочь Даньке-младшему, как он привык называть своё младшее «Я», он теперь вряд ли сможет... однако и это не факт, далеко не факт! Он пройдет в окно, однозначно. А уж там... десять лет впереди! Не может такого быть, чтобы не было способа!

Было и еще одно, что понемногу возвращало его к жизни. Уходя в детский сад и зная, что ему предстоит ждать – ждать в тишине и безмолвии аномалии, где время застыло словно густой кисель в кастрюле умелой хозяйки – Данил запасся не только едой и медикаментами, но и развлечением. В одном из четырех баулов, что громоздились рядом с постелью, лежало собрание сочинений Джека Лондона. Десять толстых томов любимых книг, прочитанных в детстве от корки до корки, но с тех пор подзабытых во взрослых делах и заботах. И эти произведения – о выживании, о жизни в жесточайших условиях севера, о борьбе с вечным холодом и голодом, о дружбе, о каждодневных подвигах – снова вдохнули в него волю к жизни. Он вновь перечитал весь цикл северных рассказов, перечитал «Кусок мяса» и «Мексиканца», «Любовь к жизни», «Тысячу дюжин» и «Тропю ложных солнц». Это были любимые рассказы, насквозь пронизанные зовом к жизни и борьбой, произведения, которые во главу угла ставили такие качества человеческого характера, как сила воли, упорство, жажда победы. И они снова, как и в детстве, заразили его тем, что прославляли каждой своей строкой, каждым абзацем, каждым предложением. Волей к жизни.

А вскоре случилось то, что окончательно поставило его на путь полного восстановления.

Через три месяца он ковылял уже довольно сносно. Устав бегать на четвереньках или прыгать на одной ноге, Данил приспособил под костыль швабру, которую нашел в одном из подсобных помещений. Замотал рабочую часть тряпкой, чтоб не сильно давило подмышку,

присобачил на конец ручки резиновую набойку, привинтил посредине некое подобие рукояти из выструганной деревяшки – и костыль получился ничего себе, не хуже фабричного.

Как-то, копаясь в одной из комнат на первом этаже, Добрынин наткнулся на небольшую библиотечку, вероятно составленную кем-то из воспитателей для себя. Книги тут были по большей части женские – про любовь, страсть и принца на белом коне – но попалось и несколько стремноватых бульварных детективчиков. И была еще одна книга, на которую он сразу обратил внимание – слишком уж затерта и засалена она была. Да и год выхода из печати – шестидесятые годы прошлого века – тоже впечатлял. Названия книги Данил так и не узнал – обложка и первая страница были оторваны, – но этот дефект никак не помешал прочитать ее всю. Добрынин открыл ее – и пропал для окружающего мира на два дня. Это была Книга о Настоящем Человеке.

Сбитый в воздушном бою летчик, старший лейтенант Алексей Маресьев, оказавшись далеко за линией фронта, один, без средств к существованию, без еды и вменяемого оружия, зимой, в тайге, с перебитыми ногами восемнадцать дней выползал к своим. Донельзя истощенный, он выполз, добрался до землянок живущих в лесу крестьян, но не смог сохранить ноги. С развивающимся заражением крови и гангреной его на самолете перебросили в госпиталь, – и здесь, признав невозможность сохранения ног, провели операцию по ампутации обеих ступней. Но он не смирился. Он поставил себе задачу снова подняться на ноги, встать в строй и вернуться в боевую авиацию. И он смог это сделать.

Данил перелистнул последнюю страницу и, как громом пораженный, уставился прямо перед собой. В душе бушевал ураган. Человек без обеих ног вернулся в строй! Встал на протезы, научился не только ходить, но и бегать и даже танцевать! Вернулся на войну! И не просто в службы тыла или инженерное обеспечение, а полноценным пилотом, воином, в боевую авиацию, с ее скоростями, молниеносной реакцией и тончайшим взаимодействием между человеком и машиной! В тот род войск, где даже малейшая травма, малейший недокомплект в организме приводил к отстранению от полетов и перевод в наземные службы обеспечения! И что самое главное – это было не просто выдуманное художественное произведение. Это был настоящий, реальный случай! Маресьев был практически земляком, он родился и жил в Камышине неподалеку от Саратова, действительно участвовал в Великой Отечественной войне, после возвращения в строй сбил еще семь самолетов противника, всю жизнь занимал ответственные посты, вел активный образ жизни, занимался спортом, ставил рекорды и умер аж в две тысячи первом году, буквально за десять лет до Начала!

И все это – без *обеих* ног! Да, это был беспрецедентный случай, один на десятки на сотни миллионов – но он *был*!

Данил опустил взгляд и в который уже раз за эти месяцы – в стотысячный, если не в миллионный – посмотрел на обрубок своей правой ноги. На него – и на левую, здоровую, крепкую ногу с мощной икроножной мышцей и буграми вен, оплетающих ступню. У Маресьева не было обеих ног. Но у него-то, у него самого – нет всего одной! Так неужели он не сможет так же?!..

И с этого дня началось полное возвращение его к жизни.

Будучи человеком, прошедшим от и до школу полковника Родионова, он как само собой разумеющееся знал, что перед началом любой операции необходимо составить план. А ведь то, что ему предстояло, было не просто операцией. Это, пожалуй, можно было смело назвать самым его главным сражением. Битвой не с внешним врагом, а с внутренним, с самим собой, со своим организмом. Если судить по часам, Хранитель пришел к нему примерно через месяц после того, как он струсил – и тем самым упустил возможность уйти на станцию. С пришествия Хранителя прошло еще три. Значит до окошка к телу Нибумова – еще столько же. И – год до последнего, третьего окна в Сердобск две тысячи двадцать третьего года. И вот за эти пятнадцать месяцев он должен был вновь стать полноценным человеком.

Нога зажила вполне сносно. За три месяца она из кровавого обрубка превратилась в закрытую зарубцевавшейся тканью культю – однако время от времени пробуя опереться на нее, Добрынин чувствовал в искаленной конечности такую острую простреливающую боль, что вскоре отказался от этой затеи. Что ж... В экспериментах над своим организмом Данил не знал себе равных среди сверстников Убежища. Стоило вспомнить одну только жесткую набивку, практиковавшуюся Родионым, и становилось понятно, что воспитанник полковника может еще и не такое. Отныне организм должен заткнуться и научиться не только опираться на эту ногу, не только стоять на ней, навалившись всем весом, но и прыгать, не испытывая при этом никакого дискомфорта. Это был первый пункт плана, и Данил с необычайным рвением взялся за его выполнение.

Первым делом он разломал к чертовой матери свой костыль. Словно сжег мосты. Ни шагу назад! Он больше не будет ковылять по комнатам детского сада, словно скрипучее привидение по древнему особняку. Из обломков костыля, кожаных ремней, резины и деревяшек из подсобки он соорудил себе протез, причем, протез, не лишенный некоторого злобного юмора и стёба. Протез он изобразил в форме деревянного копыта – этакая помесь человека и животного. Зоолог, одним словом. А может быть намек на дьявольские испытания, что сумел он пройти и выйти победителем?.. Впрочем, испытания еще только предстояли, но Добрынин смотрел на них так, будто уже сумел их преодолеть.

Он не стал впрыгивать в протез с первого же дня. Неделю – пока он строгал и пилил свою, во всех смыслах этого слова, опору – он занимался одним только массажем конечности. Три раза в день, утром в обед и вечером. Прикосновения к культе были болезненны, но Добрынин упорно, по часу за сеанс, растирал, массировал, мял зарубцевавшуюся ткань с торца, кожу и мышцы у края обрубка. Первые двадцать минут давались с большим трудом, сквозь боль и туман, застилающий глаза, но потом к месту непрерывного давления приливалась кровь, разогревая мышцу, и дальнейший массаж проходил уже легче.

Кроме ноги, Добрынин начал тренировать и все тело, которое от лежачего образа жизни за эти месяцы изрядно ослабло, заплыло жирком и потеряло некоторую часть мышечной массы. Тренировки пока были лежачие, не затрагивающие ногу, но и в таких тренировках Данил, благодаря своему огромному опыту, мог намудрить столько упражнений и так себя измотать, что к вечеру чувствовал тупую тяжесть во всем теле и гудящие натруженные мышцы. Этого пока было достаточно. А дальше... он уже составил несколько графиков и, предвидя будущие затруднения, уже скакал по комнатам детского сада, подыскивая и стаскивая в холл все мало-мальски тяжелые предметы, которые можно будет использовать в дальнейших тренировках.

Через неделю протез был готов. Не сказать, чтоб это было высокохудожественное изделие, но основные черты его все же были узнаваемы. Вряд ли грамотный зверовод мог идентифицировать это, как скульптуру конечности, принадлежавшую определенному животному, но Добрынину и такого протеза было вполне достаточно. В конце-то концов... Если и не звериное копыто – так хоть дьявольское! Лишь бы функции свои выполнял.

Утро дня, назначенного им для первой тренировки с протезом, было солнечным. То ли совпало, то ли аномалия подстраивалась под своего обитателя, но в окно комнаты било яркое летнее солнце. Добрынин, совершив утренний моцион и позавтракав, долго-долго сидел на матрасе и смотрел на стоящее перед ним чертово копыто. Настроение было прекрасное. Все у него теперь будет хорошо. Он все преодолеет и всех победит. И начнет прямо сейчас, со своей обновки.

Он взял протез, сунул обрубок в его мягкое гнездо и надежно охватил ногу ремнями. Подвигал, сгибая-разгибая в колене, вращая в бедренном суставе, подрыгал, пытаясь стряхнуть протез, – но тот сидел крепко, слитно с ногой, словно всегда тут и был. Добрынин поднялся, постоял немного у стены, чуть касаясь протезом пола, но неприятных ощущений не почувствовал. И вдруг, словно в омут головой, резко выдохнул – и широко шагнул вперед, в центр

комнаты. Нога подломилась, и Данил, неловко взмахнув руками в попытках поймать равновесие, боком повалился на пол.

Он знал, предчувствовал, что будет больно, но не представлял, до какой степени! В обрубок будто разом вогнали сотню острейших раскаленных гвоздей! Нога горела огнем, что-то там подергивалось, в чашечке протеза, словно ходила сведенная судорогой мышца, хотелось сейчас же снять его, освободить обрубок и сунуть его целиком в прохладную воду фонтанчика! Однако Добрынин уже обещал себе, что сегодня обязательно опробует свою новую ногу. Будет тяжело, кто спорит. Может быть, даже невозможно. Но деваться ему было некуда.

Он дополз до окна, оперся о подоконник, поднялся, постоял немного, решаясь, и медленно-медленно, опираясь о стеночку, сделал коротенький шаг, осторожно перенося на протез всю массу тела. Чуть скрипнула резина набойки, упираясь в деревянные доски пола, нога тяжело заняла, ее пекло, будто на раскаленной сковородке, но все же он сумел сделать свой первый, самый трудный, шаг.

Следующие два месяца он потратил на то, чтобы приучить свой обрубок к боли и нагрузкам. Нежная ткань культи должна была огрубеть, закалиться, превратиться в сплошную непрожимаемую и нечувствительную мозоль – только тогда он сможет использовать правую ногу, и только тогда можно будет начать второй этап тренировок.

Эти месяцы слились для него в один мучительно длинный период, полный тяжелого труда и жуткой боли. Три раза в день, строго, так же как и тогда, когда он занимался массажем, Добрынин ходил. Сначала – по стеночке, еле сдерживая стоны и помогая себе отборными трехэтажными словопостроениями, затем – оторвавшись от нее и ковыляя по самому центру комнаты, чтобы, не дай бог, не появился соблазн опереться о подоконник и отдохнуть. Три часа в день он изводил себя ходьбой, час – тренировками, и еще час, вечером, перед самым сном, – массажем, который раз от разу становился все жестче и жестче. Нога, отвечая на нагрузки, горела адским пламенем. Слово тысяча отборных чертей, выбравшись из пламени ада, терзала ее раскаленными крючьями, ввинчивала в кость шурупы и пилила тупыми пилами. Особенно усиливалась боль по вечерам, когда он валился на постель, без сил после дневных мучений. Он попробовал колоть обезболивающее и даже сок заглота, но быстро понял, что смысла в этом нет. Нога становилась деревянной, бесчувственной, а ему наоборот нужно было ощущать ее, чувствовать работающие мышцы, контролировать свои движения.

Раз в неделю он устраивал полный выходной – тело должно было восстановиться, компенсировать свои потери и выйти на новый уровень тренированности. В этот день он не делал вообще ничего. Валялся, глаза в потолок и внутренне радуясь тому, что сегодня не будет тренировки, не будет проклятой ходьбы и массажа, а значит, не будет и его мучений; пил чай, читал книги, занимался оружием и снарягой... Несколько дней он потратил на то, чтобы подстроить под себя свой рыцарский доспех: натолкал в правый ботинок тряпья, умял его, подготавливая гнездышко для обрубка, примерил – и остался вполне доволен полученным результатом. Он подозревал, что в скафандре ему будет гораздо легче, ведь ткань его стягивала тело корсетом, поддерживала, давала разгрузку суставам и мышцам, а значит, и обрубку – и впоследствии, когда снова надел уник, понял, что был абсолютно прав. Однако – нельзя было идти путем наименьшего сопротивления. Тренировки без комбинезона, на живую, были необходимы, так как именно они возвращали Добрынина на тот функциональный уровень, на котором он находился прежде.

Скафандр вообще не пострадал во время схватки с Кляксом. И прежде всего потому, что он в ней не участвовал – лежал себе, полеживал, свернутый в большой черный ком, у изголовья хозяйской постели. Добрынин, первое время не решавшийся снимать костюм и напрягавшийся от каждого шороха, вскоре понял, что таскать его здесь смысла нет. Снял... и поплатился за это. Что ж... как говорить: знал бы где упал – подстелил бы соломки. С другой стороны – кто

знает, смог бы противостоять скафандр тискам щупалец Хранителя?.. Если б смог – хорошо. А если нет? Тогда Добрынин в придачу к сломанной ноге получил бы и испорченный скафандр без возможности его восстановления. А ведь именно теперь функционал костюма будет нужен ему, как никогда!

Пожалуй, только сейчас он впервые по-настоящему пожалел о том, что не допросил Хасана на предмет его возможностей. С другой стороны – был ли в этом смысл?.. Профессор говорил про чип, вживленный в голову. Но каким образом? Одно дело, если он вживлен в мозг, и совсем другое если просто зашит под кожу. В первый вариант Добрынин верил слабо, ибо это уже попахивало сложнейшей операцией, проделать которую в нынешних условиях было нереально. Второй вариант нравился ему гораздо больше, ведь получалось, что этот чип можно было вытащить и вогнать под кожу себе. И тогда – да здравствует беспредельная мощь боевого скафандра и запредельные человеческие возможности! Но лишь до первой посадки батарей. Тот же Профессор рассказывал, что для зарядки их на базе Братства стояли специальные устройства. А где заряжать их ему? Вот так и получалось, что в добывании из майора этой информации особого смысла не было. И тем более – не те его вопросы тогда занимали, совсем не те. Башка была забита созданием собственной армии, планами компании по освобождению Убежища, тренировками личного состава, техникой, провизией, доставкой... да чертовой уймой вещей! И тут еще уник до кучи. Комбез ведь даже в неактивированном состоянии – словно рыцарский доспех, настоящий боевой скафандр. Хватало его Добрынину выше крыши, потому, наверно, и не думалось о полном его функционале... Тогда хватало. А теперь – хватит ли? Проклятая нога...

Нога занимала все его мысли. Иногда, задумавшись о чем-то, он вдруг испытывал какое-то неприятное ощущение в ступне... менял позу или тянулся почесать, помять ее – и только тут до него доходило, что ступни у него теперь нет. Мозг еще не смирился с потерей конечности и словно продолжал принимать нервные импульсы, отрезанная ступня продолжала жить вместе с организмом, давая знать о себе фантомными ощущениями. Он так отчетливо чувствовал ее порой, что во снах нередко видел себя полностью здоровым и на обеих ногах. Просыпаясь утром и снова осматривая обрубок, он ловил себя на мысли, что все это зря, у него ничего не получится, нужно бросить свои ежедневные мучения и не насиловать организм. Тогда он снова брал Книгу и читал понравившиеся ему отрывки, которые, кажется, мог цитировать теперь до буковки.

Эта книга стала для него настоящей Библией. В ней он черпал теперь уверенность и силы для тренировок. Этот человек – Маресьев – стал для Добрынина настоящим кумиром. То, что испытывал сейчас Данил – не шло ни в какое сравнение с тем подвигом, который совершил летчик! И все же он смог. И эта мысль постоянно поддерживала Добрынина, толкала вперед, заставляя и его самого работать над собой, отбросив все сомнения. Морально – ему было даже легче, чем летчику. Алексей Маресьев был первопроходец – хотя и он отталкивался от вырезки из газеты о пилоте Карповиче, который сел за штурвал самолета без одной ноги. И Добрынин, видя перед собой эти примеры, не имел права сомневаться. Он шел проторенным путем, и хотя путь этот был не широким проспектом, а лишь мелкой извилистой тропкой, все же эта тропка уверенно вела его к конечной цели.

Спустя два месяца он уже двигался довольно проворно. Боли утихли, обрубок уже не был той мягонькой культей с нежной кожей. Она стала грубой, словно шкура куропата, в местах соприкосновения с протезом выросла толстая мозоль, которая, кажется, уходила и под кожу, до самой кости. Теперь Добрынин мог свободно стоять и даже подпрыгивать на своей деревяшке, держась руками за опору для равновесия – и почти не испытывал при этом дискомфорта. И именно обретению равновесия, баланса, чувства своей новой ноги как родной, которую дали ему отец и мать, – этому и был посвящен третий этап восстановления.

Этот третий – и последний – этап ознаменовался сразу двумя знаковыми событиями. Во-первых, окном к Нибумову. А во-вторых...

Как и предупреждал Зоолог, окно оставалось открытым трое суток, и этого времени хватило с избытком. Еще пару месяцев назад, пребывая в жуткой депрессии, Добрынин не знал бы, что сказать своему младшему «Я». Но теперь... теперь он был воодушевлен успехами, находился на подъеме. Дела обстояли если уж не совсем замечательно, то, как минимум, неплохо – и потому запись, как он надеялся, получилась бодрящей и обнадеживающей. Да и какой еще она должна быть, чтобы подбодрить человека, потерявшего все? Однако – на самом деле не все обстояло так, как он говорил на записи. Добрынин врал – но иначе он просто не мог.

Первое, в чем он обманул Данила-младшего – Паук. Он не сумел убить Верховного. Он не раздавил ему кадык. Паук не сипел и не дергался, вымаливая каждый глоток воздуха... Ему досталась лишь фотография, с которой на него смотрел человек с обезображенным радиацией лицом. Тарантул сумел уйти, уйти в единственную приоткрывшуюся брешь через промзону завода. Добрынин узнал это от бойцов его личной охраны, настоящих фанатиков, оставшихся прикрывать отход своего командира. Было условлено, что остатки личного состава группировки продержатся максимально долгое время, с тем чтоб Тарантул смог добраться до ближайшей перевалочной базы и организовать подкрепление. Смогли бы они выдержать осаду две-три недели? Вполне возможно. Ресурсов в избытке, оружия, боезапаса – тоже. Неплохие шансы. Однако Паук недооценил ненависть того, кто добирался до него долгие десять лет. Убежище взяли за четверо суток, пусть и ценой серьезных потерь. Люди Братства стояли не на жизнь, а на смерть, ведь у них была надежда. Верховный обещал – а кто, как не Верховный, должен заботиться о своих людях? Но Паук не успел. Может быть, он и вернулся – потом, когда Добрынин ушел в аномалию, – но было уже поздно.

Зачем он обманул свое младшее «я»?.. Добрынин надеялся, что мысли о том, что он сам, его семья, Убежище отомщены, заставят Данила послушаться Зоолога и отказаться от мести. И тем самым – сохранить ребят, которые должны помочь основать новую колонию-поселение. Новое Убежище в Пензе. А уж он, Зоолог, приложит все усилия, чтобы им было куда идти...

Второе же... это был даже не обман, а догадка, которую он облек в форму утверждения. В тишине детского сада Добрынин не раз думал, почему же Клякс не убил его. Факел погас в его теле, огонь не помог отогнать чудовище, но тем не менее, Добрынин был жив. Единственная гипотеза – Хранитель узнал его и потому оставил в живых, других у него не было. Так почему бы младшему не попробовать и такой вариант прохода?..

Он сказал все что хотел и как хотел, пытаясь настроить Данила-младшего на окно, в которое он *должен* пройти! И лишь Сашка не давал ему покоя. Добрынин, сидя у тела Хребта, очень долго боролся с собой, пылая желанием хоть словом, хоть намеком предупредить о его судьбе – но, в конце концов, разум победил чувства. Да и не смог бы он этого сделать. Как предупредить, если вот они, Профессор с Кубовичем, будущие убийцы, рядом стоят. Любой намек – и будет так же, как со стариком Шаманом. Так ничего и не сказав, Добрынин с тяжелым сердцем закончил запись и отключил диктофон. Словно попрощался – второй раз и навсегда. И Ивашуров, и Зоолог, да и вообще вся история с аномалией дали ему твердое понимание того, что со временем шутки плохи. «Время – река...» Пытаться оживить погибшего – это все равно что огромный валун в реку закатить. Перегородит он русло или нет?.. Совсем заткнет исток или только поток воды ослабит?.. И какие вообще возможны последствия?.. Поди знай...

Обращаясь к своему младшему «я», Добрынин сказал, что назвался Сергеем Зоологом в честь Полковника. Но наедине с собой он продолжал обращаться к себе как обычно: Данил Добрынин. Да и кем еще он должен был себя сознавать? Человек всегда думает о себе именно так, как называли его родители. Сергеем он стал теперь для остальных – для самого же себя он оставался тем самым Данькой, Данилом, Добрыней, каким осознавал себя с детства.

Записав отличный от речи своего Зоолога файл, он положил диктофон под высохшую мумию Хребта и ушел назад в детский сад. А вечером, сидя на матрасе, массируя ногу и в который уже раз размышляя, правильно ли он поступил, решив переписать речь Зоолога вопреки его строжайшему предупреждению, Добрынин внезапно понял, что же мешало ему последние несколько месяцев, зудя над ухом, как мелкий надоедливый комар.

Идиот! Господи... да какой же он идиот! Почти год сидеть в аномалии, и только сейчас додуматься до элементарного! Все его планы, все думки так или иначе были предопределены Зоологом! Именно он своей речью исподволь направил мысли Добрынина в строго определенное русло, именно в соответствии со словами Зоолога Добрынин и строил свои планы! А ведь стоило отвлечься и копнуть чуть в сторону...

Ему предстояло не только подготовить дорогу Данилу-младшему. Как раз-таки это, пожалуй, проще всего! Но ведь есть и другой вариант. Можно попробовать устранить *саму возможность* появления в Сердобске Первой Ударной и того узла, что завяжется с ее приходом! Сделать так, чтобы сам поход на север просто не состоялся – и тем самым вывести Убежище из-под удара!

Замерев на своем матрасе, чтобы, не дай бог, не спугнуть эту мысль, одним ударом вогнавшую его в ступор, Данил продолжал лихорадочно соображать. Ведь это почти то самое, что он собирался сделать, едва только вернувшись в город! Ведь это тот самый, старый, его план! План, который не состоялся по той простой причине, что он встретил пацанов и повел их в Пензу – а там закрутилось-завертелось, объявился Хасан и замаячил на горизонте сам Верховный! Но теперь-то... У него будет десять лет! Все, как планировалось: добраться до базы Братства, устроить партизанщину и тотальный геноцид, атаковать караваны, вести подрывную деятельность! Найти группировки, которым Братство перешло дорогу, и заручиться их помощью и поддержкой! В конце-то концов – убить Паука *до* того, как он отдаст приказ об уничтожении Убежища!

Как-то вдруг разом ослабев от страшного волнения, он привалился спиной к стене и вытер испарину, выступившую на лбу. То, что пришло ему в голову, могло полностью изменить будущее Убежища и его обитателей. Изменить – и дать им дальнейшую жизнь.

От этой мысли и открывшейся перед ним перспективы Добрынина залихорадило. Получается, в его силах сделать так, чтобы Убежище вообще не почувствовало на себе влияния Братства. Только и всего – исключить появление каравана в городе. Но как? И не ошибается ли он? Ведь последствия могут быть катастрофическими! Все то же проклятое утверждение: время – река...

Так. Спокойно. Спокойно! Данил медленно задышал, понемногу успокаиваясь. Здесь спешка не нужна. Время есть. Нужно все тщательнейшим образом обдумать и взвесить. Но уже сейчас ему было понятно, что эта мысль, пришедшая в голову, просто так его не отпустит.

Он еще раз, уже тщательнее, принялся вертеть ее со всех сторон. До лета тридцать третьего года никаких контактов с Братством у обитателей Убежища не было. Что-то там мутил с ними Овчаренков, командир войсковых, но что именно – неизвестно. Убежище с группировкой не общалось, и получается вроде бы, что любые воздействия, любые изменения, которые будут происходить с Братством, никак на Убежище и не отразятся... Опять же не будем забывать самое главное – Убежище в итоге так и так уничтожено. То есть хуже, чем есть – чем будет! – уже не станет. И если есть шанс изменить все в корне, кардинально – он не имеет права им не воспользоваться.

Да и в конце-то концов!.. Ведь он не собирается действовать непосредственно в городе! Он будет работать осторожно, далеко от родного дома, и очень сомнительно, что изменения, происходящие в другой части континента, повлияют на течение жизни Сердобска. Как может измениться жизнь маленького городка в центре России, живущего замкнутой, изолированной

жизнью, от событий, происходящих далеко-далеко, в Казахстане?! Да никак! Единственное – и самое главное! – изменение должно произойти в лето две тысячи тридцать третьего года!

В это лето Первая Ударная не должна прийти в город.

До последнего окна остался год, и Данил, получив столь мощный импульс, взялся за себя резко и круто. Загнать лошадей он не боялся – и не такое еще проходили. Задачу поставил непростую: не только восстановиться от увечья, но и вывести себя на новый уровень тренированности и боеспособности. Теперь он точно знал, что это возможно.

И снова все как в детстве: тяжелая атлетика, рукопашка, бег, по возможности – тренировки с оружием, хотя из-за ограниченности боезапаса и отсутствия вменяемых дистанция для стрельбы дело с этим обстояло не ахти. Но все же – стрелковые стойки, перемещение, перевод огня с цели на цель, работа с углами и препятствиями, смена плеча... и прочее, и прочее, и прочее. Все те азы, основы, которые, отточенные до уровня рефлексов, и отличают грамотного профессионала от бойца средней руки и уж тем более от новобранца.

Проще всего обстояло с бегом. Здание большое, двухэтажное, коридоры и переходы длинные, комнаты просторные – а ведь есть еще и чердак с подвалом. Пробежки получались именно такие, как надо, – в рваном ритме, с изменением траектории движения на ходу, принятием на бегу решений относительно оптимального маршрута... Как раз то, что нужно бойцу для достижения максимального тренировочного эффекта. Он и бегал. С первого этажа – по лестнице на второй, там по коридору вдоль всего здания – и по лестнице на чердак; на чердаке, длинном пыльном помещении, заваленном хламом, – полоса препятствий: тут тебе и поползти, и через «козла» прыгнуть, и под крышей по трубе, перебирая руками, пройти; далее – снова второй этаж, длинный коридор, по которому можно намотать челночным бегом хоть километр, хоть пять; и снова – вниз, на первый этаж по лестнице, прыгая иногда через две-три ступеньки. И так по десять, двадцать, тридцать кругов, пока сердце, казалось, не начинало биться где-то в верхней части груди, грозя выскочить наружу через горло. Понедельник-средя-пятница, утром и вечером, с каждой тренировкой наращивая нагрузку и пробегая на один круг больше. До предела, за пределы, и только после этого – блаженный отдых. Отдых не столько для всего организма, сколько для ноги, к концу каждой пробежки горящей так, будто ее черти на сковороде поджаривают.

С тяжелой атлетикой тоже все обстояло достойно. Едва только начав ковылять без палки, Добрынин принялся шарить по всем комнатам детского сада в поисках импровизированных снарядов, и таки нашел много всего интересного, что при наличии некоторой фантазии и прямых рук можно было приспособить для тренировок. И особенно ему повезло в кухне. Здесь он раскопал целую батарею канистр разной емкости, которые, наполнив водой, с легкостью превратил в импровизированные гири, гантели или блины для штанги, нагрузив ее в итоге приличным весом. В качестве грифа служила стальная труба, в которую Данил для предотвращения искривления под весом канистр забил три металлических прутка, найденных в подвале. Кроме того, в том же подвале нашлось и несколько железнодорожных рельсов длиной от метра до двух – в самый раз для становой тяги. И результаты пошли.

Во все времена для набора мышечной массы, повышения силовых характеристик организма и его функционала, атлеты использовали только базовые упражнения – те, в которых задействуется не одна мышца, а целая группа. Не бесполезное и бестолковое однообразное она-нирование в блоке на тренажере, а работа преимущественно со свободными весами. Становая тяга, присед, жим штанги, подтягивания с грузом, тяга штанги или гантели в наклоне к поясу – и прочее подобное. Только они дают максимальную отдачу, сказочно повышая мощностные характеристики организма! И Добрынин работал, пахал до седьмого пота. За месяц он повысил результат в становой тяге со ста килограммов до полутора сотен, за следующий месяц – еще на пятьдесят. Присед колебался где-то в районе ста семидесяти, жим штанги лежа – сто пять-

десять, тяга гантели в наклоне – ближе к сотне. Для него это были не рекорды, этими весами он когда-то уже работал в залах Убежища – но в его ситуации нужно было сначала вспомнить пройденное. Тело, благодаря феномену мышечной памяти, восстанавливалось очень быстро, наращивая те объемы и функционал, которые уже были у него когда-то. И что особенно радовало – травмированная конечность тоже реагировала на нагрузку.

Нога отзывалась хоть и медленной, но неуклонной потерей чувствительности. И именно в тех зонах, которые соприкасались с деревяшкой протеза или обхватывались ремнями. Это было вполне закономерно – и именно этого и добивался Добрынин. Теперь он не чувствовал боли – ее просто не было, как не бывает боли в здоровой ноге во время шага, когда пятка касается земли. Теперь Данил мог сколь угодно долго стоять на деревяшке, прыгать на ней всем весом, либо, опираясь, вытягивать свои два центнера на становой тяге. Отныне боль ушла полностью.

Конечно, это не могло не радовать. Постепенно, но неуклонно и неотвратимо, он восстанавливал свои физические кондиции и уже начинал штурмовать прошлые рекорды. Физическая немощь, которой он так панически боялся, была теперь позади – и только лишь с равновесием и балансом обстояло не очень. А значит – и с рукопашкой.

Центр тяжести, баланс, равновесие, чувство своего тела – все это приходит в самом раннем детстве, когда маленький человечек под присмотром и с поддержкой родителей начинает делать свои первые шаги на мягких неуклюжих ножках. Эти рефлексивные входы в человека на всю жизнь, становятся естественными навыками тела. И случись беда, подобная той, что произошла с Добрыниным, большинство людей, не имея достаточной силы воли поставить себя на ноги, так до самой смерти и обречены ползать на четвереньках, ковылять на костыле или ездить в инвалидной каталке. Именно так было и у него. Рефлексы, приобретенные в самом начале жизни и учитывающие наличие обеих конечностей, работали именно с учетом их наличия. Организм моторикой тела не понимал, что ступни больше нет, и навыки, приобретенные в детстве, теперь не помогали, а только мешали вырабатывать новые. И если стоять на обеих ногах, ходить и даже бегать он научился, то лишь за счет того, что цела была вторая нога, левая, которая и взяла на себя опорную функцию. Но стоило оперевшись о деревяшку, оторвать ее от земли...

Алексей Маресьев боролся с этим посредством танца. Данил Добрынин, в котором с самого детства воспитывали лишь навыки, необходимые для выживания, танцевать не умел, не желал и вполне справедливо считал это глупым и бесполезным занятием. И танец ему заменила рукопашка.

Рукопашный бой теперь занимал большую часть тренировок. Сейчас ему не нужно было нарабатывать чувство ритма и такта, не нужно было разучивать связки и комбинации, загоняя их в память до уровня рефлексов. Все это у него уже было. Задача была теперь другой – переучить себя. И он заставлял организм заново привыкать к отсутствию конечности, приспособливаться к изменившемуся балансу тела. Все это достигалось бесчисленным количеством повторений, и Добрынин тренировал рукопашку до черной пелены перед глазами, проделывая до тысячи повторов за тренировку, меняя свои старые рефлексивные на новые и доводя их до автоматизма.

Он работал не только с твердокаменным упрямством, как тогда, когда, преодолевая адскую боль, заново учился ходить. Чувство того, что он снова пошел круто вверх и восстанавливает свои боевые навыки, окрыляло – и он работал с полной отдачей, с вдохновением! Он старался анализировать технику любого движения, анализировать новую биомеханику своего тела, обдумать все детали и составные движения удара, разложить на мельчайшие составляющие – и разучить каждое отдельно. А затем, сложив вместе, получить этот же удар, но на новый лад, приспособленный, улучшенный и доработанный под себя, перенеся все рабочие реакции и ощущения со ступни на голень и бедро. Старая китайская пословица гласит: «Боец начина-

ется после тридцати». Человек работает гораздо результативнее, если уже имеет понимание и представление о биомеханике удара. Добрынин, благодаря богатейшему опыту, такое представление имел. И теперь он головой изучал и понимал то, что в детстве под руководством полковника постигал не разумом головы, а разумом тела, моторикой.

Теперь он, пожалуй, был благодарен Кляксу за то, что тот ухватился именно за правую ногу. Потеряй Данил левую, и работа по восстановлению рукопашного функционала усложнилась бы в разы! В рукопашке левая нога для правши, пожалуй, все же важнее, чем правая. Хотя грамотный боец и старается овладеть обеими ногами одинаково, все же есть такое понятие, как ведущая или ведомая, передняя и задняя рука, нога, правосторонняя или левосторонняя стойка. Для правши основная стойка – левым боком вперед. Правая нога – толчковая и ударная, но левая – контактная, опорная. В левосторонней стойке при ударе правой ногой – будь то хоть лоу⁴, хоть правый в голову, хоть прямой вперед – левая нога работает с полом, она чувствует его, контактирует с ним, поворачивается вокруг своей оси на подушечке ступни, удерживает равновесие. А правая – бьющая конечность – наносит удар. И здесь сложность для Добрынина была только в том, что нужен был начальный импульс, который уводит правую ногу от пола вперед. Нужен был толчок – резкий, взрывной. У здорового полноценного человека толчок начинается с работы носком и мощного короткого сокращения икроножной мышцы – и только потом включается бедро, туловище и все тело. У Добрынина этого начального толчка икроножной мышцей теперь не было. И роль, которую играла икроножная, должно было взять на себя бедро. Именно бедро теперь принимало дополнительную нагрузку, именно ему необходимо было изменить и повысить свой функционал. Все это достигалось бесчисленным количеством повторений – и Добрынин упорно работал, меняя свои старые рефлексy на новые и вновь доводя их до автоматизма. И каждый получившийся удар, каждая новая связка, комбинация, отработанная и воспринятая телом заново, вбитая в подкорку, доставляли ему огромную радость и удовлетворение.

Из ученических парт, принесенных из подвала, он соорудил макивары; сделал деревянный манекен Вин-Чун, который, вращаясь вокруг своей оси после каждого удара, лупил его по бедрам и бокам торчащей в сторону ногой, набивая мясо до гематом; повесил вкруг десятков мешков для имитации боя с многочисленным противником; привинтил к потолку бревно, обернутое матрасом и обкрученное суровой веревкой, и регулярно долбил его руками и ногами, укрепляя кости и закаляя надкостницу, вновь делая из своих рук и ног подобия лошадиного копыта. Он нашел круглую металлическую палку и по двадцать минут от каждой тренировки уделял обкатке – вытягивая ноги вперед, ставил палку ближе к колену и отпускал ее, позволяя сначала свободно, а затем, постепенно и под нагрузкой, прокатываться по берцовой кости правой и левой ноги. Он вновь превращал свое тело в непробиваемый для ударов противника доспех, в универсальную боевую машину – и двигался к своей цели семимильными шагами.

В тишине детского сада в работе до седьмого пота, в муках и воплях боли, под железный грохот многопудовой штанги об пол, под скрип макивары и звуки мощных ударов по набивочному мешку заново рождался на свет Данил Добрынин.

Срок его заключения – так он со временем начал называть свою жизнь здесь, в аномалии детского сада – перевалил сначала за год, затем – за полтора. Упорство, с которым Данил работал над собой, давало свои плоды. Он больше не был инвалидом; он больше не был бесполезным человеком; он больше не был лишним.

⁴ Лоу-кик – удар ногой по нижнему уровню, в бедро/колени противника.

Когда-то в детстве – давным-давно, казалось, тысячу лет назад – он в первый раз пришел на тренировку к полковнику Родионову. Набивочных мешков и макивар в Убежище тогда не было, и пацаны тренировались, делая удары в воздух и иногда – друг с другом.

Стоя перед строем воспитанников, полковник Родионов демонстрировал удар – и ребята повторяли. Десять раз, двадцать, сто... И так же – на следующей тренировке. Передвигаясь между ними, стоящими в шахматном порядке, он исправлял, наставлял, показывал... И это занятие, и следующее, и потом... До тех пор, пока не начинало хоть что-то получаться.

Когда ударов в багаже набралось достаточно, начались первые, неуверенные пока еще, спарринги. Вариантов было много: только руками, без ног; одной рукой – правой без участия левой, или левой – без участия правой; одними ногами, без рук; либо вовсе без ударов, когда один только атаковал, а другой – только защищался. Все эти многочисленные вариации были призваны помочь только одной цели – отработать до автоматизма удар, поставить его, загнать в подкорку, довести до уровня рефлекса. Воспитанник не должен был думать, как ему сжать кулак и в каком положении при этом должен быть большой палец, не должен был соображать, как и под каким углом пойдет нога, выбрасываемая в лоу-кике. Он должен был просто бить – бить тогда, когда возникнет необходимость. Бить сильно, быстро, умело.

И маленький Данька старался. Он сжимал свои кулачки, лупил воздух, воображая, как дерется с мальчишкой, на голову выше его, и побеждает, как стоит против двух а то и трех противников... Не все получалось с первого раза, а что-то не получалось со второго или даже с третьего. Но всегда неизменно рядом был Родионов – и вновь разъяснял, поучал, подсказывал...

Но вот однажды, проведя в зале уже года четыре, а то и больше, Данил стоял в спарринге – и вдруг осознал, что его тело работает само по себе, без участия сознания, без контроля с его стороны. Оно просто реагировало на соперника, на его удары, финты и уловки – и мозг при этом не обдумывал каждый очередной удар, связку, блок или уход. Оно лишь отвечало – но отвечало четко, своевременно, самым оптимальным образом, чувствуя мельтешащего напротив противника, предвидя его намерения, понимая его движения и опережая их. То, что он как боец незаметно и исподволь копил в себе, тот багаж навыков, наработок, рефлексов, вдруг сложилось в единое умение, называемое рукопашным боем. Слаженное, отточенное до автоматизма, восхитительное.

Так случилось с ним и теперь. Он много и упорно работал, стремясь вновь почувствовать свою ногу, почувствовать ее так, будто она стала живой, настоящей, из мяса, жил и крови, почувствовать баланс, равновесие тела. И вот однажды, в один из дней, когда до третьего и последнего окна осталось всего ничего, Данил, вновь, в который уже раз начав тренировку, вдруг разом ощутил ту восхитительную легкость, которую ощущает боец, полностью уверенный в своем организме. Словно резкой невидимой чертой был подведен итог долгих упорных тренировок – и сейчас он пожинал плоды множества и множества дней тяжелого труд. Бесчувственная деревяшка перестала быть таковой. Он слился с ней, ощутил ее не как искусственный придаток, а как продолжение своего собственного тела. Теперь он был готов. Полностью готов к враждебному миру за стенами детского сада и долгому пути длиной в десять лет, что ожидал его впереди.

* * *

– ...Ну что ж, Николай Павлович... Мы вас берем. Для начала – рядовым. А там поглядим как работать будете.

– Так я ж... Вот спасибо, товарищ майор! Не знаю, как и благодарить!..

– Работа на благо группировки – вот такая благодарность от вас теперь требуется.

– Я не подведу, не сомневайтесь! Пристать уже к кому-нибудь, чтоб свой дом был! К сильной, серьезной организации! Четыре года неприкаянный по земле шатаюсь! Год в одной общине жил – не сложилось с местными. Ушел. Потом к другим прибился... опять не в кассу. Последний год здесь живу, загибаюсь! Думал и сдохну тут же, в этой сраной селухе! Чуть не вою уже с тоски! Отвечаю! И вдруг вы...

– Все верно. Перспектив здесь никаких...

– И чо, куда меня?

– Для начала – проверка. Понятно, что баз данных сейчас не осталось, но у нас свои каналы. Поглядим, не замешаны ли в чем, не диверсант ли... Мы к набору относимся очень внимательно, проверяем каждого. Пока идет проверка – вы на испытательном сроке. Пройдете – добро пожаловать в постоянный состав. Ну а нет...

– Ну. А если нет?..

– Там уже зависит от вариантов. Если против Братства когда-то работали – тогда придется вас расстрелять. Если же нет – отпустим с миром.

– Ни в чем таком не замешан. Не ссученый я. И не сявка. Бля буду, товарищ майор.

– Тогда и опасаться вам нечего. Сначала в Первой Ударной послужите, у меня. А там посмотрим.

– А рост? Вверх-то расти получится? Или, бля, в вечных боевиках зависну?

– Будете хорошо работать – будет и рост. У нас с этим просто. Либо ты лезешь вверх, к вершинам – либо падаешь вниз. Третьего не дано. Развивайся. Работай! Если человек Братству не щадя себя служит – по службе быстро продвигается. А если нет... Под лежащий камень вода не течет.

– Под лежащий не течет, товарищ капитан, эт внатуре...

– Сколько вам? Тридцать пять? Многовато, конечно, но никогда не поздно начать. Покажете себя – переведем выше. Пойдете в рост... А там, глядишь, и в штабе место найдется.

– Ништячок...

– И вот еще что. Вы эти свои ментовско-уголовные замашки бросайте. «Ссученый», «сявка», «внатуре», «ништячок»... Отвыкайте. У нас организация военная. Ну хорошо... полувойенная. Старый добрый мат – это понятно. Это обычное армейское общение. Как говорится, мы матом не ругаемся, мы матом разговариваем... Но воровской жаргон – это уже не наше.

– Так ведь с кем поведешься, как говорится. С кем работал от тех и набрался. Да и потом жизнь не баловала...

– И тем не менее...

– Понял вас, товарищ майор.

– Вот и отлично. Еще такой момент... надо бы вам подлечиться. Я понимаю – долго из радиационной местности выходили... потом болели... Мда, лицо у вас, конечно...

– Да я бодряком, товарищ майор! Морду-то, конечно, уже не поправишь, но все остальное в полном ажуре!

– Поглядим. После успешного прохождения испытательного срока направим вас в Центр. Медкомиссия, лечение, все как положено. Ну что... поздравляю вас, рядовой Паутиков, с вступлением в ряды группировки Береговое Братство.

– Спасибо, товарищ майор. Не подведу, бля буду!.. Ой, виноват... как это... Служу Береговому Братству!

Глава 3. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Родной город встретил его неприветливо – хмурым небом, холодным осенним ветром и мелким косым дождем. Словно напоминая, что он был чужаком здесь, человеком вне своего времени, вне своего пространства. Однако отныне это время и это пространство должны были стать его домом.

Едва выбравшись, Данил столкнулся с семейством вырожденцев, тащивших по улице мимо детского сада тушу здоровенной собаки. Всего десять лет прошло с Начала, а иная жизнь уже вовсю хозяйничала на улицах города. Правда, вырожденцы были мелковаты, не чета тем отборным агрессивным тварям, с которыми он привык иметь дело – видимо, это было первое или второе поколение, выросшее после Начала, неустойчивая еще мутация, не закрепившиеся признаки вида... Молодняк, кучей тащивший тушу, практически не обратил внимания на огромную фигуру, черным пятном выделяющуюся на фоне детсадовской стены, и только глава семейства, патриарх, притормозив на мгновение, скаля зубы, угрожающе заворчал, вглядываясь в человека сквозь прутья ограды.

Окно было именно таким, каким его и обозначил Зоолог. Данил ждал его уже неделю, полностью собравшись и сидя практически «на чемоданах». Весь извелся, изнервничался, как и в прошлый раз, переживая, что окна не будет и он останется здесь на веки вечные... Однако – нет. Оно появилось, и было в нем то, о чем и предупреждал диктофон: осень, пасмурное серое небо, дождь – и торчащий столбом прямо посреди элеваторной площади миксер. Миксер был мелковат и не имел еще лобастой башки, но Добрынин понял, что это тот самый, которого завалит позже Шрек. Эта тварь еще вырастет и вырастет до огромных размеров.

Радиационный фон здесь был жуткий, он никогда и не видывал таких цифр. Прибор орал благим матом, стрекоча, как бешеный, показывая что-то около тысячи – и Добрынин мог только благодарить судьбу, а может, Профессора, которые дали ему боевой скафандр, своей многослойной демроновой структурой нечувствительный даже к такой радиации. Это его свойство было жизненно необходимо здесь, в двадцать третьем, когда радиационный фон еще не пошел на убыль и был губителен для всего живого не приспособившегося к новым жизненным условиям.

Такие показатели были буквально повсюду, в этом он убедился, побродив по окрестностям вокзала, по площади и по самому зданию. Попадались локалки и по тысяче, и по полторы тысячи рентген, а в зданиях, где ветер гулял свободно и забивал радиационную пыль в любую щель, в любую выемку, было и того больше. Но сколько помнил Добрынин, буквально через четыре-пять лет, когда Убежищу понадобятся ветряки и люди будут вынуждены выбраться на поверхность, радиация упадет, позволив человеку вновь, в который уже раз, добыть средства к выживанию своего вида – электроэнергию. А до тех пор люди были вынуждены сидеть глубоко под землей, даже и не подозревая о том, что над ними, практически по головам, бродит в одиночестве один из них. Человек, рожденный в Убежище.

Он еще долго сидел на ступенях вокзала, и картины прошлого мелькали у него перед глазами. Вот здесь, на этой башенке, была – будет! – его любимая засидка... Вот там, у автовокзала, вырастет гигантский выюн, сейчас еще только свешивающийся с крыши тонкими робкими лианами... А там, за детским садом и зданием столовой, виднеется дедов дом, место обретения первого оружия и ножа, который сейчас пока еще лежит там и – мозгодробительный парадокс! – висит у него на предплечье. В ближайшие несколько лет здесь станет достаточнолюдно, будут оборудованы посты, ветряки, начнут – пусть и редко – захаживать торговые караваны... А пока город был радиационной пустыней.

Сидя на ступеньках, он размышлял. Зоолог строжайше, категорически запрещал даже и думать о том, чтоб попытаться исправить все одним единственным ударом – спуститься

в Убежище и предстать перед его обитателями. И Добрынин, долго думая над этим еще в аномалии, понял, что он прав.

Во-первых – как он придет? Начнет долбить в гермодверь и требовать, чтоб его впустили?.. После стольких лет затворничества, привыкшие к безжизненной пустыне наверху – откроют ли ему? Кто-то снаружи стучится в дверь, при том, что народ Убежища уже знает, что творится на поверхности... Да закроются еще крепче! Тот же полковник категорически запретит открывать, а то и самолично кинет парочку гранат в приоткрытую створку двери. И эта выходка – как она отразится на Убежище? Какую цепь совпадений и обстоятельств запустит?..

Во-вторых – кем он придет? Здрасьте, я из будущего?.. Чистой воды бред. Ему не поверит *никто!* В лучшем случае сочтут полоумным, в худшем – шпионом и провокатором.

В-третьих – как отреагирует Данька? Это после всего того, что ему еще предстоит испытать на поверхности, он станет опытным, бывалым. А пока он простой пацан, не ведающий, с чем ему придется столкнуться. И увидев его – себя же, такого большого, сильного, *состоявшегося* stalkера! – как он отреагирует? Как повернется его будущее, если он узнает, *что* ему предстоит?.. Какую цепь случайностей запустит Добрынин своим появлением, и как это отразится потом? Как изменится будущее?.. Прикинуть – так чуть ли не целое ответвление в сторону получается!..

И по совокупности данных соображений выходило, что для Убежища до поры до времени все должно идти своим чередом.

В выборе пути он колебался. Либо идти в Пензу – либо наведаться сначала в Казахстан. Но дорогу выбирать нужно было здесь и сейчас. Казахстан – это из Сердобска сразу же на юг уходить, через Ртищево. Ну а Пенза на восток. Что важнее? Пожалуй, Пенза... Сначала нужно было обеспечить Даньке-младшему поддержку. Значит, начинать надо именно оттуда: либо с поселка энергетиков, либо с артиллерийского училища на горе. И та и та община представляли – о мать вашу!.. будут представлять! – через десять лет серьезную силу. Две самые авторитетные группировки в городе. Не к Сиплону же, в самом деле, лезть. А значит – заявиться либо к Мамонову, либо к генералу, и предложить свои услуги. И судя по тому, что помнил Данил из своей прошлой жизни, идти нужно было к Владимиру Николаевичу.

За город он выбрался ближе к обеду. Пока шел по улицам – был буквально раздавлен валившимися из кладовых памяти воспоминаниями. Он не был в своем городе почти два года, хотя и присутствовал здесь, сидя в детском саду, словно прячась за ширмой времени, такой эфемерной, но такой непреодолимой... Вроде и тут – но бесконечно далеко, без возможности вырваться, выйти наружу. И вот теперь каждая улица, каждый дом вызвали бурю эмоций и вал воспоминаний. Да таких, что любой мало-мальски серьезный мутант, задумай он атаковать неожиданно, мог бы легко и непринужденно получить на ужин сочного и вкусного человека. Однако – повезло: улицы были пусты, хотя время чудовищ уже наступило.

За городом разбушевавшиеся сантименты поутихли. Данил, выбравшись на тракт, оглянулся в последний раз на мост через железную дорогу, на зону и на виднеющийся вдали горб Сазань-горы, повернулся спиной к городу и зашагал мерным походным шагом, поглядывая то под ноги, то по сторонам, то на небо, продолжающее хмуриться мелким осенним дождиком.

Идти ему предстояло долго.

Различий между местностью нынешней и местностью десять лет спустя практически не наблюдалось. Может, чуть целее была дорога, чуть меньше на ней валялось различного сора и чуть меньше было поваленных, преграждающих путь деревьев. И посадки по обочине еще не столь заросли молодняком и кустарником, как двадцать лет спустя после Начала.

Пока шагал – всякие лезли мысли. И прежде всего самая главная: как и в качестве кого заявиться к Мамонову? Сразу заинтриговать? Или день за днем делом доказывать свою полезность и вскоре стать настолько авторитетным членом сообщества энергетиков, что по его слову на территории поселка будут принимать неизвестных чужаков?.. Заинтриговать, конечно,

было б заманчиво. Прийти вот так с порога – и сразу в лоб: «Здорова, Николаич! А я знаю, что ты будешь делать будущим летом!» Вот потеха-то начнется... Добрынин усмехнулся. Потеха потехой... но после такого заявления если его куда и возьмут, то только в подстанционные шуты. Дежурную смену веселить. Такими заявлениями уж точно авторитета не сыщешь. Значит – и это вполне понятно и естественно – остается второй путь: посильная помощь и постепенное завоевание авторитета. День за днем и год за годом. Да вот только беда в том, что Добрынин не представлял даже, чем и как он может помочь Мамонову. Помнится, было что-то такое про несколько бэтэров, два из которых он должен будет забрать себе... Два БТР – прибыток неслабый. Только вот где ж достать? Неясно. А еще, помнится, Владимир Николаевич говорил про Ботаника и сыворотку правды. И вот уж где достать этого самого Ботаника задача похитрее броневику. А ведь Ботаник – это архиважно! Не найдет он Ботаника – тогда Данька-мелкий не получит сыворотку правды, с помощью которой должен разговорить Хасана! А не разговорит – там уж и вообще нихрена хорошего не получится... И ведь еще предстояло как-то помочь генералу – и вроде бы эта помощь должна была каким-то краем касаться Сиплого с бандосами и их военных действий против артучилища... Кроме того – найти Ивашурова... И еще сигналка на рассвете!.. И-эх бля, не жизнь теперь пойдет, а сплошная голололомка!

Шагая по дороге и уйдя глубоко-глубоко в раздумья, Добрынин сразу и не обратил внимания на обозначившийся вдаль и постепенно набирающий силу звук. И только когда он стал совсем уже явственен, опомнился. Оглянулся... мать честная! Со стороны города по тракту, не обращая внимания на ямы и колдобины, на приличной скорости шел здоровенный бронированный монстр. Темно-зеленый окрас, весь в заклепках, по бортам по три огромных колеса, вращающихся с бешеной скоростью. Лобовое стекло блестит на солнце, аж глазам больно! Впереди – треугольный отвал, словно нос ледокола, принимающий на себя все препятствия на пути и сметающий их далеко-далеко в сторону. Добрынин как шел – так и брызнул влево, уходя с дороги в густую траву обочины. Такой пройдет сверху, раскатает и пойдет себе дальше. И никакой комбез не поможет.

Сменить позицию он уже не успел: машина шла быстро и времени совсем не оставалось. Успел только рюкзак скинуть и укрыться за ним – какое-никакое, а препятствие. Если саданут чем-то вроде двенадцатого, вкуче с уником, может, и задержит пулю. Ну а четырнадцатым – там без вариантов... Собственно, деваться то ему было и некуда. Оставалось затихнуть, затаиться в траве, как огромная черная мышка, и ждать дальнейшего развития событий, уповая на то, что его не заметили.

Однако – нет. Рев двигателя оборвался метров за пятьдесят, дальше были слышны только колеса по гравию и стук дизеля на холостых оборотах; несколько мощных выдохов, будто отдувался огромный серый кит – это отработал пневмотормоз, – и по звуку Добрынин понял, что монстр замер примерно напротив него. Сжимая в руках винторез и выставив ствол в сторону дороги, Добрынин, напрягшись, ждал продолжения.

– Эй! За бортом! А вот и не спрятался! Вылезай! Уши видно! – Данил от неожиданности аж подпрыгнул – голос, усиленный репродуктором, разнесся, казалось, по всей округе. И что было самое поразительное – голос этот был женским.

Однако уже само построение фразы обнадеживало. Если сразу не пошла стрельба – поговорим еще. Добрынин медленно поднялся, ощущая себя чуть ли не голым перед этой бронированной громадиной.

А громадина и впрямь впечатляла. Габариты машины, скорее всего, были не больше, чем у любого другого грузового тягача, но вот эта общая массивность, эта броня с заклепками, эти шесть огромных колес с агрессивным протектором, узенькие бойницы-окошки, забранные бронестеклом, поднятые для большей геометрической проходимости бампера, грейдерный отвал

впереди – все это в совокупности сразу же производило впечатление недюжинной мощи. Это была настоящая боевая машина, причем – заводского изготовления, собранная еще до Начала. Но Добрынин, хоть частенько и спал в детстве вместе с толстенной «Энциклопедией», видел такую впервые. И как-то не вязался со всем ее обликом большой красный крест на боку, какой рисовали до Начала на автомобилях «скорой помощи».

Примерно с минуту царило молчание. За темным водительским окошком смутным пятном маячила голова, но черты лица он рассмотреть не мог. Безуспешно попытавшись различить детали, Добрынин вскоре бросил это занятие и теперь разглядывал лишь сам броневики. Он разглядывал машину – а из машины разглядывали его. Вероятно, он своим внешним видом тоже озадачил седоков, и там не могли решить, что же делать с этим внезапно появившемся на пустом тракте персонажем.

– Ты кто такой? – наконец неуверенно послышалось из громкоговорителя. – Человек вообще? Что-то по виду на хомо сапиенса не тянешь...

– Внешность обманчива, – ответил Добрынин, продолжая разглядывать шестиколесного монстра и пытаясь вычислить, где же внутри него могут стоять устройства, плюющиеся свинцом. – А на кого тяну, по-твоему?

– Ну не знаю... – даже мегафон не смог скрыть растерянности в ее голосе. – Какой-то... хомо супериор... Супермен, если с латинского на русский.

– Супермены вместе с Америкой все перевелись, – сказал Данил. – А человек-Паук скоро сдохнет в адских мучениях, это я тебе гарантирую. Видишь: две ноги, две руки, голова. Все на месте.

– У обезьяны тоже все на месте... А чего такое огромное? Мутант?

– Это не мое. Одолжил погонять.

– А чьих будешь? И как тут оказался? Семьсот рентген за бортом, здесь в окрестностях вообще никого не живет!

Добрынин усмехнулся:

– Если ты никого не видишь, это не значит, что здесь никого нет. Сама-то кто? Скорая помощь?... И долго еще так будем стоять? Либо внутрь пускай – либо езжай себе дальше.

Честно говоря, он не знал, что ему делать. Пребывал в полной растерянности. Женщина за баранкой боевой машины? С таким он сталкивался впервые. Хотя... транспорт здоровенный, вполне возможно, что она там и не одна, а с компанией. Ехали, остановились полюбопытствовать, поговорили и дальше помчали. А хорошо бы внутрь попасть, до Пензы с ветерком прокатиться – но несколько не удивительно, если туда его никто не пустит. Времена-то нынче...

Так, похоже, думал и водитель. Однако, кажется, по какой-то причине Добрынин смог заинтересовать обитателей этой крепости на колесах, и теперь там гадали, пустить ли незнакомца, или пусть себе и дальше по дороге тащится.

Видимо, все же была причина, по которой победил именно второй вариант.

– Я сейчас пандус открою. В кабину через дверь ты все равно не пролезешь, да это и не надо, фонит от тебя... Пандус сзади, с торца. Залезешь в модуль – там сразу первый отсек душевая. Он хоть и небольшой, но уместись как-нибудь. Снимай комбез, ополосни его, сам ополоснись – и после уж через вторую дверь входи. Воды много не трать, еще неизвестно, когда в следующий раз накачать получится! И смотри, пожалуйста, чтоб дозиметр не орал. Чистым входи, мне лишней дряни на борту не надо.

Добрынин послушался – и, надо сказать, послушался с радостью. До Пензы тащиться – это у него дней пять уйдет. А на этой боевой колеснице еще до вечера там будет. Да и заинтересовал его сей агрегат до невозможности. Он – а еще больше та, кто им управляет. Это же недюжинной смелости девчонке нужно быть, чтоб по радиационным просторам, пусть даже и на таком броневики, мотаться.

Пока ходил за рюкзаком, пандус сзади уже начал опускаться. Данил ступил на его ребристую внутреннюю поверхность, намереваясь подняться внутрь – однако был остановлен хозяйкой.

– Подожди. Сбоку метелочка, видишь? Обмети себя, чтоб воды меньше тратить. И после уже заходи.

– У тебя тут что, камеры что ли? – проворчал Добрынин, отыскивая глазами метелочку.

– У меня тут – да, камеры. По всему периметру.

– И в душе наверно есть? – усмехнулся он.

– И в душе. Вдруг ты ствол за пазухой прячешь...

Данил философски пожал плечами. Надо так надо. Мужик он здоровый, стесняться ему нечего – сплошной мускул кругом, ни пузика, ни жирилки. Все в полном порядке. Причем – гы-гы – везде. А нога... Ну что – нога... Нога – это свидетельство железной воли и бойцового духа. Шрамы, опять же, украшают мужчину.

Пока мылся в душе да ополаскивал комбез с рюкзаком – все крутил головой, пытаюсь отыскать камеру, однако таковой не обнаружил. То ли пошутила, то ли просто скрытая установка... После того как стационарный дозиметр на стене показал приемлемый фон, Добрынин открыл внутреннюю дверь и оказался во втором тамбуре. Сгрузил тут свои вещи – сложил и оружие, и снарягу, не желая пугать гостеприимную хозяйку, – переделся в комок и, оставив при себе только один нож, открыл третью дверь, в жилое пространство модуля.

Признаться, он вполне ожидал кого-то вроде пары-тройки крепких ребят со стволами и был готов при малейшей опасности взорваться серией ударов для ограниченного пространства – но все оказалось совсем не так. Внутри, прямо посреди модуля, стояла девчонка лет двадцати пяти – и хоть и немного напряженно, но с интересом смотрела на него.

Она была красивая, это Добрынин отметил сразу же. Небольшого росточка, ему едва до шеи макушкой. Аккуратная, складная, подтянутая. Стрижка под японку – короткие, до середины шеи, черные волосы и две длинные пряди, спускающиеся по вискам. Лицо тоже какого-то восточного типа: чуть суженные глаза, немного заостренный книзу овал, узкий подбородок... Данил сглотнул. Почти два года он не видел женщину, а эта стояла в майке, которую натягивала интересных размеров грудь, и обтягивающих тренировочных легинсах, подчеркивающих плавные изгибы бедер и голени, и улыбалась...

Нож за спиной в такой ситуации был ну совершенно неуместен. Тоже мне мужик – здоровее девчонки раза в четыре, а в гости с тесаком пришел... Чувствуя, как начинает краснеть от неловкости, Добрынин повел рукой в сторону, намереваясь положить клинок на столик справа... и краем глаза едва успел уловить короткое смазанное движение. Направление удара не понял, но тело сработало само – скрутилось вправо, подставляя под удар левый бок, уводя голову под защиту плеча и бросая навстречу правую руку... Если б не это – удар пришелся бы аккурат в «солнышко». Теперь же угодило куда-то в широчайшую, в мышцу, и вреда не принесло. А следующую атаку Добрынин уже видел и реагировал соответственно – мягко сблокировал правый прямой, нырнул под левый боковой, подставил бедро под лопу по колену, заставляя удар пройти не в сустав, а выше, и погаснуть в набитом, жестком мясе квадрицепса. И, скользнув вперед, толкнул девчонку рукой в лоб. Да так, что она, отлетев к левому борту модуля и упав на мягкий диванчик, так и осталась сидеть, глядя на него круглыми от страха глазами.

Похоже, имело место некое недоразумение. Добрынин вряд ли мог поверить, что одинокая девушка заманила его сюда, чтобы обезвредить, набить морду и заграбастать добро. Скорее наоборот. Это она сейчас сидит, смотрит снизу вверх на здорового лысого мужика, и в голове полный сумбур, страх и ожидание... Наверняка видела, как он неторопливо моется и разоблачается, а не бежит сразу в кабину с автоматом наперевес – вот и расслабилась. Значит, не бандит с большой дороги, простой путник. А он как вошел – сразу давай тесак из-за

пояса тянуть, грабить беззащитную девушку! Впрочем... не такую уж и беззащитную, руками-ногами махать умеет.

Следовало немедленно же разрешить это недоразумение.

Добрынин осторожно положил клинок на край столика, демонстративно отпихнул его от себя и развел руки в стороны:

– Не хотел. Ей-богу, не хотел напугать, прошу меня извинить. Нож – это так, по привычке. Если скажешь – немедленно соберусь и уйду.

И сразу понял, в каком страшном напряжении находится девчонка: она дернулась, обмякла, и лицо, застывшее в маске ужаса, расслабилось, покрываясь пятнами яркого румянца.

– Тебе никто не говорил, что в гости с железками не ходят? – потирая правую ногу, через силу усмехнулась она. – Напугал, бугай! Ну и реакция у тебя... И нога как каменная!

Добрынин усмехнулся, стараясь продемонстрировать самую найдоброжелательнейшую улыбку.

– Особенности организма...

– Ага. Я же говорила – мутант, – она решительно потрянула головой. – Ладно. Раз все у нас нормально разрешилось – давай в кабину. Торопиться я не то чтоб особо тороплюсь, но и посреди дороги торчать незачем. Поехали.

Модуль жилого отсека соединялся с кабиной через небольшую герметично закрывающуюся дверцу. Хозяйка прошла без особого труда, лишь нагнув голову, а вот Добрынину с его габаритами пришлось не только согнуться, но еще и повернуться боком, чтоб вписаться в узкий проход плечами. За стенкой модуля был отсек с двигателем, причем полностью открытым, видимо, для максимального доступа ко всем его узлам. И далее – снова такая же герметичная дверца в кабину.

– У тебя тут как в подводной лодке, – усмехнулся Добрынин, просовывая через вторую дверь свой объемный торс.

– Двигатель и трансмиссия должны быть изолированы от жилого отсека, – ответила девушка, усаживаясь за руль. – Там и жара, и запахи, и шум стоит. Но и возможность ремонта в полевых условиях тоже нужно было предусмотреть. Поэтому конструкторы всякие варианты продумывали, в том числе и такой.

Добрынин влез в кабину, закрутил штурвал, герметизируя дверцу, уселся на второе кресло и принялся с интересом осматриваться. Всяких кнопок, приборов, экранов и экранчиков тут было, пожалуй, даже побольше, чем в подводной лодке. Кресла – удобные, явно предназначенные для дальних поездок. Обзорность – отличная, несмотря на довольно узкие оконца. Может, потому что посадка высоченная, а слепую зону под носом убирало зеркало на козырьке перед лобовым стеклом? Высоко сажу, далеко гляжу...

Девушка, уютившись на водительском кресле, щелкнула каким-то тумблером на панели, и двигатель, приглушенно зарывав, ожил.

– Ну что? Знакомиться будем? – обернувшись, спросила она. – Я – Юка. Вообще-то – Юля, но отец меня всегда Юкой звал. В память о матери, она у меня кореянка.

– Сергей, – представился Добрынин. – Ничего такой у тебя такой грузовичок. Серьезный.

– Мой «Тайфунчик», – улынулась Юка, плавно трогая с места машину. – Ни разу еще не подводил, хотя пашет уже лет семь и пятьдесят тысяч по нынешним дорогам прошел.

Первое, на что сразу же обратил внимание Данил, это отсутствие наружных шумов в кабине. За стенкой отсека работал, ревя турбиной, мощный дизельный двигатель – а здесь, в кабине, стояла практически полная тишина, словно они и впрямь были в отсеке подводной лодки. Только легкий гул из-за стенки – и все.

– Это же военная машина, верно? Транспортник? – спросил Добрынин. – Наверняка перед самым Началом на производство поставлен, потому что я таких нигде раньше не встречал и даже о существовании этих машин не слышал.

Юка кивнула.

– Военный, да. Но до производства не добрались, хотя и планировалось. Война помешала. Разрабатываться они начали с десятого года. К тринадцатому уже было собрано и испытывалось около десяти модификаций. Они разные были: и с более серьезной броней, и с другими модулями, и на четырех колесах... Мой вот – именно такой. КАМАЗ-63968 «Тайфун-К». Шестиколесная формула, три ведущих моста, транспортный модуль для десанта, мощность двигателя четыреста пятьдесят лошадей, автоматическая трансмиссия, запас хода по топливу – полторы тысячи километров. И с собой у меня всегда еще столько же, в дополнительных навесных баках. Так что уехать можно черт те знает куда. А еще – кондиционер, фильтр-вентиляционная установка и мощнейшая защита от радиации.

– И никакого вооружения? – удивился Данил.

– Меня красный крест защищает, – улыбнулась девушка, крутя рулем и объезжая здоровенный булыжник посреди дороги. – Да, вооружения на нем почти нет, только ПКТМ на крыше. Управление, кстати, с твоего места – выдвижная консоль под торпедой. Но мне и не нужно. Я человек мирный.

Честно сказать, Добрынину было до жути интересно, зачем и почему девушка в одиночку раскатывает по просторам страны на огромном бронированном монстре. Чем живет, чем занимается, как добывает средства к существованию? Красный крест – почему и зачем? Скорая помощь? И как смогла она решиться, будучи одна в своей машине, подобрать на дороге незнакомого человека?! То ли отважная такая, то ли беззаботная, а то ли просто не все до конца соображает... А если он грабитель?!.. Этот вопрос он и задал прежде всего.

– Вообще, конечно, ты прав, – кивнула Юка. – Я не маленькая, понимаю, что к чему. У нас сколько раз было, на дороге тормознуть пытались. Но в таких случаях ведь все сразу понятно... Помню, первый раз начали по колесам стрелять – но не тут-то было, они пулестойкие, не так просто даже из калаша пробить. Еще как-то разбойнички своего товарища на дорогу выложили, вроде как он весь такой больной и умирающий. Мы остановились, но выйти не успели. А они решили, что этого достаточно. Начали по кабине стрелять, по стеклам. Ага... – она залиvistо рассмеялась. – Стекло выстрел четырнадцатого калибра держит. Недолго, конечно, две-три пули всего, но выдержит. А тут всего то и делов, какой-то пять-сорок пять... Ну, я по газам – и деру. Этот, болящий, еле успел на обочину прыгнуть. А тут что... Я видела, как ты по дороге шел, а потом – раз – и в кювет прыгнул. Сразу понятно, прячешься. Если прячешься – сам боишься. Какой же тогда ты грабитель?

– И это все твои соображения? – усмехнулся Добрынин, понимая, тем не менее, что в логике ей не откажешь.

– Нет, не все. Еще есть. Во-первых, вдвоем веселее. У таких как ты, у путешественников, всегда в запасе интересные истории найдутся. А долгая дорога под интересную историю всегда короче. И если идет путник, один, сам по себе – почему бы не подвезти? Мы с отцом всегда таких подбирали.

– Но то – с отцом, – заметил Добрынин. – А сейчас ты одна. Вон каким ястребом кинулась, когда я нож из-за спины показал...

– Не знаю... Может, по привычке, – пожалала она плечами. – К тому же я видела, что ты сразу в модуль не полез. Сначала мыться начал, снарягу мыть... То есть – все как я сказала, согласно законов гостеприимства. И пока ты мылся, я внутреннюю дверь и открыла. Иначе ты даже в тамбур бы не попал.

– Логично, – признал Добрынин, не так давно пришедший к такому же умозаключению. – Это во-первых. А во-вторых?..

– А во-вторых, помощь мне нужна, – кивнула девушка. – А ты в своем комбезе так внушительно выглядел – сразу понятно, бывалый. Да и оружия на тебе как игрушек на новогодней елке.

Вот это другой разговор. Данил сразу почувствовал какое-то внутреннее облегчение, будто сложную проблему решил. Может, очерствел душой, может, и всегда был более склонен к прагматизму – но такой вот деловой разговор его устраивал гораздо более, чем непонятные по своей логике поступки. А тут все ясно: помощь потребовалась, вот и подобрала.

– Что нужно? – сразу взял он быка за рога и не удержался от шутки: – Если убить кого – так это мы запросто, ты только скажи. Два года никого не убивал, соскучился по работе.

Юка кинула на него быстрый тревожный взгляд, но Добрынин, предвидя ее реакцию, заржал, довольный собой:

– Да шучу, шучу. А то подумаешь – вот подобрала маньяка на свою голову... Я нормальный, тихий, спокойный, если меня не трогают. Так чем помочь? Какова оплата за проезд?

– Работа не думаю, чтобы сложная или опасная. Просто придется определенное время затратить, – ответила девушка. – В поселке Полевой за Пензой до Войны была птицефабрика «Васильевская». Специализировались на выращивании цыплят-бройлеров. Если не знаешь, бройлер – это скороспелый гибрид домашних животных, полученный путем межпородного скрещивания. То есть выводят генетически модифицированного детеныша и начинают откармливать на убой. Растет он мгновенно, за пару месяцев из маленького комочка может отойти в тушку до трех килограммов. Птицефабрика, как это понятно из названия, специализировалась на выращивании цыплят. После Войны, естественно, все в запустение пришло, персонал разбежался, фабрика встала. Но вот живность там, как оказалось, осталась. И выжила. И продолжала жрать. И расти. И – радиация. И спустя какое-то время выросли такие твари...

Добрынин кивнул.

– Понял. Мы их куропатами называем. Огромная туша, тонны три-четыре, а то и до пяти доходит. Шкура, хрящ, слой жира – пулей хрен возьмешь. А бегают так, что за твоим броневиком угонится. Ты их имеешь в виду?

– Именно. Откуда знаешь?

– Я сам из Сердобска. У нас они всю орудуют.

– Уже в Сердобске?! – вытаращив глаза, Юка обернулась к нему. – И много?! Нам-то говорили, что они еще и за территорию не выбрались... Вот это да... Вот это скорость распространения у них!..

И тут Добрынин вдруг понял, что сотворил глупость. Он не знал, как обстоят дела в этом времени. Это через десять лет куропаты уже будут всю орудовать в Сердобске. Видели они такого птенчика и раньше, во время первого долгого рейда, но как обстоят дела сейчас, на десять лет раньше, он не знал и знать не мог. Вполне возможно, курозавры еще только начали разбегаться по округе. А тут он, такой, заявляет, что очень даже с их повадками знаком, и в Сердобске их пруд пруди. Мда... надо бы поосторожнее с подобными заявлениями.

– Ну то есть как... – принялся на ходу изворачиваться он. – Про «орудуют» это я, конечно, приукрасил... но одного такого мы буквально на днях видели неподалеку от города. Попытались отстрелить – куда там. Пух летит, а толку нет. Его только крупным калибром и валить.

Девушка с задумчивым видом кивнула:

– Тогда понятно... Тогда еще куда ни шло. А то так сказал, можно подумать, они у вас кишмя кишат...

– Ладно. Оговорился, – отмахнулся Добрынин, пытаясь быстрее замять свою ошибку. – Так в чем дело-то? Что нужно?

Юка помолчала немного, решая, видимо, как бы помягче преподнести, чтоб спутник сразу наотрез не отказался, и ответила:

– Мне нужна туша. Не вся, но много. Нужно отобрать пробы. Шкура, подкожный слой, оперение, мышцы, жир, мозговые клетки, ткани сердца, желудка и костного мозга. Времени на отбор обычно требуется много, часа полтора или около того. И все это должно проходить

в спокойной обстановке. Так что... – она пожала плечами, – нужно будет подстрелить такого вот... эм... куропата, затем подцепить тушу и отволочь на безопасное расстояние. И там, пока я буду работать, тебе придется меня охранять. Ну а уж после этого я тебя доставлю куда скажешь. Так что? Поможешь? Мне очень надо!.. – и она, повернув голову, жалобно посмотрела ему в глаза.

– А трос-то есть?

– Конечно! Сто метров троса толстенного, с крюком! Сзади под модулем, в специальном ящике.

Данил задумался. И не над тем, поможет ли он – это было и без того понятно, красивые девушки имеют определенную власть над сильной половиной человечества – а над тем, как все это проверить. Собственно, задача была не очень сложная. Подойти на расстояние выстрела, свалить курёнка, отойти, подождать, пока спадет ажиотаж у остальных, и, снова пододвинувшись к туше, отмахнуть порядочный кусок. Ничего такого, чего бы он раньше не делал. Вот только одна проблема – ПКТ, которым вооружен броневик, для такой задачи не подойдет. Тут рисуется два варианта: либо крупным калибром тушку нашпиговать – либо попытаться винторезом точно в глаз. И раз КПВ, а тем паче 2А72 у них в наличии нет, то вариант остается один. Вот интересно, нахрена ей куропат?!

– А чем ты вообще занимаешься, если тебя куропаты интересуют? – осведомился он. – Времени у меня вагон, помогу тебе с удовольствием. Но... может быть приоткроешь уже карты для ясности понимания? Если, конечно, информация не секретная.

– Секретов тут нет, – Юка помотала головой. – Но рассказывать долго придется...

– Так дороги-то еще километров семьдесят, а то и больше, – усмехнулся Добрынин. – И это только до Пензы, а ее еще объезжать, потом по тракту М-5 до поселка... Даже не семьдесят, а больше сотни! До вечера еще пилить. Время есть.

Она рассмеялась.

– Обычно истории рассказывают те, кого подвозят. Но... ладно. Сначала я, потом ты. Договорились?

Добрынин кивнул и услышал от нее вот что.

Почти всю свою сознательную жизнь девушка прожила в Балашове, на западе Саратовской области. Отец ее, военный медик, привез все свое многочисленное семейство – ее, сестру, брата и мать – из Тюмени, когда девочке было всего четыре месяца. И тут, в Балашове, семейство и осело на постоянное место жительства. Отец после увольнения в запас устроился хирургом в районной больнице, сестра, брат и сама Юка учились, а мать, так и не найдя достойной работы, вела домашнее хозяйство.

Когда началась Война, Балашов был постепенно хиреющим, умирающим городом. Градообразующие предприятия почти вымерли, оборонных предприятий и крупных военных баз не имелось, и наверно потому город практически не зацепило бомбардировками. Однако от того было не легче – еще сильнее бомбардировок прошлись по городу радиация, голод, банды мародеров, и всеобщий беспредел. Все было так же, как, наверно, и в большинстве городков российской глубинки: люди разделились на общинки, и каждая выживала, как могла, пытаясь отгрызть кусок побольше у соседа и не дать отгрызть у себя.

Мать погибла в самом начале Войны. Шальная пуля, влетевшая в окно в одну из ночей, когда в городе свирепствовали банды, деля территории, провизию, барахло и власть. Юка не была сильно привязана к матери, но, будучи девочкой очень эмоциональной, горевала несколько месяцев, худея и хирея с каждым днем. Если бы не отец – так бы и умерла. Однако он вовремя заметил неладное и сумел вытянуть дочь из пропасти, дав новый импульс к жизни.

Юка с детства питала страсть к медицине – видимо, пошла в отца, имевшего целую кучу работ по различным медицинским направлениям. Тот, начав обычным хирургом, благодаря своим знаниям и профессионализму быстро пошел в гору, и спустя несколько лет сначала занял

должность заведующего хирургическим отделением, а затем и вовсе стал главным врачом больницы. И теперь, подтянув дочь поближе к медицине, благо, возможность такую он имел, он изо всех сил помогал ей постигать то, что она, не начнишь Война, должна была бы изучать в медицинском институте. И успехи ее области медицины были просто поразительны.

Ей – и брату с сестрой – повезло. Они, может быть, были одними из тех редких счастливых, кого почти не задела Война. В то время, как по улицам бродили голодающие дети, потерявшие родителей и родной дом, в то время как люди дрались и умирали за кусок сахара или патрон, они сидели за крепкими стенами и прилежно грызли гранит науки. Больница продолжала существовать, ее не тронули по счастливой случайности – сначала главари одно из группировок взяли под крыло, разумно полагая ее стратегическим объектом, а затем... Затем помогли военные.

Когда с началом Войны была уничтожена Балаковская АЭС, и Волга ниже по течению стала непригодна для проживания, в Балашов хлынул поток беженцев из Саратова и окрестностей. От Саратова до Балашова – двести с лишним километров, люди стремились в захолустье, в райцентр, ближе к земле, наивно полагая, что там проще выжить. Однако это было совсем не так. Здесь их не ждали и не желали принимать, и группы беженцев на подходе к городу безжалостно уничтожались местными бандитскими группировками, коих в городе образовалось целых три.

Однако не все беженцы оказались по зубам местным бандосам. Вместе с потоком беженцев в город пришла хорошо вооруженная колонна военных, которые не стали наводить порядок в целом городе, справедливо рассудив, что заниматься этим просто бессмысленно. Вместо этого вояки в один день вышибли бандитов из больницы и заняли ее сами. И ее, и дома вокруг, организовав что-то вроде мертвой зоны, где каждый метр земли просматривался и простреливался, и куда соваться было себе дороже. Так в городе образовалась самая сильная община, в которой совершенно неожиданно для себя и очутилась семья Юки.

Со временем этот анклав нашел и свою специализацию – и начал развиваться именно в этом направлении, предоставляя услуги соседям, каковых и в самом городе и в окрестностях осталось не так уж и мало. В одной колонне с военными в город прибыли и представители науки. Как известно, многое решают родственные связи; кто-то там кем-то приходился кому-то – то ли внучатым племянником двоюродной бабушки, то ли третьим сыном троюродного брата матери – и потому, наверное, вояки не бросили немалую толпу гражданских с началом этого кошмара, а посадили к себе на шею и привели с собой. И среди гражданских оказалось немало членкоров-теоретиков и академиков-практиков, которые знали и умели достаточно, чтоб организовать на базе больницы некое подобие научного центра и по мере сил продолжать исследования в области медицины, биологии, генетики и мутагенных процессов.

Поселок рос. Рос и Научный Центр, как гордо называло себя его академическое ядро. И вполне естественно, что для изысканий пытливым умам ученых требовался подопытный материал, которого вокруг с каждым годом становилось все больше и больше. Информация о новых мутагенных формах приходила разными путями. Кто-то где-то что-то видел; кто-то где-то от кого-то услышал; кто-то где-то от кого-то смог убежать, оставив в пасти кусок собственного тела... И еще больше новостей приносили проходящие мимо караваны, которые были не прочь и сами закупить некоторое количество медикаментов или оставить в стационаре особо сложных пациентов, отдавая за их лечение немалые средства. А за свою информацию они получали хорошую скидку.

Спустя несколько лет вояки под давлением Ученого Совета организовали первую вылазку за необходимым – и она прошла успешно. Дальше была еще одна, потом еще, и постепенно это вошло в норму. Вскоре помимо основных групп образовалось несколько отрядов, которые на свой страх и риск лезли в самое пекло и приносили то, что не отваживались добывать штатные отряды. За такие материалы отлично платили, они были востребованы, но Научный Центр

оплачивал и менее интересные и опасные образцы. Его сотрудникам, как настоящим ученым, материала всегда было мало.

Юка с семейством тоже занималась такой подработкой, но в особо опасные места они никогда не лезли. Хотя их и было четверо, они все же не обладали умениями и знаниями для такой работы, но собрать и привезти несколько образцов с гораздо меньшим риском было несложно. Основной же их работой стало то, что в дни до Войны называлось «скорой помощью».

Их семейный подряд много повидал за эти годы. Сначала – радиационные заражения и химические ожоги. Потом – лучевая болезнь. А затем, когда жизнь вошла в какое-то подобие нормы – и весь набор, начиная от простуды воспаления легких и заканчивая переломами, вывихами и огнестрелом. В мире постапокалипсиса, где нельзя вызвать врача на дом или записаться на прием, где грамотной медицинской помощи нет в округе на сотни верст, их «Тайфун» был словно вестником жизни. Его ждали, к нему вели больных, раненых, несли умирающих – и, конечно же, платили за врачебные услуги. «Тайфун» стал для Научного Центра еще одним средством заработка и, нужно признать, средством довольно доходным.

А потом случилось то, что девушка и по сей день не могла вспоминать без содрогания. КАМАЗ-63968 «Тайфун» – машина ценная, но содержимое ее – много ценнее. И охотников добраться до нее – а тем более, забрать и все целиком – всегда найдется достаточно. В одном из выездов бригада «скорой помощи» нарвалась на транспортную колонну, шедшую откуда-то с востока, из Казахстана. Вел ее человек с фамилией Твердохлеб. И был он командиром Второй Охранной бригады Берегового Братства.

...И вот тут Добрынин проявил неуважение. Длинно и громко выматерившись – да так, что девчонка от неожиданности чуть не увела машину в кювет – он знаком остановил ее рассказ и замер, уставившись вперед, в одну точку, глядя на бегущую навстречу КАМАЗу ленту дороги и не видя ее. Это был как гром среди ясного неба – но это было. И... это можно было бы назвать совпадением... однако, чем больше он думал над этим невероятным сплетением обстоятельств, тем более убеждался, что это не так. Оно не было ни невероятным, ни совпадением. Братство активно занималось охраной и перегонном караванов, росло и развивалось, воевало, устраняло конкурентов... Словом, подразделения его регулярно ползали по этой части континента, и потому фантастическим совпадением было скорее то, что бригада «скорой помощи» нарвалась спустя аж целых восемь лет после Начала, в то время как Братство наверняка начало свою деятельность гораздо раньше. И если пройтись по окрестным поселкам, свою историю контакта с этой организацией наверняка мог бы рассказать не один человек...

Дальше все было плохо. В перестрелке были убит отец и брат. Сестра же получила тяжелое ранение и умерла у Юки на руках уже в поселке, куда девушка все же сумела пригнать «Тайфун», оторвавшись от преследования. КАМАЗ у нее отобрали; старшим в их бригаде был именно отец, и именно он был в ответе за материальную базу – бюрократию даже после Начала никто не отменял. А сама Юка на долгих-долгих два года погрузилась в какое-то оцепенение – жила и работала на автомате, словно в полусне, неизвестно откуда черпая силы, чтобы отрывать утром голову от подушки, приводить себя в некий условный порядок и выполнять обязанности врача при стационаре. А вечером, ложась спать в комнатухе, куда переселили ее для освобождения жилплощади, словно просыпаясь от дневного оцепенения, реветь в подушку, проклиная проклятую жизнь, проклятую Войну, проклятое Братство.

– Как же ты оказалась здесь, почти за четыреста километров от дома? – спросил Добрынин, которому до невозможности стало жаль девчонку. – Что произошло?

Юка помолчала немного, а затем, вздохнув, сказала:

– Ты знаешь... Я на днях проснулась и поняла, что больше так не могу. Загнусь, если все так же продолжаться будет. Ну нет моих больше сил так жить. Понимаешь ли, уже даже мысли всякие... плохие... последние полгода лезли. Это всё, это – край. И так, знаешь, до смерти

захотелось, чтоб было все как раньше!.. Только мы, «Тайфун» – и дорога! КАМАЗ же... он очень просто заводится. Замка зажигания тут не предусмотрено, достаточно просто в кабину попасть и тумблером щелкнуть. В общем... украла я его. Зашла в автопарк, села, завела – и вперед. Им теперь не так часто пользуются. Вояки его редко дают, только для дальних выходов, но всегда держат полностью исправным и укомплектованным. Да тут в закутке даже лаборатория моя научная в полной исправности... Пока там охрана сообразила, кто да что; пока тревожную группу оповестили; пока они там БТР завели... Я уже километров десять отмахала. А скорость у меня выше, чем у БТР, и запас хода по топливу в два раза больше. Так и ушла.

– И что же ты теперь делать будешь? – Добрынин аж растерялся, не зная, как реагировать на такую несусветную глупость. – Как обратно возвращаться думаешь? Да за такое тебя по законам военного времени...

– Шлепнут, – кивнула она. – Я понимаю. Я это еще километров триста назад поняла.

– И?..

– Вот для этого мне и нужна птичка. Кое-что интересное у меня уже есть, сегодня добыла, но куропат этот твой мне теперь необходим до зарезу. Проб с него до сих пор не доставляли, а информация, считай, уже месяца четыре как пришла. Но Совет что-то медлил, не давал разрешения на выезд. Вот я и хочу...

– Понятно. Искупить. Так что ли? – невесело усмехнулся Добрынин.

– Ага. Если пробы с куропата возьму – пожалуй, легко отделаюсь. Может, и не шлепнут еще. Но на штрафные работы точно определяют.

Она помолчала немного и вдруг, тряхнув головой, словно отгоняя невеселые думки, обернулась к Добрынину:

– Ну а ты? Чем занимаешься в жизни? Куда и зачем идешь? Рассказывай!

А Добрынин, выслушав ее невеселую историю, даже и не знал теперь, что ей говорить. Врать не хотелось, девчонка открылась ему полностью, и отвечать на ее откровенность неправдой он не мог. А правду сказать... Слишком невероятна была правда, чтоб в нее поверить. И тем более для нее, девушки, которая прожила всю жизнь в закрытом поселке, в окружении семьи и в жизни пока ничего толком и не видела. Не решит ли, что он насмехается? Не обидится ли?..

– Подъезжаем, – помедлив немного, вывернулся он. – Пенза – вон она уже, а там и птицефабрика твоя. Давай уж после, тем более и у меня рассказа не на один час.

Юка кивнула и снова принялась вертеть рулем, глядя на дорогу.

К повороту с тракта на птицефабрику они подошли еще засветло. Мимо подстанции Мамонова пролетели с ветерком – на тракте не было ни души, хотя здесь уже начинались владения пензенских общин и группировок, и особенно – поселка энергетиков. Сама подстанция скрывалась за разросшейся посадкой, превратившейся в плохо проходимый лесок, света там не горело, засад им никто не чинил – и «Тайфун» прошел, как по маслу.

Охота на куропата ночью – чистой воды самоубийство. Да, он хреново видит, но ты видишь еще хуже. А вот слух и обоняние у него, как и скорость... короче, вспоминаем поговорку про носорога. И потому Добрынин торопился. До сумерков по его прикидкам оставалось часа два – вполне достаточно, чтобы выйти на позиции и вылупить птенчика. А уж там... зацепить петлей за лапу, отволочь к тракту – тут и ощипать без суеты и спешки. Ничего сложного. Разве что вызывало сомнения, как он будет добывать этого зверя без крупного калибра. Придется на минимальное расстояние подходить и бить как белочку – точно в глаз... Ладно. По месту определимся.

Если судить по карте, от поворота до маячащего на горизонте поселка Полевого, на окраине которого и находился комбинат, было километров десять. Тракт и поселок соединяло некое подобие дороги – насыпь, на которой совсем не осталось асфальта, а поверхность была выгла-

жена ветрами с окружающих полей до состояния стиральной доски. Чтобы не трястись по этим ребрам, Юка взяла правее, сойдя с насыпи – и «Тайфун», пробивая в высокой траве широченную колею, наперерез через поле попер к забору птицефабрики.

– Ближко не подходи, – предупредил Добрынин девушку. – Встань метров за четыреста, развернись, чтоб в случае чего можно было сразу рвануть. Связь есть?

– Конечно, – кивнула Юка.

– А позывной?

– Матильда, – чуть помедлив, ответила она. – Меня дед так в детстве называл... Пусть такое будет.

– Четыреста тридцать шесть два ноля выстави на радиостанции. На этой частоте будем.

– Сделаю. Что ты задумал?

– Если б я сам знал, – отмахнулся Данил, вращая штурвал дверцы в силовой отсек. – Осмотрюсь, там дальше и решим...

Пока он одевался, что внутри движущейся по неровному полю машины было не такой уж простой задачей, «Тайфун» добрался до условленной точки. Сделав широкий круг по полю, Юка выставила машину кормой к фабрике и включила камеру заднего вида, переключив ее на монитор в жилом модуле.

– Есть картинка, – по внутренней связи услышал Добрынин. – Надо? Можно увеличить, уменьшить, на определенную точку навестись...

– Мне не надо, – отозвался он уже по каналу скафандра. – Я на крышу, оттуда погляжу. Машину только не дергай. Я уже как-то летал с танка – удовольствие так себе. А тут высоты в два раза будет...

– Мне что делать?

– Наведись пулеметом на фабрику и жди команды, – подумав немного, ответил Данил, стоя уже у двери в тамбур. – Дальше по обстоятельствам. Сначала понаблюдать нужно, что там и как...

С собой много брать не стал. Длинный клинок, который теперь окончательно нашел свое место на левом предплечье костюма, бинокль, винторез, три коротких магазина с «Шершнями» и пару выстрелов для подствольника, термобарический и осколочный. Последнее – так, чисто для подстраховки, ибо требовалось устроить здесь не войну, а охоту.

Забравшись на крышу, Добрынин устроился поудобнее, достал «Юкон», приткнул к его резиновым окулярам. Двухметровый забор частично скрывал территорию, и видно было лишь какую-то ее часть, да и то под углом, поэтому он не сразу сообразил, что же такое наблюдает. Что-то там двигалось... что-то крупное... какие-то огромные серо-бурые валуны, лениво, медленно перекатывающиеся по внутренней территории... И лишь спустя несколько секунд до него вдруг разом дошел смысл картины. Все пространство за забором – все, исключая, разве что, постройки на территории – было буквально забито мутировавшими птичками! Они кишели там! Они бродили взад и вперед, толкая друг друга своими огромными телами, копались в земле мощными четырехпальными лапами, что-то временами откапывая и склевывая, либо просто стояли на одном месте, по куриному вертя туда-сюда здоровенной башкой с гребнем. И – все они находились внутри, за оградой! Снаружи, в поле, не было не одного, словно хлипкая изгородь из ребристого металлического профлиста, огораживающая всю территорию птицефабрики, была для них непреодолимой преградой!

– Вот это нихрена себе дела творятся... – пробормотал Добрынин и, нажав кнопку гарнитуры, сказал: – Наблюдаю куропатов. Внутри периметра их сотни. Очень много. Но снаружи – ни одного. И забор полностью цел, будто они его касаться боятся. Есть идеи?..

– Нам докладывали, – отозвалась Юка. – На Совете выдвигалось несколько гипотез, но я больше склоняюсь к гипотезе «условного рефлекса». Смысл в чем... Цыплята-бройлеры выращиваются в больших деревянных ящиках, в ограниченном пространстве. Там есть все,

что им нужно для жизни – и пища и вода, и опилки. Стенки ящика для них – монолитная скала. Цыпленок, даже натываясь на стенку регулярно, не может ее повредить, и потому со временем приобретает определенный рефлекс, который говорит ему, что она непреодолима. Так же и здесь. Они просто не понимают, что могут своей тушей продавить забор и выйти наружу. Вот и бродят внутри, как в заключении.

– Как же они из ящиков-то повывлезали?.. – пробормотал Добрынин, продолжая наблюдать эту, внушающую какой-то даже внутренний дискомфорт, картину. Столько монстров в одном загоне... Не хотелось бы оказаться у них на пути, если вырвутся!

– Они выросли, – пояснила девушка. – Переросли стенки ящика и перешагнули их. Меня больше другое интересует: как они выжили, спустя столько лет после Войны, если все время за забором сидели? И почему вдруг лишь недавно были обнаружены? Не может же такого быть, чтоб караваны здесь раньше не ходили...

«А меня вот больше другое интересует, – усмехнулся про себя Добрынин, вдруг явственно вспомнивший куропата, чуть не обрушившего здание общаги у войсковой части. – Какой мудака их отсюда выпустил? Да так, что они с огромной скоростью по окрестностям разбежались и теперь не только в Пензе, но и в Сердобске их предостаточно...»

А вслух сказал:

– А что говорит наука?

– Опять же, есть гипотеза Совета об анабиозе эмбрионов, – отозвался наушник. – Эмбрион цыпленка находится в яйце. Опытным путем – не нами конечно, еще до Войны – было установлено, что предельный срок хранения яйца до инкубации – двадцать пять-двадцать восемь дней. Но что-то, видимо, дало толчок к тому, чтобы яйца пролежали гораздо дольше. И какое-то новое воздействие начало инкубацию. Тут разные есть гипотезы, и для того чтоб они превратились в факт, как раз и нужно изучение...

– Такую гипотезу и я могу выдать, – усмехнулся Данил. – Ладно, черт с ним. Гадать и строить предположения, это как раз по части яйцеголовых. А у нас сейчас чисто практическая задача – отстрелить птенчика на ужин. Есть варианты?..

– А вот это уже по твоей части. Ты у нас спец, ты и думай, – слегка обидевшись, как ему показалось, ответила девушка и отключилась.

Добрынин пожал плечами, не понимая ее реакцию, но вникать не стал. Потом с этим разберемся, не до бабских обид сейчас. Хотя тоже, знаете... непонятная реакция. Для нее же старается, ей же помогает...

Полежав на крыше минут десять и повертев проблему с разных сторон, он понял, что просто так нахрапом ее не решить. Позиция на крыше хорошая, слов нет. Но даже если и завалить отсюда куропата, попав ему точно в глаз, что само по себе было не такой уж и простой задачей, – как достать тушу? Тут требовалось что-то иное, что-то, что позволило бы ограничиться одним-единственным экземпляром, не затрагивая остальных. Отманить бы этот экземпляр в сторону, да там уже и прикончить.

– Добрыня – Матильде, – обозначился он. – Заводи машину и двигай в обход всей территории. Здесь наверняка есть ворота – они-то нам и нужны.

– А ты?

– Да тут я, – усмехнулся Данил. Ну никакой дисциплины... – На крыше буду.

КАМАЗ рыкнул, заводясь, и, развернувшись, осторожно, на малой скорости, пошел в сторону поселка. Добрынин на крыше одобритительно кивнул – Юка, справедливо рассудив, что птицефабрика должна же как-то сообщаться с населенным пунктом, именно туда и направила машину.

Решение ее было верным, ворота оказались как раз с этой стороны. Они, как того и ожидал Данил, были закрыты. В этой части территории над забором возвышался целый комплекс построек: проходная, цеха и огромное металлическое сооружение, похожее на элеватор, со здо-

ровенными цистернами наверху. С крыши модуля ему было видно, что около ворот никого не слонялось – зато уж вокруг цистерн гигантских птичек толпилось больше всего. Похоже, это было хранилище. Комбикорм, зерно, может, шелуха подсолнуха, или чем они там вообще питаются... Что-то, что пролежало достаточно долго и не сгнило, чтоб дать им пищу. Тут же находился и здоровенный, непонятно для чего предназначенный бассейн, до краев полный водой, в котором, разлагаясь и наверняка воняя на всю округу, плавали кверху брюхами туши нескольких мутантов.

«Вот вам и еще один условный рефлекс, – ухмыльнулся Данил. – А мы-то все думали, почему они в воду боятся лезть...»

План, родившийся у него еще на первой позиции, было прост, как все гениальное. Сколько помнил он из прошлой жизни, на куропада просто так никто не охотился. Даже Счетчик не отваживался, потому что после первого же промаха нужно было искать либо толстой дерево в три-четыре обхвата, либо крепкое кирпичное строение, чтоб на крышу влезть. При любых других раскладах куропад без труда догонит незадачливого охотника и порвет его на мелкие тряпочки. А здесь – чисто поле. Ни дерева, ни строений, если не считать корпусов птицефабрики. Но туда поди пролезь, территория-то занята. А если и пролезешь – попробуй потом выбраться, из самого гнездилища. То есть, действовать нужно мобильно. Пожалуй, трос с петлей на конце самое верное решение. Подгоняем машину кормой к воротам. Разматываем трос, но не полностью, а примерно наполовину, оставляя часть бухты смотанной, чтобы дать разгон КАМАЗу и затем, рывком сдернув многотонную тушу куропада, стянуть на нем петлю. Дождавшись сумерек, когда сей организм видит хуже всего, через приоткрытые ворота проникаем на территорию птицефабрики и выкладываем петлю на земле. После этого остается только подманить куропада и поймать его петлей. За ногу, за шею – да хоть за яйца! И по газам! Юка дергает тушу – он сразу же за ней закрывает ворота. Куры в бешенстве, но сделать ничего не могут, ибо вокруг изгородь, а ворота уже закрыты. Условный рефлекс, мать его так. Все, поздняк метаться. А еще вернее так: все, поздняк, остается только метаться. Либо, как вариант – не дожидаться, когда мутант сунется в петлю, отстрелить любого, неосторожно приблизившегося к воротам. И далее – по разработанной схеме.

Разъяснив девушке план, Данил, дождавшись, пока она на минимально безопасное расстояние подгонит машину к воротам, спрыгнул с крыши. Вытащил из ниши под жилым модулем трос, размотал его, зацепив одним концом за буксировочный крюк, подготовил петлю на конце. Осторожно подобрался к воротам и осмотрев их, пока Юка наблюдала за обитателями гигантского курятника посредством кормовой камеры, обнаружил две петли-проушины для замка. Ну и отлично, проще будет с запорами. Закрываем ворота, накидываем стопор – тот же трос, к примеру, – и все. Ворота заперты, толпа разъяренных петухов вновь надежно отрезана от мира. Вот и славно. Ибо бегать от них в чистом поле занятие малоперспективное.

Заодно уж заглянул и внутрь, воспользовавшись щелью между воротинами, величиной с ладонь. Куропаты жрали. Толпились под цистернами, пихали друг друга, огрызались, долбили короткими толстыми клювами по земле... Данил пригляделся, но понять, что они потребляют, так и не смог. Далеко, сумерки уже опустились, густея с каждой минутой. Попробуй тут, разбери. Да и какой смысл? Ночь на подходе – а значит, пора открывать активную часть фазы операции под названием «Сафари на куропада».

Осторожно, сантиметр за сантиметром, он принялся открывать ворота. Если б не уник, задача была бы трудновыполнима: створки за десять лет вросли в землю и подавались с большим трудом, да еще и скрипели на всю округу. К счастью, клювокрылых это не очень беспокоило. Заглянув несколько раз в створ, Добрынин понял, что петухи-переростки к истошному скрипу, издаваемому петлями, почти равнодушны – оторвутся на секунду от жрачки, повертят вокруг башкой с непередаваемым выражением куриного идиотизма, и снова жрать. Ну, нашим легче.

Приоткрыв ворота ровно настолько, чтоб можно было пройти по габаритам, Добрынин, держа трос с петлей, крадучись вошел внутрь и, не отрывая глаз от толпящихся у кормушки курозавров, осторожно разложил ее на земле. Того, что полузакрытые створки смогут остановить «Тайфун», он не боялся. Смешно, право слово. Куропат, пойманный в петлю, влекомый на буксире табуном в четыреста пятьдесят лошадей, скрывавшихся в силовом отсеке боевой машины, пролетит сквозь них, как кусок мыла меж ладоней. И заботой Добрынина будет вовремя их прикрыть, чтобы отсечь возможную погоню.

– Рви по команде – и вперед, по полю. Покружи, пока дергаться не перестанет, а потом встань где-нибудь. Я тебя догоню, – по связи проинструктировал он девушку.

Отошел назад, притаился за правой воротинной, поглядывая время от времени внутрь, и, крикнув, почесал шлем на затылке. Ноль внимания. Кормушка была явно привлекательнее, чем какое-то вялое копошение у ворот.

Приманку? Пожалуй...

Мотнувшись к КАМАЗу, принес пару банок тушенки. Встал над петлей, вскрыл одну за другой, вывалил пахучее содержимое прямо в центр. И бочком-бочком, не теряя из виду мутантов, попятился за ворота.

Шаг, другой, третий... Один из куропатов, тот что был ближе всех, вдруг выпрямился, отрываясь от пиршества, и завертел огромной башкой, пытаясь понять, откуда же раздается этот умопомрачительный запах. Сообразил. И...

Все, что произошло дальше, слилось в единое действие и уместилось буквально в десяток секунд, хотя для Данила, словившего адреналиновый выплеск, время растянулось чуть ли не на часы! Рванувшись с места, петух-переросток на огромной скорости галопом попер к приманке – и за ним, словно табун страусов за жожаком, с места в карьер единой толпой сорвались и все те, что толпились у кормушки! А следом, подчиняясь единому коллективному разуму, вливались в этот несущийся со всех ног табун все новые и новые экземпляры.

Нервы сдали. Добрынин вдруг как-то разом и очень ярко, во всех красках, представил, как это многоногое и многотонное чудовище накатывает на него, валит, топчет, вминая своими огромными четырехпальными лапами в землю, и, даже не замечая мелкой человеческой букашки, пронесется над ним, оставляя жалкие клочья растерзанного и изломанного человека! Заорав от ужаса, он развернулся и что было сил припустил к машине в полусотне метров за воротами. В три секунды преодолев это расстояние, гигантским прыжком, едва коснувшись лесенки, взлетел на крышу – и только тогда обернулся назад. И захохотал от облегчения, понимая, что план его, похоже, близок к успешному завершению – места, где лежала петля, было уже не видно под теснящимися тушами мутантов.

Получилось! Пора!

– Рви! – во всю мощь легких заорал он, надеясь, что петля сработает, и из десятков дерущихся за приманку монстров вырвет хотя бы одного. – Рви, мать твою, кому говорю!!!

«Тайфун», взревев двигателем, выбросив к небу огромное черное облако выхлопа, дернул – и, набирая скорость, пошел вперед. Данил, цепляясь за какой-то выступ на крыше, напряженно следил за разматывающейся бухтой, что в густой синеве сумерек было не так-то и просто. Последний виток... трос распрявился, натягиваясь, как струна... и машина, дернувшись всем корпусом, влипла в огромный упругий студень! Добрынина смело с крыши словно пушинку! Пролетев спиной вперед метров двадцать, он плашмя грохнулся на землю. Удар был такой, что, казалось, вышиб весь воздух из легких! Пару секунд, лежа в густой траве и наблюдая над собой лишь звездное небо, он пытался вдохнуть. Наконец, справившись с организмом, вскочил на ноги – и едва успел кувыркнуться в сторону, уходя с пути вновь набирающего скорость КАМАЗа. Мелькнула мимо кабина, силовой отсек, огромные колеса, выдающие мощным протектором комья земли с травой и кидающие их назад... Чисто инстинктивно он выбросил руку в сторону, цепляясь за мелькнувшую мимо лесенку на крышу, и спустил несколько

мгновений, ударившись несколько раз о корпус, был уже наверху. Влез, отдуваясь как паровоз и пытаясь прийти в себя после головокружительного полета, глянул назад – и выругался отборным трехэтажным матом: трос был порван и волочился за машиной – скорее всего, он просто не выдержал совокупной массы куропаатов, столпившихся в центре петли; ворота, конечно же, открыты. И наружу, словно почувявший свободу табун лошадей, сплошным потоком изливались все новые и новые мутанты. И тогда Добрынин с поразительной ясностью понял, что именно он и был тем самым мудаком, кто выпустил куропаатов на свободу.

Но это были еще не все беды на сегодня. Когда КАМАЗ, отойдя километра на три от птицефабрики, остановился среди поля, и Добрынин забрался в кабину, он увидел потерявшую сознание и навалившуюся на руль девушку. Данил осторожно вытащил ее в жилой отсек, положил на диванчик, оттер кровь из рассечения на лбу. Послушав сердце, убедился, что Юка жива, но находится в глубоком обмороке. Тут уже было не до деликатностей. Раздев ее до белья, Добрынин, сантиметр за сантиметром обследовал тело. Результат – сильный ушиб грудной клетки и перелом обеих запястий: вероятнее всего, в момент рывка руки сорвались и она ударилась о руль. Само по себе для жизни не опасно, но и хорошего тоже мало. Гораздо хуже было другое – итог всей охоты. Неудача закрывала Юке дорогу домой, и плюс к тому – теперь нужен был хотя-бы мало-мальски грамотный доктор, уход и стационарные условия для лечения.

Путь у Добрынина теперь был один – в поселок энергетиков.

Глава 4. ОСТРОВ РЖАВОГО ГЕНЕРАЛА

Осень и зиму две тысячи двадцать третьего-двадцать четвертого года они провели в поселке. Юка поправилась быстро – ребра были целы, всего лишь сильный ушиб, а запястья зажили за три недели. Но все это время Добрынин был ее руками: ухаживал, как за малым дитем, кормил с ложечки, одевал и раздевал, водил на прогулку – словом, сопровождал ее везде, разве что не в туалет.

Понятно, что при таких отношениях между двумя людьми, мужчиной и женщиной – тем более, если они одиноки и интересны друг другу – наступает определенный момент... Чего уж таить – девушка ему нравилась. Очень нравилась. И судя по всему – он ей тоже, ибо не единожды ловил на себе ее заинтересованные взгляды. Да и в разговоре иногда что-то такое проskalъзывало... Твердая и сильная внешне, внутри она, как и подавляющее большинство женской половины человечества, была нежной и хрупкой, искала защиты и убежища. Она словно увидела в нем этакую каменную стену, за которой можно укрыться от бед и невзгод этого мира, такого здорового невозмутимого и надежного мужика, который одним плечом разгоняет тучи, а вторым отражает набег бесчисленных полчищ врагов и может защитить от чего угодно. И она искала этой защиты.

Добрынин все понимал – натерпелась девчонка. Два года под жутким прессом депрессии, два года в прострации, два года – в никуда! Это нужно испытать, чтоб понимать, о чем разговор. Он в аномалии три месяца в ступоре валялся, на всю жизнь хватило. А здесь два года!

Да и поселили их вместе, в одной комнате. И хотя комната эта была достаточно обширна и разделена на две половины полотняной перегородкой, все же совместное проживание тоже сближает. Словом, в один из зимних вечеров, когда на улице мела пурга и завывал ветер, неся с поля мелкую колючую снежную поземку, все и случилось.

Однако толчком к сближению стали не только эти обстоятельства. В первые несколько дней, пока Юка лежала, поправляясь от ушиба, и Данил находился при ней неотлучно, он частенько развлекал ее рассказами и байками из своей жизни и жизни обитателей Убежища. И вполне естественно, что у девушки не могло не возникнуть кучи вопросов – а что с этими людьми сейчас? Где теперь героический полковник, где дед Миха, где Герман, где верный товарищ Сашка... и где, в конце концов, Иринка и Ольга? О них Данил упомянул лишь вскользь, но ее, девушку, которой нравился данный конкретный мужчина, они интересовали больше всего.

И Данил, которого временами буквально распирало от желания поделиться своей историей, однажды решившись, рассказал ей все. Начиная с прихода в город Первой Ударной и заканчивая днем, когда он встретил ее на тракте. Рассказал полностью, без утайки.

Реакция была бурной – и это, вероятно, была реакция не столько на рассказ и прозвучавшее в нем название группировки, сколько остаточная реакция на потерю близких. Будто вскрылась застарелая гнойная рана, все это время мучавшая ее, не дававшая покоя – и теперь все так долго копившееся внутри выходило наружу.

Первые полчаса она просто рыдала. Вздохб. Хлюпала носом, размазывала по лицу слезы, всхлипывала, словно маленький обиженный ребенок... Потом слезы прошли – и начался приступ ярости. Девушка с бешеным взглядом металась по комнате, выкрикивая что-то бессвязное, и никак не могла успокоиться. Пришлось ее немного приобнять – для ее же безопасности. Осторожно, помня о травме. Подергавшись немного в железобетонных объятиях, Юка обмякла и, понемногу успокоившись, снова заплакала – но теперь уже тихо, беззвучно, жалобно. Данил, снова уложив ее на лежанку, хлопотал вокруг, мочил полотенце, наливал воду, стакан за стаканом... Спустя какое-то время девушка успокоилась, и только по губам, сжатым в ниточку, было понятно, что творится у нее на душе.

– Если меня не возьмешь – возненавижу, – глядя куда-то в потолок, вдруг сказала она. – Идти мне все равно некуда. Ты все это прошел сам, и кроме тебя никто не может меня понять. Ты не говоришь, но я наверняка знаю, что ты собрался делать. И если теперь не возьмешь меня с собой...

Добрынин молчал. Ему нужно было как-то осмыслить этот новый поворот, и на это требовалось время. Честно признаться, тогда он даже пожалеть успел, что связался с девчонкой. Отвык от женского общества. Да и не сказать, чтоб и раньше он давал волю чувствам – не так воспитан. Уроки полковника все больше учили иному – стойкости, терпению, воле, мужеству. А то и просто дикой злобе, когда сдохни – но сделай. Здесь же... здесь требовалось иное. Другой подход. Другие чувства. И он, словно человек без половины чувств, хоть и знал, как себя вести, но вести себя именно так не мог. Словно не давало что-то.

Но – так было тогда. А потом, когда прошла ночь, соединившая их, Добрынин понял, что эта девушка ему теперь дорога, как никто на свете. Да так, собственно, и было, потому что никого кроме нее у него теперь и не было.

Еще в первую встречу Добрынин отметил порядочность Владимира Николаевича, его мужицкую хозяйственность и основательность, и был уверен, что не прогадает, попросив у него помощи. И не прогадал. Когда он, в первый раз в жизни усевшийся за руль, под руководством очнувшегося мехвода довел машину до поселка и остановился на подходе к основным воротам – переполоху было немало. Еще бы, такая громадина вдруг заявила! Из защиты в поселке тогда было лишь легкое стрелковое оружие, да пару снайперов на вышках. Ни тяжелых пулеметов, ни, тем более, техники вроде БТР. Да и опоры его пока не окружали. И потому боевая машина с пулеметом наверху была воспринята со всей серьезностью. Однако когда на опустившийся пандус ступил человек, держа на руках не подающее признаков жизни тело, это было воспринято правильно. Поселковые поняли, что пришелец просит помощи, и спустя короткое время из ворот выбралась целая делегация во главе с неизменными дедами. Их приняли, поселили в той самой комнате в дальнем углу, поставили на довольствие. В ответ же Владимир Николаевич, который сразу почувствовал в пришельце опытного бойца, потребовал разнообразных услуг определенного характера – и впоследствии ни разу об этом не пожалел. Добрынин работал не за страх, а за совесть. Так, словно родился и прожил тут всю жизнь, словно жители поселка были его родичами, словно это было Убежище. Поселок, по сути, и стал его новым домом... Он как-то разом и очень плотно вплелся в жизнь общины, в проводимые сталкерами вылазки, в обучение молодежи, в его быт и рабочие будни, и постепенно, шаг за шагом, начал завоевывать тот авторитет, что был ему столь необходим.

Вполне естественно, что поначалу за ним осуществлялся довольно плотный надзор. Но Добрынин понимал необходимость, реагировал спокойно и терпеливо. Сам он на месте Мамонова поступил бы так же. А как иначе? Прибыл непонятно кто, непонятно на чем и непонятно с кем. И хотя врал он довольно складно, взяв за основу историю Юки и примазав к ней немного о себе, представившись, конечно же, Сергеем Зоологом, все же на первое время нужен был контроль. Вот он и осуществлялся. И только когда Данил в качестве рядового бойца принял участие в нескольких вылазках и операции по пресечению беспредела со стороны бандитских шаяк, пока еще не собранных в одну кучу железной рукой Сиплого и бесчинствующих по всему городу – только тогда он и начал понемногу становиться своим. И только тогда его плотнее начали привлекать к более важной и нужной работе.

А работы было море. Поселок строился. Мамонов, хозяйственный и смекалистый мужик, обнаружив гудящие линии и оживив оборудование, начал собирать под свое крылышко людей. Дальновидный человек, он прекрасно понимал, что в нынешнем мире означает энергия – тем более, энергия дармовая, которую не нужно вырабатывать и за которую не нужно платить. И все предпочтения от ее монополизации тоже понимал. И потому прилагал все усилия, чтобы взять

под полный контроль этот толстый кусок пирога, выстроив общину и обеспечив ее жителям безбедное существование.

Контроль предполагает возможность отражения агрессии, наличие группы людей, хорошо знакомых с оружием и умеющих это оружие эффективно применять. И потому одной из множества забот Мамонова сейчас было формирование собственных вооруженных сил, хорошо экипированных и оснащенных, которые и должны были взять на себя функцию охраны подстанции и линий электропередач и, частично – энергоаномалии. Распознав в госте неслабого бойца и вскоре получив этому подтверждение, Мамонов назначил его инструктором по боевой подготовке. Добрынину же это было только на руку. Кто имеет наивысший авторитет среди бойцов? Командир. С той лишь оговоркой, что он не дурак и стоит за них горой. А еще? Конечно же воспитатель и учитель, инструктор, в конце концов. Тем более, если этот инструктор грамотный, знает, о чем говорит, и по своему предмету может дать фору любому из учеников. А уж если инструктор и командир в одном флаконе – так это во сто крат лучше! И теперь Добрынин, сосредоточившись на молодняке и готовя из них тех самых «тяжелых», о которых с таким восторгом отзывался впоследствии дед Сидорыч, был не только инструктором, но и работал в поле командиром группы, что было воспринято молодежью на «ура» и вскоре закрепилось штатным вариантом. Да и Юку нужно было натаскивать. Данил думал о будущем, и чем больше думал, тем явственнее ему становилось понятно, что вместе они теперь надолго, если не навсегда. Она стала для него всем – и другом, и напарником, и семьей. А кем же и быть спутнице сталкера, постоянно сопровождающей его везде и всюду, как не такой же боевой девчонкой, которая может и пулю выродку в голову загнать, и десяток километров, не сбив дыхания, пробежать, и ножом неплохо поработать. Тем более, что и рукопашкой она довольно сносно владела – на уровне девушки, конечно, – за что нужно было сказать спасибо ее отцу, боевому офицеру. Словом, знать и уметь ей нужно было теперь немало, и к ее обучению Данил подошел со всей ответственностью.

Вообще сказать, с Юкой ему повезло. И чем дальше – тем больше он убеждался, что повезло очень сильно. Как-то вдруг неожиданно он обрел не просто женщину, но преданного друга, который стоял у него за спиной, помогал во всем и во всем его поддерживал. Кроме того, она была медиком и имела просто неоценимые по нынешним временам знания и навыки. Едва лишь поднявшись на ноги, она тут же осмотрела его обрубок и подтвердила, что культя находится в отличном состоянии. Прописала, конечно, некоторые процедуры для профилактики, и сама же следила за регулярностью их выполнения. В общем, взяла заботу о своем мужчине на себя. Она же участвовала и в разработке нового протеза, которые Добрынин заказал в заводской общине – уже стального, в форме все того же дьявольского копыта. Кастет на ноге дает очень серьезное преимущество перед противником, коль скоро дело дойдет до рукопашества и дрыгоножества. А чтобы замаскировать свое оружие, Данил сделал специальную оговорку – покрасить «под черное дерево». Деревяшка на ноге воспринимается не так серьезно, как стальная болванка.

Кроме того, Юка не бросала и свои научные изыскания. В модуле КАМАЗа был специальный закуток с кое-каким научным оборудованием и даже небольшим морозильником для проб. Такой же закуток она отгородила и в их комнате. Один из выходов они специально посвятили обзаведению мебелихой для этой научной лаборатории: притащили металлические стеллажи, пару столов, стулья. В ближайшей больнице нашлось и необходимое оборудование, которое, правда, пришлось отдавать заводским левшам для починки. В общем, лаборатория получилась что надо, девушка осталась довольна. Забила стеллажи медицинской и научной литературой, заставила столы оборудованием, и днями пропадала здесь, занимаясь одной ей понятными делами и выбираясь лишь для тренировок или выходов за пределы поселка. Здесь же она принимала и больных: едва стало известно, что девушка – медик, Мамонов тут же поставил ее на службу общине. Попытался даже официальную должность дать, но Добры-

нин встал в жесткий отказ. С Николаича станется назначить девушку начальником медпункта и запереть в поселке. И тогда прощай свободное перемещение и здравствуй работа с утра до ночи на благо общины. А это в планы сталкера не входило. Эгоизм? Пусть так. Но Юка на выходах нужна была ему рядом, а не где-то там далеко. А уж в том, что этих выходов со временем станет все больше и больше, Данил не сомневался. И поэтому, вращаясь в быт, он, тем не менее, должен был оставаться немного в стороне. Имелись и свои дела – и их решение требовало огромное количество времени. Нужно было не занять некую административную или силовую должность в иерархии общины, а находиться вроде как бы и в составе – и вне ее. То есть он должен был стать таким свободным сталкером, охотником, если хотите – разведкой и добытчиком информации, который в этом качестве имеет для Мамонова гораздо больше пользы, нежели будучи плотно встроенным в администрацию, словно винтик в машине. Это же касалось и девушки. И достичь этого положения можно было только одним – показать на практике именно такую свою полезность.

И случай представился довольно скоро.

Политическая обстановка на тот момент в городе была таковой. Вояки сидели на горе и пока никуда не рыпались – но собственный периметр держали железно. Арбеково и цыганский поселок жили своей незаконной жизнью: кто-то там кого-то время от времени убивал, грабил или жрал со всеми потрохами – словом, жизнь была ключом... Заводские еще только сбивались в плотную ремесленную общину, но уже могли постоять за себя и в обиду друг друга не давали. А за рекой Сиплый строил бандитскую империю в рамках одного отдельно взятого города и уже посматривал на соседей, приглядываясь пока, от какой бы еще откусить кусочек. Он уже брал дань с Тепличного, обитатели которого предпочли откупиться малой кровью, чем поиметь большой геморрой, и конечно же, игнорировать такой лакомый кусок, как поселок энергетиков, тоже не собирался.

Слухи о том, что Сиплый собрался пощупать энергетиков за мошонку, доходили. Но слухи – это всего лишь слухи, а не агентурные сведения, проверенные и надежные. На основе слухов спецоперацию не провернешь и засадные мероприятия не выстроишь. Недавний зимний накат небольшой банды – лишь легкая разминка. Тогда бойцы поселка без потерь ухлопали полтора десятка индивидов, и все потому, что грамотно отработала разведка и секреты, выставленные начальником охраны и правой рукой Мамонова. Олег Хрусталева, в просторечии «Хруст», до Начала служил погранцом, успел получить старлея и, подписав второй контракт, прибыл в родной город в отпуск. Здесь его и застало. И хотя больших звезд он не выслужил, но охраной руководил умело и знал достаточно, чтобы Мамонов поставил его на стражу границ общины. Однако теперь, похоже, предстояло что-то более серьезное, чем отстрел банды лихих ребят, сдуру сунувшихся под стволы автоматов. Но что?.. Агентурных сведений об этом не было, а слухи, меж тем, бродили.

Что-то копилось там, за рекой. Сведений поступало мало – дурная слава Шуиста уже успела облететь весь город, и потому соваться в бандитские районы желания не было. Нормальные люди оттуда появляться постепенно перестали – на торжок, стихийно организовавшийся в первые годы после Начала на футбольном поле стадиона ЗИФ, что в Заводском районе, теперь все больше заглядывали ребята откровенно бандитской наружности. Вели они себя нагло и вызывающе, и при малейшем намеке на конфликт готовы были дернуть стволы наружу. А в последнее время и того хлеще: полный игнор правил, которые завел у себя владелец торжка, старик Ибрагимыч, вымогательство, а порой и откровенный грабеж. Да еще и соответствующие разговорчики – скоро, де, все здесь будете лапу сосать, да жизнь свою оплачивать; а первые – те, кто на подстанции засел. Жируют там, понимаешь, и свет у них, и вода горячая... Нужно это кулацкое гнездо экспроприировать и на нужды народа – нас, то есть – пустить. Охрана торжка уже успела пару раз зацепиться с ребятишками, но до стрельбы дело пока не дошло. Только

мордобой, хоть и с кровавыми соплями и членовредительством. Словом, становилось понятно, что они чувствуют за собой силу, и силу немалую. И главу энергетиков очень заботило, что сила эта вскоре может потребовать у поселка свою долю.

Нужно было что-то противопоставить. Вот только что? Мамонов с Хрустом всю голову изломали. Община, если каждый возьмет в руки оружие, может выставить чуть более сотни человек. Но в том-то и беда, что оружие было в дефиците – хорошо если у каждого второго. Даже для тренировки молодых Добрынин выбивал штатные калаша с напрягом – они прежде всего нужны были патрулю или охране. Получалось, что поселок имеет не более пятидесяти слабовооруженных и плохо экипированных бойцов. Владимир Николаевич пытался было выйти на вояк, но те даже близко не подпустили. Выстрел в воздух, окрик – и поворачивай оглобли. Вояки тогда еще были закрытой общиной, кто там руководил и чем вообще жили – полная неизвестность. Командование на контакт с соседями не шло, но людей своих в город отпускало. Появлялись они парами-тройками, что-то покупали, что-то продавали, однако рот держали на замке, и добыть из них информацию разговорами не получалось. И Мамонов, понимая, что деваться, собственно, им некуда, все больше и больше склонялся к тому, чтоб пойти под Сиплого. А как иначе? Тепличный комбинат, вон, платит исправно – и все, не трогают их. Ну, или почти не трогают...

Добрынин с ним не спорил – кто он такой, спорить с главой поселка? – но с этим решением был категорически не согласен. Дураку понятно, почему. Единожды признав свою слабость и пойти на соглашение, значит навсегда поставить шею под нож. Это значит беспредел и вседозволенность со стороны блатной братии. Это значит, что каждый из них, заявившись в поселок, может творить все, что ему заблагорассудится – а к такому Добрынин был как-то морально не готов.

Нужно было оружие. И – много.

Где достать? В таких количествах – только у вояк. Но как, если у них только первый выстрел – предупредительный?.. Однако Добрынин прекрасно помнил, что кроме складов на горе есть еще и поселок Константиновка. И вот уж там...

Константиновка, помнится, на момент его прихода в Пензу уже была под вояками. Но это было там, в другом времени. А как с этим дело обстояло в *сейчас*? Осторожные расспросы почти ничего не дали. Мамонов не знал, Хруст тоже, да и остальные обитатели поселка, когда Данил пытался расспрашивать, лишь плечами пожимали. Подавляющее большинство народу даже и понятия не имело, что там есть какой-то военный объект, а тем более – склады. И вероятнее всего именно этим и можно было объяснить тот факт, что туда еще не проложили дорожку предприимчивые сталкеры.

Получалось так, что лезть придется одному – и это соответствовало его задумкам целиком и полностью. В известность он никого не ставил: знают трое – знает свинья. Даже свою группу, начавшую понемногу собираться с миру по нитке из разных общин, и ту не привлекал. На константиновские склады, буде дельце выгорит, у него были еще кой-какие виды...

По зрелым размышлениям Юку он решил взять с собой. За эти полгода, что он тренировал девушку, она достигла уже некоторых успехов в боевой подготовке и довольно быстро продвигалась по пути совершенствования. Добрынин не ошибся бы, если б сказал, что во владении оружием она могла бы сейчас потягаться и с некоторыми из ребят молодежной группы. Была небольшая проблема с дисциплиной и послушанием – девушка, считая, вероятно, что знает больше самого наставника, частенько пыталась спорить и Добрынина, привыкшего во всем, что касается боевой подготовки, к железной дисциплине, это бесило до белого каления. Не единожды он ругался, не единожды кричал, искренне не понимая, как, не имея за плечами сколь-нибудь богатого опыта, можно спорить с тем, кто в своем деле собаку съел – и все же добился и в этом отношении некоторого прогресса. Однако во всем остальном она была образцом

успешного ученика – и теперь, как бы ни хотелось ему оставить ее за безопасными стенами поселка, пришла пора первого экзамена.

Рано утром, экипировавшись по полной, они выдвинулись в сторону Константиновки. Добрынин, который таскал подошедший ему демрон из гардероба КАМАЗа, в модуле переоделся в боевой скафандр: понимая, что уник нельзя показывать в городе, так как впоследствии в таком же зайвится сюда Данька-младший, он держал его в «Тайфуне» под замком. Юка же надела свой, один из десяти комбезов хранившихся в модуле. Из оружия у нее не имелось пока ничего, кроме пистолета ПМ и калаша, штатных для мехвода «Тайфуна», и она довольно сильно переживала по этому поводу, бросая время от времени завистливые взгляды на ВСС и «Пернач» Добрынина. Впрочем, Данил прекрасно знал, что личное оружие – это дело случая, и не торопился.

Тракт был чист, и до Константиновки добрались с ветерком. На скорости около семидесяти все, что попадало под опущенную лопату «Тайфуна», пушинками разлеталось в разные стороны. И Юка не обращала сейчас внимания даже на те булыжники, которые обычно обходила стороной, – волновалась. Первый боевой выход как-никак. Сидя в своем кресле с упрямо сжатыми челюстями и крутя баранку, она смотрела только вперед. И что уж она там себе думала, Добрынин боялся и представить. Ибо от одного ее вида более впечатлительный человек бросился бы бежать без оглядки.

После общения с Фунтиковым Данил примерно представлял, где должен находиться объект. Проехав Константиновку и развязку-лепесток, обшарпанные указатели которой словно камни у дороги посылали богатыря прямо, налево и направо, они отыскивали короткий асфальтовый отрезок, уводящий с дороги влево. «Тайфун», подняв лопату отбойника, бодро спрыгнул с насыпи тракта, и вдоль разросшейся посадки начал углубляться в поля.

Дороги как таковой тут уже не было – заросла за десять лет. Растрескавшийся асфальт, уводящий влево с тракта, сразу же и закончился, и теперь КАМАЗ шел вдоль длинной лесополосы, протянувшейся почти до горизонта. Весна выдалась ранней, снег стаял еще в марте, и сейчас, в середине апреля, вокруг уже было сухо и пыльно. Грязи не было, и машина шла по целине как по асфальту, на приличной скорости.

– Долго нам еще? – заметно волнуясь, спросила Юка. – Какой план? Как проникать будем?

– Импровизация – наше все, – усмехнулся Данил, глядя вперед на дорогу. – Как тут спланировать проникновение, если неизвестно, куда проникать? Подойдем поближе, осмотримся, там и решим.

Юка поежилась.

– Что-то мне боязно, Дань... Вдруг подведу?..

– Я в тебе уверен, солнце, – совершенно спокойным тоном ответил Добрынин. – Что я, не видел, как ты работаешь и на что способна? Видел. Не волнуйся, все будет хорошо. На первом выходе всегда мандраж. Ну а если что – я же рядом, подстрахую.

Девчонка кивнула, немного успокаиваясь, и вновь сосредоточилась на дороге. А вот сам Добрынин в безапелляционности своих слов уверен не был. И не то чтобы он не мог бы доверить ей спину – конечно же мог, как когда-то и Сашке! – просто дело тут было в другом. Отношение к напарнику-другу и к напарнику-любимой девушке, что ни говори, было все же различное. И если Сашку он, не раздумывая, мог бы послать в любое пекло – и, посмеиваясь, глядеть, как тот, кряхтя, сопя и матерясь, выбирается обратно – то ставить такие задачи Юке он был не готов. Чувства не позволяли.

Когда вдали показался угол бетонного здания, торчащий из густых зарослей, и равномерно натянутые столбы, увитые колючкой, уходящие влево, в поля, – они остановились. Юка вломила броневиком в посадку, пытаясь хоть немного замаскировать его в пока еще голом весеннем подлеске, заглушила двигатель, и, проверив в последний раз оружие и снарягу, они

выбрались наружу. Двинулись понемногу краем посадки, пытаясь идти в тени и не отсвечивать до поры.

– Из своего калашоида стреляешь только по моей команде, – инструктировал на ходу Добрынин, не забывая глядеть по сторонам. – У меня ствол бесшумный, а у тебя долбит на всю округу. А нам это надо?..

– Не надо, – откликнулась девушка. – Я говорю – и мне такой нужен! Где-то надо искать! И пистолет! Нахрена мне этот макар?.. Я «Беретту» хочу, девяносто вторую! Помнишь, недавно на торжке видели?

– Если сегодня удачно сходим – заберем твою беретту, – заверил ее Данил. – В прошлый раз лишних патронов не было, дороговато за нее запросили. Да и ВСС тоже. Редкий ствол.

– Нужно же искать, – настойчиво повторила девушка.

– Будем искать, – согласился Добрынин, которому эти оружейные домогательства уже порядком поднадоели. — Все. Разговоры только по делу. Умолкли.

Бетонным зданием оказался КПП. Держа наизготовку «Пернач», Данил, страшущий Юкой, осмотрел двухэтажное строение, но ничего тревожного не обнаружил. Здесь было пусто, сухо и пыльно – но пыль эта была не уличной, а комнатной, лежащей здесь с самого Начала. Оно и хорошо – радиации меньше. Дозиметр показывал полтора-два рентгена: мизер по сравнению с сотней на улице.

Остановившись перед схемой позиционного района на первом этаже, Добрынин внимательно изучил его, пытаясь запомнить все важные обозначения. Площадь объекта была большой, гораздо больше войсковой части в Сердобске, и разделена на несколько зон. Сразу за воротами начиналось что-то типа отстойника, с площадью и множеством боксов для техники; дальше – дорога вглубь и вдоль нее здания обеспечения: столовая, КНС⁵, медпункт, подстанция и автопарк; еще дальше – штаб и плац с казармами. И в самой дальней части территории, отделенной еще одним периметром, находилось то, зачем, собственно, они сюда и сунулись – огромные ангары с несметными богатствами.

– Вот. – Добрынин ткнул пальцем в схему, показывая девушке второй периметр. – Вот сюда нам надо. Если будет возможность, пройдемся и по казармам. Но вот здесь, мне кажется, должно быть повеселее, чем в КХО⁶.

– Не проще ли сразу КАМАЗ подогнать? – невинно осведомилась Юка. – Зачем туда пешком топать, если можно на колесах?

– КАМАЗ наше средство эвакуации. Что там дальше, мы не знаем. И рисковать не будем, – пояснил Данил. – Там, где пролезет человек, техника иногда и не пройдет. Особенно если там аномалия неизвестная, мутант-динозавр, пожирающий механизмы, или просто боец с РПГ спрятался. Так что руки в ноги – и вперед.

Дозиметр, успокоившийся было в здании, на улице вновь заверещал. Добрынин, озабоченно глянув в окошко, только головой покачал: сто двадцать рентген. Хотя демрон Юки и был двойным, все же и у него существовали допустимые пределы. И если фон залезет за пять сотен – нужно отправлять ее в КАМАЗ. Хотя понятно, что девчонка боевая и будет против, но тут Добрынин, едва ли не на каждом занятии внушавший ей уважение к дисциплине, уже достиг некоторых успехов. Однако, то на тренировках. А вот как она поведет себя в боевой ситуации, он не знал.

Отстойник они миновали без проблем. Площадь была пуста, боксы закрыты. Добрынин хотел было полюбопытствовать, но ворота, запертые на навесные замки и опечатанные закаменевшей от времени пластилиновой печатью, поддались бы разве что «Тайфуну». Решил

⁵ КНС – канализационно-насосная станция.

⁶ КХО – комната хранения оружия.

оставить это дело напоследок: куда больше его сейчас волновали ангары и то, что скрывается внутри.

Пройдя отстойник и встав у крайнего бокса, Добрынин осмотрел пространство впереди. Часть стояла в лесу – скорее всего для маскировки от наблюдения со спутников, – и потому открытых пространств тут практически не было. Все под кронами деревьев, укрыто естественной природной маскировкой. До некоторой степени открытыми оставались разве что асфальтированная площадь отстойника и дороги между зданиями. То же, что было некогда газонами, теперь быстро зарастало подлеском и молодыми деревцами, в некоторых местах образуя прямо-таки непроходимые заросли. И сталкерам это было на руку.

– Сейчас вперед двинем, – нажав кнопку тангенты, сказал Добрынин. – Идешь строго за мной, держишь тыл и левый фланг. Мое – по фронту и право. На любое движение, на любую непонятку – оповещаешь и ждешь команды. Ясно?

– Принято, – последовал короткий ответ.

Добрынин обернулся. Глаза девушки за стеклами противогаза были как никогда внимательны, да и вся фигура ее буквально излучала этакую собранность, сосредоточенность. Хорошо.

Пошли. Оторвавшись от кирпичной кладки бокса, Добрынин осторожно двинулся вперед, держа наготове дробовик. Винторез – на правом боку, полностью боеготовый, стоит только руку вниз бросить да фастексом шелкнуть. Однако сильно сомневался, что винтовка понадобится ему здесь, на коротких расстояниях, и потому первым стволом решил взять дробовик. Картечь – она тут как-то понадежнее.

До здания столовой – шагов сто – добрались без происшествий. Вокруг стояла тишина, только весенний ветерок в кронах шумел. Обозначив напарнику задание – стоять и смотреть по сторонам, – Данил заглянул в ближайшее окошко. Увидел большой зал с грудой беспорядочно раскиданного по полу хлама: железные столы и стулья, кастрюли, миски, ложки, кружки, подносы... В дальнем углу, правда, ровными рядами стояло с десятков столов с перевернутыми стульями на них, словно подразделение, отобедав, аккуратно убрало за собой и удалилось, но в остальном полный бардак, будто ураган прошел. Пусто, ни единой живой души, дозиметр за сотку зашкаливает – однако приглядевшись повнимательнее, Добрынин вдруг сообразил, что с этим утверждением нужно бы поосторожнее: на пыльном полу, который сквозь лишенные стеклом окна подметал с завидной регулярностью ветер, овальными пятнами проступали непонятные следы. И следы были не звериные.

– Повнимательнее по сторонам, повнимательнее, – оглядывая зал, сказал он в гарнитуру. – Следы вижу, чьи – не ясно. Ни разу такие не видал.

– Вокруг чисто.

Оглянулся – Юка, стоя в метре от него, озиралась по сторонам, поводя стволом автомата.

– Крой. Я сейчас.

Забрался внутрь, присел, пытаюсь разобрать, что же это он такое видит. Посмотрел под разными углами, даже ковырнул... Непонятно. Но, судя по всему, следы недавние. Сколько же по времени? Часа два-три? Возможно... Ветерок, гуляющий по залу, подсыпал время от времени пыли и песка и уже частично затер их, и потому четко определить время и принадлежность следа было сложно. Он развернулся, снова пытаюсь поглядеть под другим углом... и вдруг понял. Это был след голый человеческой стопы, но только ее подушечек и пальцев, будто кто-то прошел здесь, поднявшись на носочках! Выродки?..

Выбравшись наружу, Добрынин застал Юку на той же позиции: сама у стены на правом колене, приклад у плеча, ствол автомата шарит по зарослям. Хмыкнул одобритительно – может, и поторопился с выводами... Дисциплиной второй номер, похоже, не обделен.

– Что там? – завидев старшего, тут же спросила она.

– Похоже, выродки, – озираясь по сторонам, ответил Добрынин. – По сторонам смотришь – это хорошо, все ты правильно делаешь. Но и на крыши не забывай поглядывать. Эти твари здоровы сверху сигать. И каменюкой запулить метров со ста для них в порядке вещей. Прилетит как из пращи, башка всмятку. Шлем тебе нужен. Не подумал об этом...

– Может, кастрюлю приспособим? – усмехнулась Юка – но Данил все же почувствовал, как напряглась она после его слов.

– Кастрюлю – не кастрюлю, а вот в казармы заглянем. Простая армейская каска уже поможет. А они там обязательно должны быть.

Обойдя столовую, двинули дальше. КНС прошли даже не останавливаясь, а вот у медпункта пришлось задержаться: Юка, как истинный медик, желала знать, не осталось ли там чего полезного. В результате, обшарив оба этажа, она нагребла огромное количество бинтов, ватных тубусов, марли и прочего медицинского барахла, включая и какие-то непонятные Данилу жутковатого вида инструменты. Все это было запаковано в полиэтиленовые пакеты и выглядело вполне работоспособным, даже почти новеньким. Хабар тут же навьючили на Добрынина. Юка сияла – это было видно даже по щурящимся глазам в стеклах противогаза.

– Довольна, что приехали? – поглядев на нее, спросил Данил.

– А то! Ты не представляешь, как все это быстро заканчивается! Вас же хрен допросишься по больницам пройти. Кипятить приходится, использовать многократно – и все равно очень скоро эти тряпки расползаются. А тут полон рюкзак. Вот приперло!

– Теперь бы и мне так же приперло... – пробормотал Добрынин, все мысли которого вертелись вокруг ангаров.

Шутка ли!.. Если хотя бы один них полон так же, как и у войсковых в Сердобске, оттуда оружия можно на всю Пензу вывезти, не то что на общину энергетиков. Такого большого куша у него в жизни еще не было, даже когда караван Хасана развалили.

Пока все шло ровно, если не считать неуклонно поднимающегося фона. Чем дальше они двигались, тем все выше и выше лезла радиация. У столовой было сто двадцать. У КНС – сто пятьдесят. Еще сотня метров – и у медпункта шпарило уже двести. Это наводило Добрынина на одну не очень утешительную мысль: северо-атлантические «партнеры» все же успели отметить и здесь. И если удар пришелся по южной оконечности объекта, то вполне может быть приперло здесь только Юке.

Подстанция была мертва. Проходя мимо, Добрынин специально остановился и долго рассматривал оборудование сквозь решетчатую ограду. Самый первый выход его в составе группы сталкеров, был на одну из городских электрических подстанций, в районе Арбеково. И перед вылазкой Мамонов специально организовал несколько занятий по ликвидации технической безграмотности – сталкеры должны были знать, что им добывать и как выглядит то или иное оборудование. Так что теперь Добрынин все же мог худо-бедно отличить трансформатор от разрядника. Так вроде бы говорил – или еще скажет? – дед Сидорыч... И что самое главное, он мог отличить работоспособное оборудование от безнадежно испорченного. Так вот на этой подстанции все выглядело хоть и позабытым-позаброшенным, но не безнадежным. И это, опять же, надо взять на заметку, вдруг пригодится? Для ремонта, на ЗИП – да мало ли... Правда, чтоб лезть сюда, нужно будет всех поголовно в демроны одевать, но это уже Мамонову решать, стоит ли игра свеч.

После подстанции был автопарк, последнее здание обеспечения. Дорога здесь раздваивалась – основная уходила прямо, к штабу и казармам неподалеку, а второстепенная исчезала в распахнутых настежь воротах парка. Автопарк и его боксы интересовали Добрынина, может, чуть меньше, чем ангары, и пойти мимо было никак не возможно.

Автопарк представлял собой большую площадь, ограниченную с трех сторон боксами с техникой, и частично с четвертой – зданием, в котором находилась собственно автомобильная служба объекта. Дверь была приоткрыта, и по тому, как она надежно, сантиметров

на десять, вросла в нанесенную вокруг пыль и мусор, из которого торчало несколько молодых одуванов, можно было с уверенностью сказать, что автобатаром не пользовались с самого Начала.

– С одуванами поосторожнее, – не забыв отметить этот момент, предупредил Юка Данил. – Семечки опасны.

– Я знаю. У нас один из профессоров так погиб, Валентин Карлович. У него брат остался – так вот он поклялся, что средство от этих одуванчиков найдет.

– А у него, случаем, погонялы нет никакой? – мгновенно насторожился Добрынин, не переставший время от времени задумываться о человеке по прозвищу Ботаник. – Ну... Биолог там... Ботаник... или еще какое.

Юка помотала головой:

– Нет. У нас клички вообще не распространены: интеллигенция. Все по имени-отчеству. У вояк – там да, а в Ученом Совете на дух не переносят.

– Ладно... Будем искать, – пробормотал разочарованно Добрынин. Кровь из носу – Ботаника нужно было найти! Впрочем, девять лет еще впереди. Отыщется...

Оставив девушку у ворот посматривать за подходами, Данил обошел площадь по периметру, осматривая ворота каждого бокса. Всего их тут было два десятка, и из них лишь один оказался не заперт. Добрынин, подсвечивая фонариком, заглянул в его темное нутро – и вот тут его ждал самый настоящий сюрприз. Да какой! В боксе стоял БТР! Причем не старье, семидесятый или восьмидесятый – а самый натуральный восемьдесят второй, поставленный на вооружение почти перед самым Началом. С тридцатимиллиметровой автоматической пушкой в башне и ПКТМ в надстройке модуля. Вот и ему приперло!

– Добрыня – Матильде! – зажав тангенту, обозначился он. – Шустрее сюда! Нашли!

– Что там? – Женское любопытство тут же взяло верх, и девушка, покинув позицию, едва ли не бегом устремилась к нему. Заглянула в бокс и восторженно протянула: – О-о... Вот это да... А он рабочий?!

– Ему десять лет всего, – усмехнулся Добрынин. – Конечно он рабочий. Ну, может, проводку придется менять да разные резинки-сальники. И топливо проверить, не запарифинилось ли. Вот и появится у нас своя броня. Ты только подумай: это мы в одном боксе такое отыскали! А что в остальных?!

– Это я удачно зашел... – пробормотала Юка что-то смутно знакомое Добрынину и, махнув широким жестом в сторону боксов, спросила: – Остальные сейчас будем вскрывать? Или сначала этот оттащим?

– Ты подожди. «Оттащим»... – осадил ее Данил. Подтолкнул внутрь, ухватился за ручку воротины, потянул на себя и, громыхнув засовом, запер бокс изнутри. – Сначала этот осмотрим. А там дальше видно будет. Ты снаружи, я внутри. Работаем.

Осмотром они остались довольны. Двигатель вроде бы в норме, как утверждала Юка, которая разбиралась в этом все же побольше старшего товарища. То же самое она сказала и о ходовой части: приводы и торсионы на вид исправны, резина целая. Руки чесались попробовать завести, но лучше бы сначала большое ТО. На сцепку – и на подстанцию. Там ремонтники быстро скумекают, что к чему.

Вся боевая часть так же сохранилась полностью – Добрынин чуть ли не обнюхал вооружение броневика, осмотрев и с дульной и с казенной части, и пушку, и пулемет. И боекомплект, уложенный в плотно закрытые патронные коробки, вообще не пострадал, разве что на лентах легкие пятнышки ржавчины. Вероятно, дало о себе знать то, что боевая машина все время стояла в боксе с хорошей естественной вентиляцией, не подверженная внешним воздействиям. И скорее всего бокс этот был до поры до времени заперт – вокруг открытой воротины неросло ни мусора, ни земли. Но кто его открыл?.. Это была загадка.

Зарядив оба агрегата и прицепив к проушинам нижнего броневика жесткую сцепку, он задумался. Коль скоро путь до автопарка был свободен и обнаружился такой хабар – требо-

валось подогнать «Тайфун» поближе. Пусть под боком будет, таким форпостом на неизвестной территории, тем более, что и аномалий, могущих поглотить их эвакуотранспорт, вокруг не наблюдалось. А вот в поддержку против хозяина загадочных следов – вполне может и сыграть. Затратив полчаса времени, сходили назад и вернулись уже на шести колесах. Загнав машину кормой в ворота, Юка поставила ее в дальний угол, напротив въезда в парк, перпендикулярно вскрытому боксу, чтобы не мешала до поры.

– Ну что? Будем заводить? – выбравшись из кабины, спросила она. Похоже, очень уже не терпелось ей утащить этот первый в ее жизни – да какой! – хабар.

– Сейчас на выбор еще пару боксов вскроем, – подумав немного, решил Данил. – Потом и попробуем. Если не пойдет дело – КАМАЗ подгоним, зацепим этого зверя. И дальше пойдем. Нам здесь не только технику – нам еще и стрелковку найти. Чтоб у каждого в поселке был ствол, а не через одного.

– А как вскрывать? Ворота ломать?

– Канцелярия автобата – вот она. Там ключи должны быть.

Как он сказал – так и оказалось. Комната дежурного располагалась сразу напротив входа, окнами на другую сторону, на штаб. И там, в большом металлическом ящике рядком висело девятнадцать ключей – ровно по числу запертых ангаров. Двадцатого не было, но Добрынина это сейчас не волновало. Он подхватил сразу пяток ключей с номерами на выцветших бирках, них и вдруг краем глаза уловил какое-то движение за окном, вдалеке, за штабом. Приник к окошку, выглядывая наружу – и медленно, осторожно, отодвинулся с освещенного прогала в сумрак комнаты. На плацу, метрах в трехстах от здания автобата, что-то происходило. Подробности сквозь донельзя пыльное окно он разглядеть не мог, но и без того было понятно, что ничего хорошего, доброго и светлого в этой богом забытой радиационной преисподней происходить не могло.

– Добрыня – Матильде! Уходи с улицы! В здание, ко мне, быстро!

Юка, безошибочно опознав в его голосе тревогу, мгновенно оказалась у дежурки. Вскинула голову в немом вопросе – Добрынин, знаком показав «тишина», поманил ее за собой.

Работая парой, они быстро осмотрели комнаты второго этажа и, обнаружив в одной из них разбитое окно, заняли ее как наблюдательный пункт. Второй номер держит коридор, первый – ведет наблюдение. Вытащив бинокль, Добрынин осторожно выглянул наружу, наводя его на плац...

Таких он еще не видывал. На плацу ровными шеренгами стояли огромные жуткие уроды. Сколько их было?.. Начав считать, он сбился на пятом десятке, не дойдя и до середины. Несомненно, это были гуманоиды, ибо стояли они прямо, имели две нижние и две верхние конечности. Однако на этом все сходство и заканчивалось. Данил, ощупывая взглядом крайнюю фигуру, пытался понять, что же здесь не так, в чем подвох – и наконец, сообразив, в очередной раз был просто поражен изобретательностью матушки-природы, помноженной на радиацию и химию-бактерию. Несомненно, когда-то это были люди, и скорее всего, солдаты этой же части. Но за годы, прошедшие с Начала, облик их кардинально изменился. Каждый – как мнимум на две головы выше и в два раза шире обычного человека. На каждом – вросшая в голову каска, делавшая ее похожей на большую зеленоватую сферу, и так же вросший в тело бронжилет. Кроме этой, то ли искусственной, а то ли ставшей уже естественной защиты, каждый из солдатиков имел толстые плоские наросты на руках и ногах, сродни поножам и наручам у рыцарей на картинках в книгах. Верхние конечности – здоровенные, мощные, с цепкими длинными пальцами; нижние – огромные ляжки, указывавшие на невероятную силу ног, толстые бугры икроножных... и дополнительный сустав внизу, типа скакательного у лошади или собаки, мутировал из пятки.

Это давно уже были не люди. Это были настоящие машины для убийства.

Как завершение демонстрации всей этой невероятной мощи, каждый из них держал на ремне автомат, обычный армейский калаш, а справа и слева на поясе висели подсумки с торчащими наружу магазинами – и по тому, как монстры придерживали свое оружие, было понятно, что и пользоваться им они умеют в совершенстве.

И тем поразительнее было то, что в данный момент страхолюды стояли навтыжку перед пузатым карликом, вперевалочку вышагивающим взад-вперед перед строем и что-то верещавшим визгливым пронзительным голосом. Каждое из этих мощных созданий было в два раза выше его и могло сплющить карлика одним ударом, однако, похоже, никому из них даже и в голову не могло прийти поднять руку на своего командира.

Добрынин оторвал бинокль от глаз и медленно-медленно, чтобы не выдать себя резким движением, сполз за подоконник. Нужно было уходить, ибо ловить тут ему одному, с впервые вышедшим «в поле» напарником, было нечего. Сюда нужно человек триста-четыреста – и тогда еще вопрос... Неизвестно, справится ли он сам хотя бы с одной такой тварью, сойдись они в рукопашку. А их там под сотню! Ведь это даже не выродки. Это даже не следующая ступень их эволюции, если она конечно есть. Это что-то иное... Как боец спецназа многократно превосходит обычного солдатика-срочника, так и эти «спецы» наверняка много функциональнее любого, даже самого здорового, выродка!

Но как же БТР?! Ведь жаба задушит здесь оставить! А остальные боксы? А ангары?!

Поманив сгорающую от нетерпения девчонку, он передал ей бинокль и, кивком указав на окно, сам занял ее позицию. Пусть полюбуется. Что там куропаты... Вот кого Ученому Совету притащить – сдохнут же от восторга!

Юка наблюдала минут пять. Сопела под нос, бормотала что-то тихонечко на одном ей известном языке, вроде бы и русском, но пересыпанном таким количеством специальных терминов, что Данил, как не вслушивался, так и не смог ее понять. Наглядевшись, вернула бинокль и разразилась речью, суть которой сводилась к следующему.

Нельзя утверждать, что никто и никогда не проводил экспериментов по заражению живого организма штаммами вирусов биологического оружия с одновременным облучением радиацией. Результаты, конечно же, были засекречены, и широкой общественности о них не докладывали и кто знает, что могло получиться и как могла пойти мутация. Вполне возможно, что организм просто умирал, не выдержав страшнейших нагрузок. Но если выживал?... Выродки – одичавшие люди – и их детеныши во втором-третьем поколении, попавшие под воздействие малых и средних доз радиации – свидетельства тому. А еще – полковник Родионов, который, судя по рассказам Данила, тоже мутировал в предельно короткие сроки. А ведь здесь дело могло обстоять и похуже... И если догадка о происхождении такого высокого радиационного фона верна, и где-то на окраине объекта есть она, эта проплешина с остекленевшей от страшных температур поверхностью, вполне может быть, что кроме атома тут поработали и отравой. А если это так, то эти существа на плацу прямое следствие этой работы.

К концу речи Данил уже не слушал. Юку эти организмы интересовали прежде всего со стороны изучения, а вот его, сталкера, с малых лет обученного выживать в нечеловеческих условиях, занимало немного другое.

– Куда им стрелять? В голову? Или в грудину? – решительным жестом прервав ее рассуждения, спросил он.

– Судя по всему, и то, и другое – хорошее место для поражения, – подумав немного, ответила Юка. – Они защищены, да, но это значит, что мутация могла собрать все важные органы как раз за этой броней. Да, собственно, они и у человека там же находятся. Уверена, что ее можно пробить... – Она вдруг осеклась и спустя долгую паузу неуверенно спросила: – Ты что же... воевать собираешься? С одной винтовкой и калашом?..

– Бэтэр мы тут не бросим, – ответил Добрынин, вновь выглядывая наружу, чтоб проконтролировать плац. – Его в любом случае надо вытащить. Он нам жизненно необходим, а где еще можно найти я не знаю.

– Но с двумя стволами...

– На бэтэре и пушка стоит, и пулемет. И на «Тайфуне тоже». Так что какое-то тяжелое вооружение у нас есть...

– И что будем делать? – помолчав немного, с глубоким сомнением в голосе спросила Юка.

Добрынин задумался. «Тайфун» он трогать никак не хотел. Сюда подогнали и этого достаточно. Эта машина как последнее и единственное средство передвижения, не должна быть повреждена ни при каких условиях. И разумнее всего – не лезть дальше на рожон, а ограничиться тем, что они уже поимели. Заведется ли БТР, нет ли – нужно валить отсюда. В крайнем случае брать находку на прицеп и тащить в поселок, а там уже разговаривать с Мамоновым и возвращаться с подкреплением. Как бы не хотелось ему сразу и безоговорочно поразить главу общины, эффектно заявившись с пятью бэтэрами, но и один броневик тоже неплохой вариант. Да что там неплохой... Отличный! В разы поднимет боеспособность поселка!

– Делаем так, – приняв решение, заговорил он. – Сейчас выходим осторожно, чтоб это зверье не потревожить. Подгоняем «Тайфун», цепляем БТР – и домой за подкреплением. Всё, вперед.

Юка кивнула, поднимаясь, и, глянув за окно, застыла в полуприседе, вертя головой вправо-влево. Добрынин, уже понимая, что увидела она что-то не совсем хорошее, подскочил, сразу же высматривая плац... Там было пусто.

Начинались приключения.

* * *

Он жил в логове. Впрочем, жил – это сильно сказано. Существовал, не помня себя, не умея отдать себе отчет, не понимая своих действий. Мозг, данный ему от рождения – почему-то он знал об этом, но вот откуда? – словно спал глубоким мутным сном, временами выныривая из забытья, чтобы выглянуть наружу из черепной коробки. И снова – сон, длиной в недели, месяцы, годы.

Так для него шло время.

С какого-то момента он вдруг смутно начал осознавать окружающее. Большое открытое пространство, покрытое ровными прямоугольными камнями, называлось «плац». Трехэтажное здание, его логово – «штаб». Длинные одноэтажные кирпичные бараки по периметру – «казармы». И снующие вокруг существа, почтительно замирающие при его приближении, – они все тоже кем-то были... Но кем? Он знал это когда-то... но сейчас вспомнить не мог.

И – это было все. Лишь кратковременный проблеск разума в окружающей его тьме. Но он боролся. Раз за разом, выныривая из стоялого болота спутанных мыслей и блеклых образов, он силился понять, вспомнить, кто он и что он. Временами что-то получалось, и тогда перед его внутренним взором мелькали картинки из прошлой жизни, приносящие невыносимую боль и горечь... Временами – нет... Но всегда эти усилия забирали столько нервной энергии, что мозг снова впадал в ступор, а тело начинало жить само по себе, руководимое лишь инстинктом и рефлексам.

Однажды осознав, что проснулся, он обнаружил себя в странном месте. Он стоял на площади, ограниченной с четырех сторон рядами металлических квадратов, и держал в руке – лапе? – какой-то предмет. Это была железная полоска с зубчиками на одном конце и петель на другом – но что это, для чего, откуда – этого он не знал. И вокруг опять сновали эти существа, каждое из которых было гораздо выше, шире и мощнее, но которые почему-то повиновались ему беспрекословно. Один из квадратов был открыт, и там, внутри, в сумраке пещеры,

скрывалось что-то очень и очень опасное. Он знал это из прошлой жизни, но теперь... теперь он осознавал только то, что этого зверя, еле уловимо пахнувшего металлом, мазутом, порохом и – кровью? – нужно было подчинить себе. И от результата зависело очень многое.

Мучительно пытаюсь вспомнить, понять, что же это и почему стойкое ощущение злое-щей опасности не покидает его, он словно приоткрыл какую-то дверцу в мозгу – и на него вдруг выплеснулся целый водопад ярких образов и воспоминаний. Но теперь это были воспоминания жизни не *до*, а жизни уже *после*... Вспышка белого света, яркого до невозможности, острой болью резанувшего до предела напрягшийся мозг! Он увидел себя со стороны – мелкого, уродливого, мерзкого – и этих больших существ, послушно стоящих в одну прямую линию... И он, держа в руках длинное железо с деревяшкой на одном конце, зачем-то прикладывает ее к плечу и тыкает пальцем в крючок, торчащий сбоку. Вспышка... и снова плац... И снова ровная линия больших. И снова в руках у него непонятное, – но теперь не железо, а длинный зеленый тубус. И он, тыча пальцем и взвизгивая, пытается рассказать, донести до них... А те, послушно внимающая, вертят в лапах такие же предметы и, кажется, понимают... Вспышка... он стоит возле установки на трех ногах – и снова рядом большие. Стоя в одну линию, они слушают...

И тогда понял, зачем он здесь! Он пришел сюда именно за этим зверем! Он должен заставить его служить себе так же, как раньше он заставил служить железо, тубусы и трехногие установки! Это было прозрение! Но вспышка... и павшая на него со всех сторон мутная серая пелена умиротворения.

Но ведь он не хотел! Ему не нужен был сон! Почему он не может?... Почему это *настолько* тяжело?!.. Напрягшись в невероятном, страшном усилии выбраться, вынырнуть наружу, подняться над серой пеленой забытья, он вдруг испытал такую дикую боль, что в бешенстве отбросил в сторону полоску металла и, подняв голову вверх, в небо, заревел во всю мочь своих легких. И существа отозвались на рев, сплотившись вокруг, готовые защитить его от любого внешнего посягательства.

И тогда пещера изрыгнула огонь.

* * *

...Мозг, пришпоренный адреналином, мгновенно выдал несколько вариантов, но оптимальным, пожалуй, был только один. Подхватив винторез и сдернув шпindel переводчика на автоматический огонь, Добрынин шустро выскользнул в коридор, дернув за разгруз Юки. Двигаться нужно было быстро, но тихо: наверняка у этих «солдатиков» не только мускулатура монструозно развита, но вполне может быть что и органы чувств тоже. «Тайфун» – в парке, какие же они молодцы, что озаботились! Руки в ноги и валить поскорей!

На улице было пусто. Покрутив головой и сориентировавшись, Добрынин пихнул девушку к КАМАЗу – подгоняй к боксу! – а сам, углядев с торца здания лестницу, в несколько прыжков взлетел на крышу. Выглянул осторожно за кромку, пытаюсь обозреть сразу все видимое пространство, и увидел их. Существа двигались парой, рядом друг с другом, организованно. Они явно шли не просто так, а по какому-то определенному маршруту, посреди дороги, держа руки на автоматах и, медленно поворачивая вправо-влево сферы голов, посматривали по сторонам – в общем вели себя так, будто выполняют ежедневное рутинное патрулирование территории!

Разумны?!

Маршрут их монстров пролегал мимо парка, и Добрынин понял, что, поравнявшись с воротами, они обязательно увидят непрошенных гостей. Улегшись плашмя на крышу, он взял на прицел пространство между створок. Расстояние полста метров, винтовка на автомате, по несколько пуль он в каждого обязательно всадит. Вот и посмотрим, как у них обстоит с броней...

Оба мутанта появились в поле зрения разом. Первый, коротко глянув внутрь, тут же остановился и настороженно уставился на безмолвно стоящий КАМАЗ. Второй же повел себя по-другому: плавным движением перетек влево, уходя с открытого пространства и полностью укрываясь за воротинной, выставляя наружу только часть сферы и автомат, и немедленно прицелился в стекло броневика, туда, где неясным пятном маячила девушка. И тогда Добрынин, не раздумывая больше ни мгновения, нажал спусковой крючок.

Как ни пыталась тварь укрыться за створкой – выстрел получился точным. Вся очередь ушла между кромкой металлического листа воротины и верхним краем шлема, в открытую для поражения часть головы. Мутанта отбросило назад, глухо стукнул по асфальту шлем, лязгнул автомат. Напарник его дернул с плеча ремень, и Добрынин, будучи абсолютно уверен, что мутант будет уходить влево, где расстояние до укрытия было меньше, повел стволом на опережение... Но тварь вдруг, мощно толкнувшись конечностями, взмыла вверх и, пролетев от ворот до здания, упала прямо на крышу. Данил аж рот раскрыл – это ж не меньше пятидесяти метров! Не давая ему опомниться, существо вскинуло ствол, и Добрынин, понимая, что это его единственный шанс уйти с траектории выстрела, толкнувшись руками, ухнул вниз. И тотчас же длинной очередью, наверняка, ударил пулемет «Тайфуна». Длинная – и через секунду еще одна, такая же, на дострел.

Упал удачно – на спину, не почувствовав ничего, кроме мягкого тупого удара о землю. Подскочил, принимая на контроль пространство над крышей, но там было пусто. Попала?..

– Готов! Дань, он готов! – в восторге заорала Юка, и Добрынин аж поморщился от прилетевших в ухо децибелов. – Я его длинной очередью положила, в грудь! Он упал, и я ему в голову, там аж в кашу все!

– Сиди на месте, себя не выдавай! – скомандовал он, забрасывая за спину винтовку и срываясь с места к воротам. Шустро соображают, суки! За укрытие уходить не стал, мгновенно вычислил, что очередь на опережение пойдет. А может, ему так вот сигануть проще... Как бы то ни было, короткое столкновение уже дало примерное представление, чего стоит ожидать. Хорошо хоть в пулемете БП⁷ стоят, а то ведь хрен его знает, как оно повернулось бы...

Подскочив к воротам, выглянул наружу – пусто. Впрочем, радоваться не стоит, тишина эта ненадолго. Сейчас подорвутся по тревоге и очень скоро будут тут. Пнув тело ногой и убедившись, что тварь упокоена надежно – под каской сплошное месиво из мяса, кости и черной пузырящейся кровищи, – Данил, крикнув от натуги, подхватил его, забросил на плечо и потащил к двери в здание автобата. Здесь и бросил, расположив так, чтоб создавалось впечатление, будто очередь пришла из здания и завалила бойца прямо на входе. Второго, забравшись на крышу, скинул сюда же. Наспех, конечно... но это лучше чем ничего! Авось некогда им будет следы-то читать! С первого взгляда картина такова: пришел патруль с проверкой, а из задания обоих и уложили. Вокруг никого, значит, враг все еще внутри!

Честно сказать, больше никаких наметок у него и не было. Вся надежда на то, что разум у тварей на уровне обезьяны, больше инстинкт и рефлекс. Чтобы сопоставлять и анализировать голова нужна. И если эти существа хоть что-то сохранили, им с Юкой придется туго.

– Оставайся в кабине за пулеметом, – бегом пересекая двор второй раз, скомандовал он по связи. – Сядь на пол, чтоб через стекло не светиться! По команде – огонь!

– Принято, сделаю, – тут же отозвалась девушка, прекрасно понимая всю серьезность положения. Это ж надо так попасть в первом же выходе!

Оказавшись в боксе, Добрынин приоткрыл вторую воротину, чтобы получился створ в несколько метров, влез на броню, распахнул люк и, немного покорячившись, ободрав плечи и спину о металл, забрался внутрь. Задраил, с горем пополам уместился в кресло стрелка-

⁷ БП – бронебойный патрон.

оператора, снова мысленно возблагодарив себя, что подготовил вооружение к стрельбе. И вовремя! Наушник щелкнул помехами, и Юка тонюсеньким голоском зашептала:

– Даня, идут, идут они... в воротах уже показались... и на крыше трое... Карлик с ними!..

– Сидим тихо, – так же шепотом отозвался Добрынин, примерно представляя, что сейчас испытывает девушка одна в кабине. – Достать тебя не смогут, броня. А чуть что – сразу в модуль и там запрись! Что они делают?..

– Входят, – помедлив, отозвалась Юка. – Грамотно входят... Окна на контроль... Гуськом идут, вдоль боксов, прямо к тебе! Стреляю?!

– Нет! Тихо, тихо, успокойся, – зашептал Добрынин, вкладывая в голос как можно больше убедительности. – Я в бэтэре сижу, в безопасности... Надо чтоб они площадь заполнили... Тогда уж и врежем... Жди пока, жди...

Сам же, пытаясь даже не дышать, напряженно глядел в забранный стеклом люк в лобовой броне корпуса. Узко, черт, это вам не «Тайфун», но уж что есть...

Долго ждать не пришлось: мутант вплыл в поле зрения спустя буквально через полминуты. Появился слева, из-за открытой воротины, остановился прямо перед броневиком, вглядываясь в сумрак бокса. Похоже, ничего опасного не увидел, но простым осмотром не ограничился. Легонько толкнувшись от земли, вспрыгнул на броню, отчего БТР качнулся всем корпусом – и Добрынин скорее почувствовал, чем услышал, как тварь шарится взад-вперед у него над головой. Стукнуло прямо над макушкой, царапнуло чуть левее, потом – сзади, на корме, раздался глухой удар... Данил, крутя торсом и держа винторез наизготовку, водил стволом по задраенным люкам, следуя за деятельностью наверху. Адреналин шпарил – мама не горюй! Он не представлял, что будет делать, если этой твари окажется по силам вскрыть люк. Кто знает, сколько там силищи... Выстрел-то он успеет сделать, а что дальше?

Обошлось. Существо, закрыв на мгновение свет в люке наблюдения, скользнуло по наклонной лобовой броне, спрыгнуло с корпуса и, махнув конечностью в сторону, осторожно двинулось дальше. Следом мимо бокса прошел еще один, и еще, а за ними, переваливаясь с ноги на ногу, словно пингвин, в обзорном люке появился пузатый карлик. И вокруг почетной свитой маячил добрый десяток сопровождения.

Встав в воротах, перетаптываясь с ноги на ногу и лупая мелкими глазками, карлик устался на БТР, наклоняя голову, похожую на сморщенную незрелую тыкву с торчащими вокруг пучками седых волос то к одному, то к другому плечу. Добрынин словно почувствовал его напряжение... ленивый, медленный, не способный к разумному мышлению мозг пытался определить, что же он видит перед собой. Понять – а может быть, вспомнить?.. Движения карлика становились все медленнее, и вдруг он словно окоченел, замерев без единого движения. Текли секунды. Солдатня продолжала топтаться вокруг, временами полностью заслоняя своего командира. Данил, все так же замерев, ждал, держа руки на штурвале управления огнем... Минута. Вторая... Долго еще?! Он почувствовал, как внутри него потихоньку зарождается злость... Так можно и день просидеть! Пацаны, пните там своего командира, он завис!

Словно услышав этот мысленный посыл, карлик вдруг дернул рукой и, подняв морду к небу, заревел. Существа, реагируя на команду, мгновенно сгрудились, уплотняясь, пытаясь укрыть вожака своими телами... И Добрынин, понимая, что лучшего шанса ему уже не представится, рывком сместил ствол пушки чуть влево, прямо на его тщедушное тельце, и дернул рычаг управления огнем.

Автомат дудухнул – коротко, солидно, – и карлик взорвался, разлетаясь ошметками во все стороны. Нижняя часть тела улетела к зданию, верхняя, фонтанируя на лету перебитой аортой, – куда-то к воротам. Данил тут же повел башню вправо, непрерывно выжимая рычаг спуска и кося замерших в оцепенении мутантов, – и мгновением позже справа подключилась Юка, вгрызаясь длиннющей очередью прямо в толпу. Массовку перед БТР срезало сразу. Тридцатка без помех была по пять-шесть тел и улетала дальше, в стену автобата, кроша кирпич

и пробивая огромные сквозные дыры – и довершала разгром семерка, доставая тех, кто сумел чудом проскользнуть между болванками автоматической пушки. В воздухе, выбиваемая из тел свинцом, разом повисла алая взвесь, оседая на телах и бетоне капельками налета, собираясь в лужицы на земле; во все стороны летели ошметки плоти, и Данила внезапно пробила крупная дрожь! Уж он то знал, как пахнет сейчас снаружи – тяжелым парящим запахом крови и внутренностей, смертью.

Пушка, лязгнув металлом, умолкла – вышел боезапас. Юка еще стреляла куда-то, очевидно, разгоняя остатки, – Добрынину пока было не до того. Вскочив с кресла, он приник к стеклу обзорного люка, пытаясь высмотреть хоть какое-то движение снаружи, но на площадке было пусто. Подергивались лежащие беспорядочной грудой, размочаленные в тряпки тела, свидетельствуя о высочайшей нервно-мышечной активности – и ни единой живой души кругом. Однако Добрынин, посчитав по головам побоище, прекрасно понимал, что тишина эта обманчива. Всего перед БТР сейчас лежало одиннадцать индивидов. Плюс те двое, что они положили самыми первыми. Остальные?.. Остальные бродили где-то рядом и были теперь взбешены донельзя.

– Добрыня – Матильде. Как у тебя? – обозначился он. – Кроме как перед воротами еще убитые есть?

– Еще трое, – тяжело отдуваясь, ответила девушка. – Я двоих на крыше уложила и третий на выходе из парка валяется.

– Итого пусть будет шестнадцать, – подытожил Данил. – А на плацу их было раз в пять больше! – И, вслушиваясь в ее прерывистое, вздрагивающее дыхание, спросил: – Ты как? Нормально?

– Нормально... Колбасит... адреналин...

Добрынин усмехнулся – бывает. В первый раз еще и не так...

– Что вокруг? Кого наблюдаешь?

– Чисто.

– Тогда садись за руль и кормой подходи к боксу. Сейчас цеплять будем. Я снаружи – ты внутри, на обзоре.

Выбираясь наружу, Добрынин малость очковал – да и все то время, пока торопливо цеплял петлю сцепки на буксирный крюк и перезаряжал пушку, его не отпускало звенящее чувство опасности. Юка, понятно, будет беречь любимого мужика до последнего, но ведь немудрено и пропустить атаку. Запросто! Прыгнет эта тварь с крыши, упадет на спину – вот тогда и опробует он свой уник в настоящем испытании! И что-то подсказывало ему – не так уж и много у него шансов. Однако, обошлось.

Лишь очутившись снова внутри броневика, Добрынин смог выдохнуть.

– Почему не в «Тайфун»? – выйдя на связь, спросила Юка.

– Нам вся огневая сейчас важна, – ответил Данил, вновь устраиваясь на месте стрелка. – Полезут – ответим.

– Домой?

И тут Добрынин задумался. Ведь какой же шанс! Поселку оружие надо добыть, хоть расшибись в лепешку! А до ангаров всего ничего, какой-то километр! И у них сейчас – мощнейший тандем, спарка! Это не пехом шкандыбать, на каждый шорох оглядываясь! Доехать по королевски, поглядеть, – а может, и прихватить чего – и назад! Искушение было велико... но все же Данил, мучительно пересиливая желание свернуть к ангарам, смог удержаться. Ибо хорошо известна и не раз подтверждена поговорка: жадность сталкера – губит!

– Налево поворачивай. Домой.

В наушнике раздался явственный облегченный вздох. БТР, дернувшись, тронулся с места, и, шурша шинами по асфальту, покатил к выходу из парка. Данил вздохнул полной грудью, намереваясь так же с облегчением выдохнуть, но выдох застрял на полпути: не про-

ехав и полсотни метров, КАМАЗ вдруг резко тормознул и начал резво пятиться назад. Добрынин подскочил, дернул башенный прицел, сунулся очками в его окуляры, пытаясь высмотреть, что же такое происходит снаружи, но безуспешно. «Тайфун», похоже, еще не вышел из парка, и прицел показывал только кирпичную кладку да серый бетон стен вокруг.

– Что там? Почему пятимся?

– Слева на дороге, триста метров, в районе столовой – засада! – пыхтя в гарнитуру, ответила девушка.

– Много?

– Да трое всего! Но у них там хрень какая-то стоит на треноге и тубус сверху торчит – я такой у наших вояк видела. Двое вокруг суетятся, а третий рядом, с автоматом. Я назад пока сдам, в воротах встану, не высовываясь...

Добрынин выругался, начиная понимать, что выбраться отсюда будет посложнее, чем влезли. Тубус на треноге – это наверняка что-то типа ПТРК!⁸ Какой-нибудь «Корнет», «Фагот» или подобное! Миленькая концепция типа «выстрелил и забыл». Вот это веселье пошло!..

– Осмотрись! Хоть одна тварь есть рядом? – запросил Добрынин и сам, выбравшись из кресла, сунулся поочередно во все имеющиеся окошки броневика, пытаясь высмотреть округу.

– Вообще никого! Хватило мясорубки, избегают прямого контакта! Но позицию на дороге правильно выбрали. Я только нос высуну – тут же ракетой получим.

Добрынин чертыхнулся. Заперты. Назад хода нет – кто знает, может с той стороны кроме ПТРК еще сюрпризы заготовлены? Ребятунки явно соображают, понимают, что непрошенные гости ухватили добычу и пытаются убраться восвояси. Значит – вперед?.. Да хоть бы куда, главное из западни автопарка выбраться!

– Справа помехи были?

– Справа пусто!

– Справа пусто... – пробормотал Добрынин. Уже легче! Значит, работаем сейчас налево, а потом уходим глубже и пытаемся прорваться через зону ангаров в поля. Подобрался к люку, открыл запор и, готовясь выйти наружу, сказал: – Сейчас так. Я на улицу, а ты перископ подними и смотри по сторонам на триста шестьдесят! И особенно крыши! А то они здоровы по крышам-то скакать...

– Поняла, наблюдаю...

Выбравшись из люка, прыгнул с корпуса на левую сторону, вдоль машин подобрался к воротам, и, улегшись на землю, выглянул из створа вдоль улицы. Успел ухватить позицию – тренога на обочине у самых зарослей, двое за установкой, третий тут же лежит – и сразу дернулся назад, укрываясь от обстрела. Очередь вышла точной, пули ударили в угол, рикошета от бетонной стойки. Пора! Добрынин, вскочив на ноги, чтоб сменить уровень и выиграть короткое мгновение, уперся правой ногой в землю, особо следя за тем, чтобы не вывалить колено или правый бок за плоскость бетонной стойки – и, вывесившись наружу, приник к окуляру. Доля секунды, которая понадобилась мутанту, чтобы поднять ствол и снова прицелиться, как раз и ушла на то, чтобы нашарить его голову и насадить на угольник прицельной сетки. Перехват инициативы в перестрелке довольно опасное занятие, и Добрынин прекрасно понимал, что рискует, но другого выхода, так чтоб оперативно решить проблему, он сейчас не видел. С другой стороны – уник давал ему гораздо больше шансов в такой ситуации, и потому нужно было по максимуму пользоваться его возможностями.

Два выстрела практически слились в один. Толчок в плечо, в подреберье, пуля, взвизгнувшая по шлему, – скафандр все выдержал. В ответ же Данил залепил короткую очередь прямо в морду стрелка, так же как и совсем недавно превращая все пространство под шлемом

⁸ ПТРК – противотанковый ракетный комплекс.

в фарш. Перевел ствол немного правее и такими же короткими очередями обстрелял двух операторов. В одного точно попал – был уверен в этом, в другого – нет, но обоих заставил отползти в кустарник и залечь.

– Выдвигайся на полкорпуса! За пулемет – и кроши установку! – заорал он, зажимая тангенту и продолжая держать позицию противника, готовый открыть огонь на любое шевеление.

«Тайфун» за спиной взревел и, выкатившись из ворот, открыл огонь. ПТРК дернулся несколько раз под попаданиями и, опрокинувшись набок, треногой кверху улетел к зарослям. В таком ракурсе он уже не внушал того уважения, что еще несколько мгновений назад, а выглядел как-то беспомощно и жалко. Готов.

Теперь – ходу!

– К ангарам! Вперед! – заорал Добрынин.

Вспрыгнул на корпус, хватаясь на поручень, и Юка рванула машину, закладывая крутой вираж, поворачивая направо по дороге. Добрынин мельком оглянулся – оба мутанта были живы и уже поднимались из кустов на обочине. Один дернул куда-то назад, в сторону столовой, а второй просто стоял и смотрел вслед, не пытаясь даже выстрелить. И на том спасибо.

Дорога была ровная, асфальт за десять лет почти не пострадал, хотя и зиял выбоинами, и потому Добрынин на броне чувствовал себя достаточно комфортно. Более того – сумел даже открыть люк и головой вперед нырнуть в нутро броневика, стараясь только уберечь во время этой акробатики оптику. Влез на ставшее уже таким родным кресло, приник к перископу, принялся крутить его вправо-влево, осматривая окрестности, но враждебных организмов вокруг более не наблюдалось.

– Видишь кого? – спросил он девушку – с трехметровой высоты обзор у нее всяко больше. – Или оторвались?

– Пусто.

– Что впереди?

– Ворота метров через триста. Дорога чистая. КПП слева от ворот, но тоже никого не вижу. Что делать?

– Долби ворота и лупи напрямиком к ангарам!

Что и было сделано. Данил даже удара не почувствовал – многотонный КАМАЗ, да еще и тянувший на прицепе машину броневика даже не запнулся. Мелькнули в лобовых обзорных люках разлетевшиеся на обе стороны створки ворот, и тандем из боевых машин, влетев за периметр, покатыл по бетонному полю к стоящим неподалеку ангарам. Добрынин, вновь прилипший к перископу стрелка, крутанул его, осматривая местность... и увидел ЕЕ! Гигантскую черную проплешину, сожравшую больше половины площади и огромный кусок местности за территорией объекта. След падения боеголовки.

– Видишь это?

– Вижу, – тут же отозвалась Юка. – Да, где-то тут ее и следовало искать. Наверняка и бактерией лупанули, чтоб надежнее протравить. Отсюда и мутации.

Данил, оторвавшись от созерцания этой черной печати апокалипсиса, сместил сектор обзора левее, подсчитывая уцелевшие ангары. Насчитал всего четыре, хотя на схеме внутри КПП обозначено было порядка двадцати штук. Остальные – в разной степени разрухи и негодности, некоторые полностью обуглены или раздавлены невообразимым давлением и температурой термоядерного взрыва, а трех самых крайних так и вообще в помине нет.

Тем не менее путь был свободен. Даже если идти не по пятому, а рвать периметр – колючая проволока для «Тайфуна» тьфу! Он вместе с ней, пожалуй, и столбы бетонные вывернет! Однако теперь Добрынин не собирался просто так уходить. Задержаться минут на десять, вскрыть хотя бы один ангар, посмотреть, что там внутри. Не станет ли впустую следующая вылазка? И вот если ангары полны... имея такую информацию, можно и поторговаться!

– Тормози у дальнего, – зажав тангенту, выдал он указание. – И наружу не лезь, стой под парами, смотри по сторонам. Я мигом.

Юка послушно вырулила левее и спустя полминуты остановилась. Добрынин, откинув люк, выбрался наружу, спрыгнул с корпуса, выдернул из креплений на броне металлическую полосу лома и бегом направился к воротам гигантского серебристого сооружения. Медлить нельзя. В любой момент могла заявиться монструозная охрана объекта, и кто их знает, с каким сюрпризом в этот раз?

– Дань, у меня в кабине дозиметр к тридцати подползает, – раздался вдруг встревоженный голос Юки. – И если внутри столько, что снаружи?!

Добрынин чертыхнулся. Про радиацию-то он со всеми этими скачками совсем забыл! А его дозиметр хоть и на поясе болтается, но звук отключен! И сколько ж там?.. Остановился у калитки в воротине ангара, нащупал на поясе дозиметр, глянул – и натурально обомлел. В окошке болталось что-то совсем уж несусветное: тысяча восемьсот рентген.

Чувствуя, как от ужаса по заправке пошла ледяная волна, поднимая дыбом волосы на коже, Добрынин, включив кнопкой режим калькулятора, произвел расчет – и не смог удержать вырвавшийся вздох облегчения. Один слой демрона ослабляет радиацию в тридцать раз. Но то – в идеале! Примем с допуском, не тридцать, а двадцать пять... Таким образом, трехслойный демрон скафандра удерживает примерно в семьдесят-восемьдесят раз больше; итого – двадцать пять рентген на выходе. Именно такую дозу он получит, если просидит здесь час. Два часа – первая степень лучевой. Пусть и не смертельно, но хорошего ничего нет, придется бэху жевать и в карантине валяться, ждать пока организм восстановится! А вот как Юка?!..

– Ты в комбинезоне? – обеспокоился он. – Упакуйся плотнее, капюшон накинй! Наружу не вздумай лезть, даже в демроне опасно! Внутри ты сейчас ноль принимаешь, а снаружи сорок будет!

– А ты?! – тут же завопила в ужасе девушка. – Ты сам-то как?!!

– Я двадцать пять выхватываю, – успокоил ее Данил. – Но мы недолго тут стоим. Только гляну – и назад!

Мощным рывком содрал с двери навесной замок, он открыл дверь и, подсвечивая фонарем, заглянул в ангар. Повел рукой вправо-влево, высматривая – и выругался протяжно, впечатленный открывшейся картиной. Металлические стеллажи с пола до потолка, а на них – коробка, ящики, ящички!.. Различного размера и конфигурации, большие и малые, толстые и тонкие, скомпонованные аккуратными кубами или просто стоящие в одиночку. На каждом – обозначение, и каждое – словно музыка для его ушей! Удержаться он не смог. Это было выше его сил! Наверное, где-то задним умом Данил понимал, что не сможет просто так уйти, дорвавшись... ну так зачем уходить просто так?! Подхватив сразу два ящика с калашами, он сдернул их со стеллажа и потащил на выход.

Минут двадцать он только и занимался тем, что лихорадочно носился взад-вперед и таскал ящики. Выносил через калиточку, пропихивал в боковой двустворчатый люк в корпусе бэтэра, влезал следом, оттащивал глубже в десантное отделение и снова бежал в ангар. Принес и калашей, и патроны к ним; и гранаты – Ф-1 и ГРД; и несколько СВД вынес... Нашел даже парочку ПКМ и – о чудо! – ВСС, подарок любимой девушке! И еще – целый ящик СП-5, снайперских, которых всегда был изрядный дефицит. Уже дважды выходила на связь Юка, прося его поторопиться и напоминая о жутком фоне, уже даже зло отругала, с применением непечатных, а он все таскал и таскал, не смея остановиться. Это было оружие! Это была – жизнь.

Остановился он тогда, когда десантное отделение было забито полностью. Удовлетворенно крякнув, выбрался наружу, запирая люк, окрыленный успехом первой парной ходки. Вот поперло так поперло! Получив такой арсенал Мамонов не то что в восторге будет – в вечные должники запишется! Это, может, и не пять броневиков, но тоже будьте-нате!

– Дань, у ворот шевеление, – выйдя на связь, отрезвила его Юка. – Я говорила – уходить надо!

– Вот сейчас и уходим! – отозвался Добрынин, запрыгивая на броню и падая около башни. – Поехали!

«Тайфун» выпустил клуб дыма, трогаясь с места, и одновременно с этим от ворот грохнул РПГ. Данил, за доли секунды распознав этот резкий удар, разнесшийся по всей округе, и шипящий звук, последовавший за ним, успел только распластаться на корпусе, пытаясь вжаться в него, стать маленьким и незаметным, и ухватиться за поручень. Ракета пошла! Прошляпили, м-м-мать!.. А следом, спустя мгновение, в корпусе броневика где-то с левого борта в районе кормы, закладывая уши, ударил взрыв. БТР подбросило, креня на правый борт, и какое-то мгновение он балансировал под углом, словно решая, завалиться ему или нет – однако рывок разгоняющегося КАМАЗ снова поставил его на колеса. «Тайфун» взревел двигателем, отвечая на форсаж от мехвода и, проломив колючую проволоку ограждения, ухнул в овражек за периметром, уводящий длинным извилистым рукавом на восток.

БТР потерял заднее колесо – оно просто исчезло, оплавленное жуткой температурой кумулятивной струи превратившись в оплавленный ком, смесь металла, резины и вкраплений корда. Боевой машине требовался серьезный ремонт – однако все это были мелочи. Ни ее огневая мощь, ни корпус, ни груз не пострадали, и это было куда важнее.

Мамонов, совершенно неожиданно для себя получив на руки десятки единиц стрелкового оружия и вдоволь патронов к ним – причем, не затратив ни материальных, ни людских ресурсов, – три дня летал, как на крыльях. Примерно в таком же состоянии был и Хруст: полученный арсенал позволял вооружить каждого бойца в поселке, оборудовать огневые точки для снайперов и пулеметчиков. Конечно, пошел в дело и броневик – его вскоре смогли отремонтировать силами заводской общины при взаимодействии с заявившимися в гости военными. Все это разом на порядок поднимало боеспособность поселка, и авторитет Добрынина улетел куда-то высоко-высоко под облака.

Вояки с горы, довольно скоро прослышав о появившемся у энергетиков броневике с их же складов хранения, немедленно пожелали нанести визит. Прислали сначала небольшую делегацию, договориться о времени встречи – всё как и раньше, во времена государств и высокой политики. А потом и сам генерал заявился.

По результатам визита был достигнут ряд взаимовыгодных соглашений. Поставки электроэнергии в обмен на боевую часть, договор об электроснабжении, договор об охране линий электропередач, договор о поддержке и взаимовыручке – и это были только самые крупные соглашения, положившие начало тесной дружбе и добрососедским отношениям. Все это было чрезвычайно важно для поселка, давало людям прочную основу для дальнейшего существования. А вот для вояк, вероятно, самым важным был договор о совместном освоении объекта – ОЗК и техника, имевшиеся у них, не способны были защитить людей от сильного излучения. Им нужны были демроны и «Тайфун», поэтому они готовы были неплохо платить, даже если это была не продажа, а лишь аренда. И четыре дополнительных броневика, вскоре появившихся у поселка, как раз и были этой платой.

Как выяснилось, вояки знали о творящемся в Константиновке, но сделать ничего не могли и просто наблюдали. С востока, на холме, был оборудован пост, и каждый день транспортом туда отсылалась-забиралась новая смена, ведущая наблюдение и докладывающая о любом изменении непосредственно наверх. Наблюдатели не раз видели и этих существ, и их эволюции с оружием на плацу. Монстры учились, и кто знает, к чему пришли бы в конце концов?.. Вся эта ситуация напомнила Добрынину фильм из детства под названием «Остров ржавого генерала». На одиноком острове в море обитала куча сумасшедших роботов – и под руководством своего командующего они учились обращению с оружием, готовились завоевать мир.

Сказка для детей обязана закончиться хорошо, и у роботов в итоге так ничего и не вышло... но кто знает, как могло повернуться здесь, в реальности, осознай эти существа себя и пожелай занять свое место в этом мире? Тем более что и противостоять им до поры до времени – пока они, накопив силы, не выбрались бы со своего жутко фонащего объекта – не представлялось возможным. Радиационный фон на территории объекта был предельным даже для бластного двойного демрона, а у вояк тогда имелся один единственный комбинезон, присланный перед самым Началом в качестве образца для испытаний. Естественно, никакого противодействия этому новообразованному воинскому формированию они оказать просто могли – не дотягивались. Это потом уже, осознав необходимость зачистки и возврата под контроль территории, они начали шевелиться и решать проблему: пусть и по заоблачным ценам, но все же скупали комбезы у редких проходящих караванов; организовывали вылазки на объект, шаг за шагом продвигаясь вперед и вычищая остатки колонии; вытаскивали со складов оружие и боеприпасы, а с отстойника – технику... А до того... до того, понимая, что им ничего не светит, генерал даже не рыпался. И лишь рейд Добрынина, показавший, что добраться до сокровищ все-таки можно, помог стронуть его с мертвой точки. Ибо если такой рейд смогла провернуть пара сталкеров, рано или поздно его провернули бы и те же бандиты. Причем в таких масштабах, что снесли бы к чертовой матери всю общину военных, поймей они то, что хранилось на складах.

Сиплый же, спустя пару недель сунувшись серьезной группой к подстанции, выхватил люлей, потеряв треть людей и несколько единиц техники, вроде пикапов с поставленными на них пулеметами и грузовика с самодельным бронированием. Вероятно, на этом этапе он еще не достиг той мощи, которая впоследствии дала ему возможность практически на равных бодаться с военными, и потому нагнуть поселок у него не получилось. Приведи он людей чуть раньше, до ходки в Константиновку – все могло бы срастись. А это значило, что история Добрынина-младшего пошла бы тогда совсем в другом направлении.

* * *

А вот для Николая Павловича Паутикова – позывной «Тарантул» – все складывалось как-то не совсем хорошо. Сидел товарищ капитан в своей комнате в общежитии, глушил самогон стакан за стаканом, и думу думал.

«...Эх и залип ты, Колян... Seriously залип. Сколько лет уже в Штабе?.. Считай, с семнадцатого года в группировке, рядовым кишкомесом... Правда, в бойцах не задержался, нет... В восемнадцатом уже комвзвода, в девятнадцатом – замком начальника Первой Ударной. Быстро рос! Что ни операция, то повышение! Четыре должности за два года прошел! Рубился как черт! А потом, в начале двадцатого, как в Штаб попал, так и встрял. И ни вперед, ни назад... Или нужно было в Первой Ударной оставаться, в Штаб не лезть?.. Чего ты тут забыл?! Ах да... ты ж честолюбивый, Колян... ты ж в верха метишь...

А как рвался-то, как рвался!.. Кучу книг прочитал: по тактике и стратегии, по управлению подразделениями, арабский язык выучил, экзамен тяжелейший выдержал... Вошел, наконец, в Штаб... Ну вот и сидишь теперь, ждешь уже пятый год у моря погоды. Простым офицером! Эх, мутила... И сколько еще сидеть будешь? Как теперь вперед двигаться? ЗНШ⁹ – молодой, едва сорок стукнуло. Начштаба – тоже. И помирать не собираются... А тебе уже сорок два! Стать бы хоть на должность начштаба к пенсии – и всё! После увольнения – в Совет Ветеранов Братства, автоматом! И в дамках! В высшем командном составе! А там и деньги, и отношение совсем другое!

Мда... Теперь бы «Периметр» найти... Это меня сразу вверх подкинет. Но это дело непростое... Сколько уже ищем – и даже след не возьмем. Тухло. А вот... войну бы! Правду

⁹ ЗНШ – заместитель начальника штаба.

говорят: кому война, а кому мать родна. В войну люди быстрее растут. Все шансы у меня будут! У начштаба я на хорошем счету, да и с Верховным сколько раз уже напрямую общался. Наверняка заметил меня... Мне бы теперь хоть мелкий толчок вперед! Хотя бы до ЗНШ подрасти! Уж я тогда своего не упущу... А караваны все эти, перегоны, узловые точки, планирование маршрутов, операции против конкурентов силами до бригады... Мелко все это, мелко! Рутина! На них не вырастешь! Войну группировке надо... Войну...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.